

Exz. archiwainy IBL

Київ
27 жовт. 89

150. КЪ ИСТОРИИ

Библ. М. Ф. Зильберберга

ЮЖНОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Выпускъ I.

ЛАЗАРЬ БАРАНОВИЧЪ.

Н. Ф. Сумцова.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Ф. Зильберберга.
1885.


~~~~~  
Дозволено цензурою. 24-го Августа 1884 года.  
~~~~~

6653

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вслѣдствіе крайней разбросанности памятниковъ южнорусской литературы XVII ст. по разнымъ книгохранилищамъ, русскимъ и польскимъ, и весьма недостаточной ученой разработки южнорусской литературы XVII в., разработки, ограничивающейся нѣсколькими спеціальными монографіями Пекарскаго, Скабалановича, Голубева и Завитневича, въ настоящее время не можетъ быть представлено цѣльное и полное изслѣдованіе исторіи южнорусской литературы XVII в., въ хронологической послѣдовательности ея явленій. Имѣя въ виду упростить ходъ научной работы посредствомъ раздѣленія ея на части, я рѣшился издавать свое сочиненіе по исторіи южнорусской литературы XVII в. выпусками различной величины, отъ 3 до 14 печатныхъ листовъ, смотря по историкокультурной важности писателя и по количеству и качеству научныхъ источниковъ и пособій. Каждый выпускъ долженъ, по предположенію автора, заключать въ себѣ полную и цѣльную характеристику того или другаго южнорусскаго писателя XVII в., съ разъясненіемъ современной ему литературной и бытовой обстановки. Что въ одномъ выпускѣ пропущено по недосмотру или незнанію, что изложено недостаточно полно или объяснено невѣрно, то должно быть приведено, дополнено или исправлено въ другомъ выпускѣ.

На первыхъ порахъ я остановился на трехъ писателяхъ второй половины XVII ст., Барановичѣ, Галятовскомъ и Гизелѣ, какъ писателяхъ, наименѣе изслѣдованныхъ въ научномъ отношеніи. Барановичъ, Галятовскій и Гизель соединены были между собой тѣсной дружбой и писали въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ научныхъ,

литературныхъ и политическихъ взглядовъ и стремленій. Дѣятельность ихъ происходила въ періодъ полного разложенія старинныхъ формъ южнорусской жизни, и въ сочиненіяхъ ихъ можно усмотрѣть разнообразныя перепутавшіяся въ хаотическомъ беспорядкѣ вліянія,—слабое вліяніе погасавшей малорусской духовной жизни, довольно крупныя остатки польскаго культурнаго вліянія и замѣтныя уже зародыши вліянія московскаго. Кромѣ сознанія историко-культурной важности литературной дѣятельности Барановича, Галятовскаго и Гизеля, я остановился на этихъ писателяхъ въ первыхъ выпускахъ моего изслѣдованія, между прочимъ, потому, что почти всѣ сочиненія ихъ оказались въ наиболѣе для меня доступныхъ библіотекахъ харьковской духовной семинаріи и харьковскаго университета, преимущественно въ семинарской библіотекѣ. Недостающее я пополнилъ тѣмъ, что нашелъ въ московскихъ книгохранилищахъ; въ библіотекѣ и Архивѣ Мин. Ин. Д., въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ библіотекѣ Общ. ист. и древн. Россійск. и въ библіотекѣ Хлудова.

Въ первый выпускъ вошелъ Барановичъ, во второй—Галятовскій, въ третій—Гизель.

Н. Сумцовъ.

ЛАЗАРЬ БАРАНОВИЧЪ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Лазарь Барановичъ принадлежитъ къ числу выдающихся литературныхъ и политическихъ дѣятелей въ южной Россіи во вторую половину XVII ст. Въ области литературы онъ выступалъ главой и руководителемъ опредѣленнаго просвѣщеннаго и патріотическаго кружка писателей, причемъ главную роль игралъ не столько по выдающемуся своему іерархическому положенію, даже не въ силу природныхъ умственныхъ дарованій, значительныхъ въ отношеніи количественномъ и довольно хорошо развитыхъ школой, преимущественно вліялъ своимъ настойчивымъ и энергическимъ характеромъ. Барановичъ и самостоятельно былъ воинствующимъ двигателемъ въ области богословской полемической литературы; но главное его литературное значеніе состоитъ въ томъ, что онъ былъ соединительнымъ звеномъ между литературными и научными тружениками, вызывалъ ихъ къ литературной дѣятельности и отчасти регулировалъ ее, управлялъ ею посредствомъ просвѣщенныхъ, проникнутыхъ житейской опытностью и добродушіемъ совѣтовъ и наставленій. Барановичъ охотно входилъ въ сношенія съ людьми пера, поддерживалъ ихъ въ случаѣ нужды нравственно, иногда и матеріально, и самъ искалъ въ нихъ духовной поддержки. Люди инициативы дороги во всякое время; отъ нихъ всегда остается какой-нибудь плодъ, какой-нибудь слѣдъ въ общественной жизни, въ наукѣ или литературѣ. Хорошъ или дуренъ общій результатъ ихъ дѣятельности, это вопросъ особый; не касаясь этого вопроса по отношенію къ извѣстному дѣятелю, ^{наукъ} нельзя

не признать, что уже самое движеніе или броженіе мысли, вызванное въ обществѣ его энергіей, есть уже своего рода толчокъ къ тому, чтобы жизнь не плеснѣвѣла, не закисло въ зловредномъ для нея спокойствіи и однообразіи. Барановичъ былъ человѣкъ почина, и его энергія должна была въ особенности пригодиться южно-русскому народу въ тяжелую для него эпоху гетманства безхарактернаго и жестокаго Брюховецкаго и гетманства невѣжественнаго и вспылчиваго Многогрѣшнаго, въ эпоху перехода высшаго православнаго духовенства въ правобережной Малороссіи въ унию. Въ тяжелую и смутную эпоху политическихъ и религіозныхъ волненій, интригъ и козней можно было своевременно сказаннымъ словомъ, своевременнымъ вмѣшательствомъ въ запутанныя малороссійскія дѣла спасти однихъ отъ гибели матеріальной, защитить отъ меча турецкаго, московскаго или польскаго, другихъ спасти нравственно, удержавъ отъ перехода въ унию. Барановичъ стоялъ на высотѣ своего положенія; онъ весьма настойчиво и неуклонно защищалъ южно-русскій народъ своевременнымъ опроверженіемъ латино-уніатскихъ сочиненій и своевременнымъ ходатайствомъ у московскаго царя о покровительствѣ и защитѣ народа отъ поляковъ и въ особенности отъ татаръ и турокъ. Въ политическомъ отношеніи Барановичъ служилъ соединительнымъ звеномъ между Малороссіей и Москвой. Онъ примирялъ разнородные, постоянно сталкивавшіеся интересы малороссовъ и великороссовъ, съ одной стороны склонялъ малороссовъ къ могущественной и единовѣрной Москвѣ, съ другой стороны склонялъ царя къ милостивому отношенію къ многострадальному малорусскому народу и къ сохраненію его древнихъ правъ на свободное устроеніе гражданскихъ и церковныхъ дѣлъ.

Какъ выдающаяся въ исторіи церкви личность Барановичъ давно уже обратилъ на себя вниманіе изслѣдователей русской старины. Въ 1852 году протоіерей

Страдомскій помѣстилъ довольно большую біографію Барановича въ „Журналѣ Министр. Народ. Просв.“, съ присоединеніемъ въ концѣ статьи нѣсколькихъ неизданныхъ до—толѣ актовъ. Недостатки статьи: съ внутренней стороны почти полное умолчаніе о сочиненіяхъ Барановича, съ внѣшней стороны—крайняя фразисость и изобиліе восхваленій. Гораздо выше стоитъ обширная статья В. Строева о Барановичѣ, помѣщенная въ №№ 3—8, 14—„15, 17—19“ Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1876 г. Были отдѣльные оттиски этой статьи, въ количествѣ всего 35 экз. Изслѣдованіе Строева, строго фактическое, распадается на двѣ почти равныя части; въ первой части излагается біографія Барановича; во второй—обзоръ проповѣдей. Интересъ представляетъ послѣдняя часть, заключающая въ себѣ весьма дѣльную и обстоятельную оцѣнку проповѣдей Барановича. О сочиненіяхъ Барановича на польскомъ языкѣ Строевъ ничего не говоритъ. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ статей о Барановичѣ, есть небольшія о немъ замѣтки Филарета Гумилевскаго во 2 кн. „Трудовъ Кіев. Дух. Акад.“ за 1860 г., С. М. Соловьева въ 1 кн. „Прав. Обзор.“ за 1860 г. (говорится исключительно о приведеніи Многогрѣшнаго въ подданство Москвѣ стараніями Барановича), Н. И. Костомарова во 2 т. „Рус. истор. въ жизнеописаніяхъ“, въ общихъ обзорахъ исторіи литературы Филарета, Галахова, Порфирьева и друг. Главными нашими источниками были, какъ будетъ видно изъ подробныхъ подстрочныхъ ссылокъ, Акты юж. и запад. Россіи, Архивъ юго-западной Россіи, Письма и сочиненія Лазаря Барановича и нѣсколько неизданныхъ документовъ въ московскомъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ.

Фамилія „Барановичъ“ довольно часто встрѣчается въ Малороссіи ¹⁾. Извѣстенъ Лаврентій Барановичъ,

¹⁾ Въ IV т. Энцикл. Лекс. Плюшара Барановичъ названъ бѣлорусскимъ уроженцемъ, безъ представленія документальныхъ доказательствъ.

вятскій епископъ, умершій въ 1796 г. Эту же фамилію носилъ архимандритъ Новгородъ-Сѣверскаго Преображенскаго монастыря, Геннадій, скончавшійся въ 1845 г. Геннадій Барановичъ родился въ с. Веркiевкѣ Нѣжинск. уѣзда; онъ считалъ себя родственникомъ, Лазаря Барановича. На основаніи того, что фамилія Барановичъ и нынѣ встрѣчается въ Черниговской губерніи, можно допустить, что архіеп. Лазарь, проведеншій много лѣтъ въ Черниговщинѣ въ архіерейскомъ санѣ, и родомъ былъ изъ этой мѣстности.

По польскому католическому свидѣтельству родители Барановича были уніаты ¹⁾. Весьма возможно, что тутъ мы имѣемъ дѣло со сплетней. Какъ извѣстно, латино-уніаты съ большой настойчивостью доказывали упорствовавшимъ въ православіи малороссамъ, что предки ихъ будто бы были уніатами. Въ синодикѣ, составленномъ въ 1698 г., по повелѣнію черниговскаго архіеп. Іоанна Максимовича, послѣ имени Лазаря сряду стоятъ имена Василия и Маріи, потомъ Симеона и Іакова. Первые два имени относятся къ родителямъ Лазаря Барановича ²⁾. Въ точности неизвѣстно, кто были его родители и родственники. Изъ писемъ Барановича извѣстно только, что у него была сестра, принявшая впослѣдствіи монашество.

Въ „Черниговской лѣтописи“ подъ 1693 г. (въ рукописи пропущенномъ) сказано слѣдующее: „Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, умре; живѣ лѣтъ всѣхъ 73, правилъ престолъ 36 лѣтъ“.... ³⁾ На основаніи этого свидѣтельства Филаретъ Гумилевскій и В. Строевъ время рожденія Барановича относятся къ 1620 г. Можно, однако, усомниться въ вѣрности лѣтописнаго свидѣтельства о томъ, что Лазарь жилъ 73 года. Самъ Строевъ говоритъ, что Барановичъ уже въ

¹⁾ Wiszniewski, Hist. literat. polsk. VIII. 384.

²⁾ Страдомскій, 6.

³⁾ Бѣлозерскій, Южно-русскія лѣтописи. I. 39.

1642 г. былъ преподавателемъ въ кіево-могилянскоѣ коллегіи, а въ 1650 ректоромъ ¹⁾. Трудно допустить, чтобы преподавателемъ въ коллегіи могъ быть 22 лѣтній юноша; еще труднѣе предположить, чтобы почетную и важную должность ректора коллегіи занималъ тридцатилѣтній Барановичъ. Къ быстрому возвышенію Барановича могла бы привести или принадлежность къ знатной аристократической семьѣ, или выдающіяся литературныя заслуги; ни того, ни другаго не было. Если бы Барановичъ происходилъ не изъ мѣщанскаго, крестьянскаго или мелкаго панскаго семейства, если бы онъ могъ указать въ своемъ роду хотя на одно знатное лицо, льстецы и панегиристы усердно подхватили бы это обстоятельство и протрубили бы о немъ въ виршахъ и въ прозѣ на всю православную Россію. О научныхъ или литературныхъ лаврахъ Барановича въ сороковые годы XVII ст. не можетъ быть и рѣчи,—Барановичъ до полученія епископскаго званія не заявилъ себя печатными трудами. Уже въ 1666 году Барановичъ жаловался Θεодосію Софоновичу на свою „хилую старость“, ²⁾ и жалоба эта часто повторяется въ письмахъ архіеп. Лазаря въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ. „Я дрожу уже отъ старости“, писалъ архіеп. Лазарь въ 1675 г. Михаилу Лежайскому ³⁾. Въ 1682 г. въ письмѣ къ царевнѣ Софьѣ Барановичъ называетъ себя древнимъ чловѣкомъ. Въ восьмидесятихъ годахъ онъ былъ такъ слабъ и дряхлъ, что принужденъ былъ просить о назначеніи ему въ лицѣ Θεодосія Углицкаго намѣстника и помощника. Мы склонны допустить ошибку въ Черниговскоѣ лѣтописи при показаніи общаго числа лѣтъ Барановича, тѣмъ болѣе что эта весьма интересная въ историко-бытовомъ смыслѣ лѣтопись вообще не свободна отъ хронологическихъ ошибокъ (на-

¹⁾ Строевъ, Лазарь Барановичъ 8.

²⁾ Письма Л. Баран. 32.

³⁾ Письма Л. Баран. стр. 199.

примѣръ годъ смерти Петра Могилы въ лѣтописи 1645, тогда какъ Могила скончался 1 января 1647 г.). Страдомскій, на основаніи хранящихся въ ризницѣ черниговскаго архіерейскаго дома грамотъ и синодика черниговскихъ іерарховъ, время рожденія Барановича относитъ къ 1593 году ¹⁾. Столѣтняя жизнь Барановича совпала съ самымъ горячимъ временемъ въ исторіи малорусскаго народа. На глазахъ у Барановича совершилось ~~возникновеніе~~ и развитіе уніи въ юго-западной Россіи и прошелъ цѣлый рядъ великихъ и мелкихъ гетмановъ, начиная отъ Канашевича-Сагайдачнаго и кончая Мазепою. Долгая жизнь Барановича распадается почти на два равныхъ періода. Первый періодъ, это время отъ рожденія до полученія епископскаго сана, время темное, крайне скудное документальными памятниками и извѣстіями о Барановичѣ, и второй періодъ отъ полученія епископскаго сана до кончины, когда Барановичъ играетъ видную роль въ исторіи Малороссіи и его имя встрѣчается уже въ актахъ, въ письмахъ и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, когда, вообще, извѣстія о Барановичѣ весьма многочисленны и разнообразны.

Мѣстомъ обученія Лазаря Барановича Страдомскій считаетъ школу кіево-братскаго богоявленскаго монастыря. Относительно школьнаго образованія Барановича есть цѣнное указаніе въ „Старомъ Костелѣ“ Галятовскаго. Здѣсь сказано, что Барановичъ развилъ свой умъ въ виленской, кіевской и калинской академіяхъ. Гдѣ бы первоначально ни обучался Барановичъ, въ родномъ ли городѣ или селѣ у пана дьяка, въ кіевской ли братской школѣ, изъ словъ Галятовскаго видно, что окончательное образованіе онъ получилъ въ польскихъ коллегіяхъ. Страдомскій высказалъ предположеніе, что Барановичъ былъ однимъ изъ молодыхъ людей, от-

¹⁾ Основанія для такого предположенія см. въ „Черниг. Губ. Вѣдом.“ 1846. № 52. отд. 2, ч. неоф. 350.

правленныхъ Петромъ Могилою въ заграничныя университеты, для приготовленія къ преподавательской дѣятельности въ кievской каллегіи. Предположеніе это, слишкомъ произвольное, не можетъ быть принято. Ни въ письмахъ Барановича, ни въ его стихотвореніяхъ нельзя отыскать ни малѣйшаго намека на такого рода посылку. Педагогическая дѣятельность Барановича началась въ началѣ сороковыхъ годовъ, т. е. въ концѣ жизни П. Могилы, слѣдовательно, слишкомъ поздно для лица, командированнаго за границу въ 1631 г. Изъ письма Гавріила Домецкаго къ новгородскому митроп. Юву конца XVII ст. можно вывести только то неопровержимое заключеніе, что въ числѣ молодыхъ монаховъ, посланныхъ П. Могилою въ заграничныя академіи, былъ Иннокентій Гизель. Кто были его товарищи по заграничному образованію, вопросъ остается открытымъ и, при отсутствіи другихъ разъясняющихъ документальныхъ свидѣтельствъ, можно сильно сомнѣваться, чтобы вопросъ этотъ когда либо былъ рѣшенъ удовлетворительно. На чьи бы средства Барановичъ не учился въ польско-латинскихъ коллегіяхъ, на средства ли какого-нибудь православнаго благотворителя или братства, что сомнительно, или, что гораздо вѣроятнѣе, на собственные средства, онъ имѣлъ возможность ознакомиться съ западною схоластическою наукой. Онъ пилъ изъ того же мутнаго источника мудрости, изъ котораго пили молодые люди, командированные П. Могилою за границу, — изъ схоластической латинской школы, построенной на принципѣ подавленія духовной пытливости и подчиненія разума безусловному авторитету церкви. Изъ сочиненій Барановича видно, что пройденная имъ въ молодости образовательная школа имѣла сухой схоластическій характеръ и что въ Барановичѣ, при всѣхъ его дарованіяхъ, не было вовсе скептицизма, который помогъ бы ему, какъ помогъ впоследствии недовѣрчивому и саркастическому Теофану

Прокоповичу, освободиться изъ подъ учительской ферулы и проложить новые пути въ наукѣ, литературѣ и общественной жизни. По окончаніи курса наукъ Барановичъ принялъ монашество и имя Лазаря, вмѣсто прежняго имени, которое осталось неизвѣстнымъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ бытность ректоромъ коллегіи Иннокентія Гизеля, Барановичъ получилъ мѣсто наставника. По установившемуся въ коллегіи обыкновенію онъ началъ свою педагогическую дѣятельность въ званіи преподавателя съ нисшихъ классовъ, фары и инфимы, и затѣмъ уже послѣдовательно перешелъ въ высшіе классы, въ философію и богословіе, гдѣ преподавалъ въ почетномъ званіи профессора ¹⁾. Подъ его руководствомъ учились Іоанникій Галатовскій и Антоній Радивилловскій ²⁾. Барановичъ, по своей учительской обязанности, долженъ былъ говорить въ церкви проповѣди и составлять мистеріи, или духовныя драмы. Проповѣди свои онъ собралъ, обработалъ и много лѣтъ спустя по выходѣ изъ коллегіи издалъ ихъ въ двухъ огромныхъ сборникахъ. Остаткомъ драматической дѣятельности Барановича считаютъ „Дѣйствіе на страсти Христовы“,—рукопись, находящуюся въ церковно-археологическомъ музеѣ при кievской духовной академіи ³⁾. Въ 1650 году Барановичъ былъ опредѣленъ ректоромъ коллегіи и игуменомъ братскаго монастыря. Заботливость Барановича о ввѣренной его попеченіямъ коллегіи выразилось въ томъ, что онъ обратилъ на нее вниманіе благотворителей, сумѣлъ доставить ей извѣстныя матеріальныя выгоды. Такъ, въ 1650 г. еп. перемышльскій Антоній

¹⁾ Galatovski. Stary Kasciol 4.

²⁾ Галатовскій называетъ себя ученикомъ Барановича въ „Стар. Костелѣ“. Въ письмѣ къ Ант. Радивилловскому Лазарь Барановичъ замѣчаетъ: „ты одинъ изъ моихъ питомцевъ“ (№ 84).

³⁾ Н. И. Петровъ въ „Труд. кiev. дух. акад.“ 1866. II. 359 и В. Строевъ въ соч. о Лазарѣ Барановичѣ на стран. 56.

Виницкій далъ запись ректору коллегіи Барановичу, что онъ, по своему обѣщанію поддерживать въ русскомъ народѣ просвѣщеніе, принимая во вниманіе бѣдность коллегіи въ матеріальномъ отношеніи и ея полезность въ отношеніи духовномъ, обязывается, начиная съ 1650 г., давать ежегодно въ пользу коллегіи сто злотыхъ. Такія же записи и въ то же время учинены еп. луцкимъ и острожскимъ Іосифомъ Чаплицемъ еп. витебскимъ Іосифомъ Горбацкимъ и еп. хелмскимъ и белжскимъ Діонисіемъ Балабаномъ; первый и второй обязались вносить ежегодно ко дню Введенія пресв. Дѣвы на поддержаніе коллегіи по 500 злотыхъ, а послѣдній—200 злотыхъ. ¹⁾

Во все ректорство Барановича продолжалась война Богдана Хмельницкаго съ поляками. Трудно было въ столь бурное время поставить коллегію въ хорошее положеніе въ педагогическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Горячее чувство патриотизма, охватившее южно-русскій народъ во всѣхъ его слояхъ, проникало и за стѣны коллегіума. Студенты ушли въ войска Хмельницкаго. Маестности братскаго монастыря были опустошены или отняты. Барановичу трудно было держаться на пожертвованія отдѣльныхъ лицъ. Онъ оставилъ опустѣвшую и обѣднѣвшую коллегію и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ проживалъ въ подвѣдомственныхъ Печерской лаврѣ монастыряхъ кіево-кирилицкомъ ²⁾, купятицкомъ и дятеловецкомъ, въ почетномъ званіи игумена. Игуменомъ кіево-кириловскаго монастыря Барановичъ былъ въ 1652 г., купятицкаго и дятеловецкаго монастыря немного позднѣе. Купятицкій мон. находился въ разстояніи одной мили отъ г. Пинска. Въ немъ хранилась чудотворная икона Божіей матери,

¹⁾ Памятники, изд. времен. комис. для разб. древ. акт. II. 196—204.

²⁾ „И я былъ привилегированнымъ игуменомъ кирилловскимъ“, писалъ Б. Мелетію Дзюку въ 1677 г. „Письма“ стр. 213.

замѣчательная тою особенностью, что изображеніе Богоматери сдѣлано рельефомъ на черной воскомастикѣ въ крестѣ небольшого размѣра. Въ 1655 или въ началѣ 1656 года Л. Барановичъ привезъ эту икону въ Кіевъ ¹⁾ и помѣстилъ ее въ кіево-софійскомъ соборѣ. Злые языки латино-уніатовъ распустили слухъ, что Барановичъ вывезъ изъ купятицкаго монастыря большія богатства, которыя будто бы облегчили ему путь къ достиженію епископскаго званія. Трудно допустить, чтобы купятицкій монастырь, находившійся на далекомъ русскомъ западѣ, въ болотистой Пинской области, вдали отъ военныхъ и торговыхъ трактовъ, былъ монастырь богатый, чтобы Лазарь Барановичъ могъ вывезти изъ него много цѣнныхъ вещей. Нельзя отрицать вполне возможности самого факта перевоза купятицкаго монастырскаго имущества всего или частью въ Кіевъ. Въ Малороссіи въ смутное время войнъ съ поляками и татарами подобнаго рода перемѣщенія монастырскаго имущества изъ одного мѣста, которому угрожалъ неприятель (жолнеры или іезуиты), въ другое, сравнительно безопасное мѣсто, были довольно часты. Такъ, въ 1638 г. игумень густынскаго монастыря съ братіей, игумень ладинскаго женскаго монастыря со всѣми монахинями и часть братіи мон. лубенскаго бѣжали въ московское государство со всѣмъ монастырскимъ имуществомъ, которое однако на дорогѣ было разграблено частью слугами кн. Вишневецкаго, частью конотопскими казаками ²⁾. Бывали, впрочемъ, такіе случаи присвоенія монастырскаго имущества, которые весьма походили на хищеніе. Такъ, въ 1635 г. ех-митрополитъ Исаія Копинскій выѣхалъ изъ кіево-михайловскаго монастыря, неизвѣстно куда, и забралъ съ собою разные монастырскіе документы и многія наиболѣе цѣнныя церковныя вещи, какъ-то: омофоръ, три фе-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи III. 518.

²⁾ Макарій, Исторія русск. церкви. XI. 507.

лони, два евангелія, разныя книги и проч. ¹⁾. Если что и вывезъ Барановичъ изъ купятицкаго монастыря, то это не было актомъ похищенія, а актомъ сохраненія старо-давняго православнаго монастырскаго достоянія въ виду возможнаго захвата его латино-уніатами. Предосторожность Барановича оказалась весьма умѣстной, такъ какъ во второй половинѣ XVII вѣка купятицкимъ монастыремъ овладѣли сперва бенедиктинскіе, потомъ уніатскіе монахи ²⁾. Изъ одного письма Лазаря Барановича видно, что даже на купятицкую икону Богородицы заявлялъ притязаніе, какъ на свою собственность, Копецъ, землевладѣлецъ пинскаго повѣта, вѣроятно, католикъ (родственникъ его былъ католическій священникъ). Въ 1669 г. Барановичъ сильно опасался, чтобы московское правительство не передало Польшѣ, согласно съ Андрусовскимъ договоромъ, Кіева. Такъ какъ въ 6 ст. Андрусовскаго договора сказано, что москвитяне, возвращая Польшѣ завоеванные у нея города, должны одновременно возвратить церковныя книги и иконы ³⁾, то возникало серьезное опасеніе, что высоко-чтимыя кіевскія святыни перейдутъ во власть католической Польши. Барановича, по видимому, сильно смущала мысль, что въ случаѣ возвращенія Кіева Польшѣ, Копцы могутъ взять изъ Кіева обратно въ купятицкій мон. икону Божіей Матери. „Я привезъ питательницу алчущихъ, писалъ Барановичъ Ин. Гизелю 17 іюля 1669 г., но что только дѣлаютъ люди, да будетъ совѣсть ихъ всему тому судьей. Его милость панъ Копецъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы сокровище это скрылъ на чужой землѣ. Прилично было ей (пресв. Дѣвѣ) быть въ братствѣ, потому что она просвѣщаетъ многихъ въ разумѣ; прилично въ печер-

¹⁾ Ibid. 501.

²⁾ М. Евгеній, опис. кіево-соф. соб. 49.

³⁾ С. Величко, лѣтопись II. 109.

ской лаврѣ, потому что это ея обитель, и въ св. Софїи, божіей премудрости, премудро воздаваемо бы было ей поклоненіе; если бы Кіевъ былъ отданъ, то панъ Копецъ, конечно, подкопалъ бы это сокровище, такъ какъ оно ихъ фамильное.—Все замѣчательное, что въ Москву было забрано, какъ-то древо св. креста, по договору должны были возвратить; какъ бы не случилось того же и съ этою чудотворною иконой? Она сама постоитъ за свою славу; иначе и нашему смиренію пришлось бы поплатиться; не удостовѣрились бы нашимъ возраженіемъ "... 1). Купятицкая икона Богоматери была въ Малороссіи высокочтимой святыней; о ея чудесахъ писалъ Кальнофойскій въ „Тератургимѣ“, Галлятовскій въ „Небѣ новомѣ“. Святыня эта въ рукахъ латино-уніатовъ легко могла сдѣлаться орудіемъ соблазна и совращенія православныхъ въ унію. Барановичъ оказалъ прямую услугу родному краю, что своевременно перенесъ икону въ Кіевъ, сохранивъ такимъ образомъ замѣчательный въ церковно-археологическомъ отношеніи южно-русскій памятникъ и доставивъ народу въ нѣкоторомъ родѣ новую опору въ борьбѣ съ вѣянїями и вліянїями, вредными для чистоты и цѣлости малорусской народности.

Въ бурный періодъ войнъ Хмельницкаго съ поляками Барановичу трудно было получить прочное высокое мѣсто въ іерархіи. Хмельницкій расчищалъ для него дорогу, разгонялъ поляковъ, отнималъ у латиноуніатовъ незаконно ими присвоенныя православныя церкви, избивалъ при благопріятномъ случаѣ иезуитовъ и базилянъ. Лишь только установилось въ концѣ жизни Хмельницкаго нѣкоторое спокойствіе въ Малороссіи, преимущественно въ отшедшей къ Москвѣ восточной ея половинѣ, Барановичъ выступилъ кандидатомъ на епископское званіе. Престарѣлый митрополитъ

1) Письма Л. Баран., стр. 95—96.

Сильвестръ Коссовъ выдалъ въ 1657 г. Барановичу одобрительную грамоту; гетманъ Богданъ Хмельницкій и генеральный писарь Ив. Выговскій подкрѣпили одобреніе личности и дѣятельности Барановича похвальными универсалами. Съ этими вѣскими документами Барановичъ отправился въ Молдавію и, здѣсь, въ г. Яссахъ, съ согласія молдавскаго господаря Георгія Стефана, 8 марта 1657 г. былъ хиротонисанъ въ епископа черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго. Обрядъ хиротонисанія совершенъ сочавскимъ митрополитомъ Гедеономъ и епископами Анастасіемъ Романскимъ и Теофаномъ Хушскимъ. Въ посвяtitельной грамотѣ, между прочимъ, сказано, что Лазарь Барановичъ, „душевному разумомъ украшенный, суще отъ дѣтища ко иноческому житію усердное желаніе имаше“¹⁾.

Любопытно то обстоятельство, что Барановичъ, принявъ санъ черниговскаго епископа при жизни черниговскаго епископа Зосимы Прокоповича. Подобнаго рода случай, какъ извѣстно, былъ при назначеніи Петра Могилы кievскимъ митрополитомъ Исаіа. Копинскій былъ живъ и не хотѣлъ добровольно удалиться съ митрополичьей кафедры. По распоряженію Петра Могилы, престарѣлаго и больнаго Исаію ночью схватили въ кievо-михайловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ настоятельствовалъ и, въ одной власяницѣ, перебросивши черезъ коня, какъ какой-нибудь мѣшокъ, перевезли въ кievо-печерскую обитель.²⁾ Лазарь Барановичъ не былъ такъ силенъ, какъ знаменитый кievскій митрополитъ молдаванинъ; можетъ быть онъ не нашель приличнымъ для духовнаго лица прибѣгать къ мѣрамъ насилія. Въ ожиданіи кончины Зосимы онъ поселился въ сторонѣ отъ него, въ новгородъ-сѣверскомъ преобразенскомъ монастырѣ. Въ теченіи двухъ лѣтъ въ чер-

¹⁾ Страдомскій, Ж. М. Н. Пр. 1852 LXXV. 96. Здѣсь приложена посвяtitельная грамота.

²⁾ Голубевъ, Петръ Могила I. 553.

ниговской епархіи было два епископа, Зосима и Лазарь, причѣмъ дѣятельнымъ оказывался Лазарь Барановичъ.

Филаретъ Гумилевскій въ исторіи черниговской іерархіи первымъ православнымъ епископомъ возстановленной и очищенной отъ уніатовъ черниговской епархіи считаетъ Зосиму Прокоповича (не Захарію; Захаріи не видно въ памятникахъ). 1) Зосима въ 1631 г. былъ игуменомъ кіево-михайловскаго монастыря; во второй половинѣ сороковыхъ годовъ онъ былъ уже черниговскимъ епископомъ. Такъ какъ, по рѣшенію варшавскаго сейма 1635 г., черниговскими православными монастырями и церквами завладѣли латино-уніаты, то Зосимѣ, при титулѣ черниговскаго епископа, пришлось жить въ Кіевѣ въ званіи блюстителя пещеры св. Антонія. Въ 1654 г. 16 января Зосима вмѣстѣ съ митроп. Сильвестромъ и печерскимъ архимандритомъ Іосифомъ встрѣтилъ въ Кіевѣ царскихъ пословъ. Коссовъ получилъ отъ Бутурлина царскаго жалованья сорокъ соболей въ сто рублей, а Прокоповичъ и Тризна сорокъ соболей по 70 рублей за каждый сорокъ. Въ томъ же году въ февралѣ московское правительство извѣщало Коссова, Прокоповича и Тризну о рожденіи царевича Алексѣя и предложило имъ пѣть по этому случаю молебны со звономъ. Въ іюлѣ 1654 г. еписк. Зосима отправилъ московскому царю грамоту съ извѣщеніемъ радости о воссоединеніи В. и М. Россіи и съ похваленіемъ государя за его борьбу съ врагами вѣры. Зосима говоритъ, что болѣзнь помѣшала ему отправиться вмѣстѣ съ посольствомъ митрополита въ Москву на поклонъ царю. 2). Грамота отправлена изъ кіево-печерской лавры; она написана просто и искренно. Хмельницкій очистилъ Черниговщину отъ доми-

1) Тр. кіев. дух. акад. 1860. II. 201.

2) Акты южной и западной Россіи X. № 4, стр. 252, 260, 755, 758, 311, 718.

никанцевъ и обезпечилъ епископію маетностями. Въ концѣ своей жизни Зосима жилъ въ черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ и здѣсь на основаніи древняго монастырскаго синодика составилъ „Поминникъ св. обители черниговской пресв. Богородицы елецкой“. Можно думать, что Зосима въ Елецкомъ монастырѣ жилъ на покоѣ; это не значитъ, чтобы онъ добровольно просилъ у кого-нибудь увольненія, сдать дѣла своему преемнику по епархіи. Его, такъ сказать, уволила отъ дѣлъ старость, и дѣла сами собою перешли въ руки энергическаго и талантливаго Лазаря Барановича. Зосима скончался въ 1659 г.

По вступленіи на черниговскую кафедру Барановичъ прежде всего позаботился о полученіи утвердительныхъ универсаловъ и грамотъ на архіерейскія маетности. Богданъ Хмельницкій 3 мая 1657 года далъ Барановичу жалованную грамоту на маетности черниговской архіерейской кафедры ¹⁾. Не успѣлъ Лазарь хорошо осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, какъ почти одновременно случилось два крупныхъ событія, смерть С. Коссова 13 апрѣля 1657 года и смерть Б. Хмельницкаго 27 іюля того же года, и Барановичъ призванъ былъ участвовать въ избраніи новаго митрополита и новаго гетмана. Какъ духовный пастырь обширной черниговской епархіи, Барановичъ получилъ во временное управленіе кievскую митрополию, до избранія митрополита. Онъ долженъ былъ назначить извѣстный день для избранія митрополита и письменно пригласить епископовъ. Ему пришлось на первыхъ же порахъ своей дѣятельности столкнуться съ московскимъ властолюбіемъ, и тутъ то сразу открылась дипломатическая ловкость Барановича. Онъ повидимому безпрекословно пошелъ на московскія предложенія подчиниться московскому патріарху и въ дѣйствительности ничего не сдѣ-

¹⁾ Дилеевъ, Опис. рукоп. черниг. духов. семин. 93—94.

лалъ для практическаго ихъ осуществленія. Кіевскій воевода Бутурлинъ сильно настаивалъ, чтобы Барановичъ, Гизель и другіе игумены кіевскіе безъ царскаго указа за епископами не посылали и безъ патріаршаго благословенія митрополита не избирали. Еп. Лазарь отвѣтилъ, что онъ радъ царской милости и патріаршему благословенію, но находитъ необходимымъ предварительно переговорить насчетъ предложенія Бутурлина съ архимандритами и игуменами. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать церковное единство правобережной Малороссіи съ Малороссіей лѣвобережной. Правобережные православные епископы не могли согласиться на подчиненіе кіевскаго митрополита московскому патріарху, такъ какъ они находились подъ польской властью, и польское правительство не допустило бы іерархической зависимости епископовъ отъ московскаго патріарха. Выговскій сначала уклонился отъ участія въ рѣшеніи вопроса объ избраніи и іерархической зависимости новаго митрополита, но вѣкорѣ заявилъ, что пошлетъ казацкихъ пословъ на избраніе митрополита и потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ государю ¹⁾. Барановичъ назначилъ выборы митрополита на 1 октября; но выборы не состоялись; не могли они состояться ни на второмъ сѣздѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ 18 октября, ни на третьемъ сѣздѣ 6 ноября, — 18 октября главнымъ образомъ по случаю неприбытія на сѣздѣ львовскаго еп. Арсенія Желиборскаго ²⁾, 6 ноября преимущественно по причинѣ отказа Бутурлина пріѣхать на сѣздѣ безъ царскаго указа, что указывало на неуклонное намѣреніе московскаго правительства нарушить древнее право малороссовъ избирать митрополита вольными голосами. Дѣло избранія митрополита тянулось

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи XI. 2; Костомаровъ, Гетм. Выговскаго 7.

²⁾ Письма Л. Баран. 5—6.

долго; Л. Барановичъ не выступилъ открыто ни за, ни противъ Москвы; судя по всему складу его убѣжденій, нужно допустить, что онъ противодѣйствовалъ московскимъ планамъ. Въ концѣ концовъ митрополитомъ избранъ былъ Діонисій Балабанъ, человѣкъ вовсе не расположенный къ Москвѣ. Что Лазарь Барановичъ своимъ вліяніемъ содѣйствовалъ избранію Діонисія, видно изъ того, что новый митрополитъ отнесся къ нему весьма благосклонно и предоставилъ ему такіа имущественныя и церковно-іерархическія права, на укрѣпленіе которыхъ впослѣдствіи не соглашался ни одинъ митрополитъ. М. Діонисій далъ еп. Лазарю три протопопіи, глуховскую, конотопскую и борзенскую, которыя до-толѣ (т. е. до 1658 г.) числились въ области кіевского митрополита и, что въ особенности важно, призналъ независимость черниговской кафедрѣ отъ кіевскихъ митрополитовъ. Барановичъ состоялъ такимъ образомъ подъ духовной властью одного константинопольскаго патріарха. Въ такомъ состояніи іерархической независимости черниговская епархія находилась около 30 лѣтъ.

Незадолго до избранія новаго митрополита Барановичъ принималъ участіе въ избраніи новаго гетмана. Послѣ корсунской рады, доставившей гетманскую булаву Выговскому, гетманъ и полковники отправились въ Кіевъ. 17 октября 1657 г. въ братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя Б. Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдни Л. Барановичъ окропилъ св. водой эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. „Принимая гетманство, говорилъ Барановичъ Выговскому, ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ; управляй и укрѣпляй войско запорожское, чтобы оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго

величества“. Сказавъ это, Барановичъ осѣнилъ крестомъ новоизбраннаго гетмана ¹⁾.

По смерти Зосимы Прокоповича, случившейся какъ разъ въ то время, когда Барановичъ освободился отъ кievскихъ дѣлъ, Барановичъ пожелалъ укрѣпить свою власть и свои маенности новымъ гетманскимъ универсаломъ и царской грамотой. Юрій Хмельницкій выдалъ ему 21 января 1660 г. подтвердительный универсалъ ²⁾. Въ Москвѣ на просьбу Барановича о выдачѣ жалованной и подтвердительной грамоты на маенности посмотрѣли какъ на признаніе Барановичемъ зависимости отъ Москвы и потому отвѣтили очень скоро и очень любезно. Въ царской грамотѣ отъ 28 февраля 1660 года говорится: „быти ему (т. е. Л. Барановичу) на епископіи по прежнему и доходами всякими, которыми напредь сего владѣлъ, ему тѣми доходами владѣти во всемъ противъ прежняго“ и тутъ же прибавлено „и во всемъ царское повелѣніе исполнять“ ³⁾. Впослѣдствіи Барановичъ выпросилъ еще нѣсколько утвердительныхъ грамотъ на маенности, у Д. Многогрѣшнаго въ 1669 году, у царя Θεодора Алексѣевича въ 1676 году ⁴⁾.

Благополучно устроивъ свои дѣла въ Кіевѣ и въ Москвѣ, еп. Лазарь ревностно сталъ заботиться о внутреннемъ устроеніи своей епархіи.

При сыновьяхъ и внукахъ Ярослава Мудраго черниговская епархіа занимала обширное пространство, отъ береговъ Днѣпра и Оки до береговъ Оскола и Воронежа. Послѣ татарскаго нашествія она сильно сократилась. Черниговскіе епископы перенесли свою ка-

¹⁾ Костомаровъ, Гетм. Выговскаго 18.

²⁾ Лилеевъ, 93.

³⁾ Акты историческіе IV. № 144.

⁴⁾ Лилеевъ, 94; Дополн. къ Актамъ Историч. т. VII.

ѳедру въ Брянскъ, а оттуда въ Смоленскъ, и стали именоваться (1397—1490) брянскими, потомъ (въ XVI ст.) смоленскими. Въ концѣ XVI ст. остатки прежней черниговской епархіи распались на двѣ части, епархію черниговскую и епархію новгородъ-сѣверскую. Во время Брестскаго собора (1596 г.) каждая епархіа имѣла своего епископа; чернигово-остерскимъ еп. былъ Иннокентій Борковскій, отступившій въ унію; епископомъ новгородъ-сѣверскимъ былъ Іоаннъ Лежайскій; онъ остался вѣренъ православію. Въ Черниговщинѣ стало сильно распространяться латинство. Одни православные монастыри были разрушены; другіе обращены въ латинскіе кляшторы и костелы. Елецкимъ монастыремъ овладѣли уніаты. При храмѣ св. Бориса и Глѣба поселились доминиканцы. Въ церкви св. муч. Параскевы служили ксензы. Мужескій новгородъ-сѣверскій Успенскій монастырь обращенъ былъ въ базилианскій; женскій новгородъ-сѣверскій Покровскій монастырь въ доминиканскій. Въ Стародубѣ былъ основанъ монастырь францискановъ. Въ 1638 г. въ Новгородъ-Сѣверскѣ былъ учрежденъ іезуитскій коллегіумъ съ бесплатнымъ обученіемъ ¹⁾.

Православное духовенство было малочисленно, бѣдно и невѣжественно; въ богослужебныхъ книгахъ чувствовался большой недостатокъ; православныхъ братскихъ школъ было мало, и школы то были самыя элементарныя; малорусская старшина быстро подвигалась къ ополяченію. При вступленіи Л. Барановича на новгородъ-сѣверскую каѳедру, за исключеніемъ Чернигова, гдѣ сидѣлъ особый епископъ, въ управленіе ему достались немногія церкви въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ. Всѣ отрасли епархіальнаго управленія находились въ упадкѣ. Въ самомъ богослуженіи допускались уклоненія. Барановичъ долженъ былъ употребить

¹⁾ Страдомскій, 17—22.

много усилій, чтобы чуждое исторгнуть, нечистое освятить, поврежденное исправить, недостаточное восполнить.

Еп. Лазарь началъ свою устроительную и преобразовательную дѣятельность съ того, что учредилъ въ главнѣйшихъ городахъ епархіи протопоіи, въ городахъ небольшихъ и мѣстечкахъ намѣстничества. Какъ протопопы, такъ и намѣстники, находившіеся въ нѣкоторой зависимости отъ первыхъ, должны были завѣдывать мѣстнымъ и ближайшимъ духовенствомъ, наблюдать за его нравственностью и соблюденіемъ церковныхъ правилъ, разрѣшать недоумѣнія при бракосочетаніяхъ, освящать по архіерейскому благословенію храмы, выдавать одобренія лицамъ, поступавшимъ въ церковнослужители, завѣдывать церковнымъ судомъ и расправой, вникать въ хозяйственное распоряженіе церквей, собирать съ причтовъ опредѣленныя пошлины, по числу приходскихъ дворовъ и совершенныхъ браковъ и съ церковныхъ имѣній нѣкоторую часть доходовъ и отсылать въ архіерейскій домъ. Иногда протопопамъ поручалось отлученіе отъ церкви непослушныхъ. Такой порядокъ церковнаго правленія долго сохранялся въ лѣвобережной Украинѣ, и званіе намѣстника совершенно отмѣнено лишь въ 1834 г. ¹⁾

Барановичъ энергически принялся за возстановленіе разрушенныхъ или запустѣвшихъ монастырей и церквей и за постройку новыхъ. Такъ, въ первыя десять лѣтъ его епископства были построены новые монастыри Шуморскій Троицкій близъ г. Почепа въ нынѣшнемъ мглинскомъ уѣздѣ, Андрониковскій Троицкій монастырь въ сосницкомъ уѣздѣ и Пустыно-Рыхловскій Николаевскій монастырь въ 12 верстахъ отъ г. Коропа; трудами І. Галятовскаго возобновлена Елецкая обитель и заботами самого Барановича возобновленъ Новгородъ-Сѣверскій каѳедральный монастырь. Впослѣдствіи Ба-

¹⁾ Страдомскій, 27.

рановичъ обновилъ черниговскую церковь св. Бориса и Глѣба, украсилъ Преображенскій соборъ, возобновилъ храмъ св. Параскевы, при которомъ учредилъ дѣвичій монастырь. По благословенію еп. Лазаря возникли новые монастыри: Костянскій Троицкій въ мглинскомъ уѣздѣ, дѣвичій Успенскій мон. въ Глуховѣ, дѣвичій Пушкаревскій мон. въ Полтавѣ, Каменскій Успенскій мон. и Каташинскій Николаевскій мон. въ новозыбковскомъ уѣздѣ, Мироновская Іоанна-Богословская обитель вблизи Борзны ¹⁾. Умноженіе монастырей свидѣтельствуетъ о подъемѣ духовно-правственной жизни въ краѣ, долгое время придавленномъ латино-уніатами. Въ устроеніи обителей Барановичу помогъ гетманъ Д. Многогрѣшный (построилъ Рыхловскій монастырь), много помогало московское правительство; но въ особенности Барановичу въ этомъ отношеніи содѣйствовалъ черниговскій полковникъ Василій Борковскій, давшій большія средства на возстановленіе Елецкаго монастыря. Это тотъ Бурковскій, извѣстный богачъ, которому кн. Голицынъ предлагалъ гетманство, послѣ устраненія Самойловича, за 10,000 руб. и который по скупости отказалъ боярину. Борковскій, по семейному преданію, сообщаемому Маркевичемъ, былъ не только скупой, но и злой человѣкъ. Онъ ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, таскалъ къ себѣ дочерей и женъ своихъ крестьянъ, тиранилъ самихъ крестьянъ: одѣвалъ ихъ въ медвѣжьи мѣха и травилъ медалями. Должно быть страхъ адскихъ мукъ заставлялъ его по временамъ раскошелиться. Повидимому, Барановичъ и Галятовскій сдумѣли эксплуатировать въ свою пользу этотъ страхъ. Какъ бы то ни было, по народному преданію, черти овладѣли Борковскимъ. Онъ умеръ въ Черниговѣ и былъ похороненъ въ Троицкомъ монастырѣ. Распространилась молва, что Борковскій упырь, что онъ развѣз-

¹⁾ Страдомскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1852. LXXV 30 и 89.

жаеть на шестеркѣ воронныхъ коней, причемъ кучеръ, форрейторъ, лакеи и три собесѣдника въ каретѣ черти. Молва добавляла, что упыря проклинали и пробили въ гробу основнымъ коломъ ¹⁾.

Заботясь объ увеличеніи числа церквей и монастырей, еп. Лазарь заботился также объ улучшеніи быта духовенства. Съ одной стороны онъ возставалъ противъ того, чтобы священники не покупали себѣ у мірянъ приходоу, съ другой настаивалъ, чтобы міряне, составляя приговоры о выборѣ священника, достаточно обезпечивали бы его въ матеріальномъ отношеніи. „Теперь свѣтскіе, писалъ Барановичъ Софоновичу въ 1672 г., имѣютъ хлѣбъ прежде чѣмъ духовные и, что развѣ упадетъ у нихъ съ воза, то и духовному. Для попа въ мельницѣ только суббота, а на нихъ всю недѣлю работаетъ, оттого и духовные не охотно молятся. Пускай дадутъ хлѣбъ священникамъ въ руки, дабы со Христомъ благословляли, тогда и былъ бы спорый; имъ бы насытился и попъ и добрый холопъ“ ²⁾.

Л. Барановичъ былъ консерваторомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ заботился о сохраненіи и развитіи народныхъ силъ и народныхъ средствъ самопомощи и самообразованія. Средства эти были выработаны задолго до Барановича, частью отдѣльными просвѣщенными лицами, напр., кн. К. К. Острожскимъ, большею же частью братствами.

Въ исторической жизни народа, наряду съ блѣдными малосодержательными эпохами, попадаются болѣе или менѣе продолжительные періоды усиленной дѣятельности народной мысли, усиленнаго подъема народной энергіи, періоды чрезвычайно быстрого роста общественнаго самосознанія. Послѣ долгой духовной спячки вдругъ наступаетъ радостное умственное и нравствен-

¹⁾ П. Ефименко, въ Кіевск. Старинѣ 1883. VI. 376.

²⁾ Письма Л. Баран. 177—178.

ное пробужденіе; въ странѣ нарождаются сотни свѣтлыхъ умовъ; тысячи бодрыхъ рукъ принимаются за трудное дѣло организаціи опредѣленныхъ формъ духовной и матеріальной самопомощи и самозащиты. Такою свѣтлой полосой въ исторіи Малороссіи былъ конецъ XVI и начало XVII ст. Возникшая въ это время унія разбудила дремавшій до-толѣ національный геній малорусскаго народа, побудила его къ усиленной дѣятельности, и результатомъ этой дѣятельности было быстрое развитіе братствъ со всеми ихъ благотворительными и просвѣтительными учрежденіями, со школами, друкарнями, шпиталями. Въ южнорусскую жизнь внесены были и самостоятельно разработаны такіа богатая и плодотворная культурная начала, которыя легко могли бы привести къ пышной духовной и матеріальной цивилизаціи, если бы продолжительному ихъ существованію не были поставлены непреодолимая преграды, какъ-то: продолжительныя и кровопролитныя войны съ поляками, опустошительныя набѣги татарскихъ хищниковъ, главнымъ образомъ обезличивающее вліяніе схоластической кіево-могилянської коллегіи и нивелирующихъ предпріятій московскаго правительства.

Во время Барановича въ лѣвобережной Малороссіи было много братствъ; неизвѣстно, какъ относился къ нимъ Барановичъ, сдѣлалъ ли онъ что-нибудь для ихъ пріуси́янія; можно сказать только, что Барановичъ трудился въ направленіи южнорусскихъ братствъ. Какъ ученикъ Кіевской коллегіи, онъ, однако, не дѣйствовалъ въ столь демократическомъ и ео ipso практически полезномъ духѣ, какъ дѣйствовали братства, и примѣшалъ нѣкоторую долю схоластической искусственности и дѣланности. Въ просвѣтительной дѣятельности Барановича можно отмѣтить слѣдующія стороны: забота о школѣ, учрежденіе типографіи, забота о церковномъ пѣніи и развитіе проповѣдничества.

О состояніи школьнаго образованія въ Черниговщинѣ во второй половинѣ XVII вѣка мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ Новгородѣ-сѣверскомъ существовала школа съ 1636 г. Барановичъ перевелъ ее въ 1689 г. въ Черниговъ. Любимой его мечтой было учредить въ Черниговѣ училище на подобіе кievской коллегіи; но онъ не могъ этого сдѣлать по недостатку средствъ ¹⁾. Предположеніе Барановича привелъ въ исполненіе Іоаннъ Максимовичъ. Максимовичъ въ 1700 г. обратилъ въ семинарію школу, переведенную Барановичемъ въ Черниговъ изъ Новгорода - сѣверскаго, устроилъ ее по образцу кievской академіи и назвалъ коллегіей ²⁾. То обстоятельство, что именно школа Барановича была возведена на степень „вертограда Паллады“, даетъ поводъ думать, что она архіеп. Лазаремъ хорошо была обставлена въ матеріальномъ и педагогическомъ отношеніяхъ.

Книгопечатаніе въ юго-западной Россіи началось во второй половинѣ XVI ст., въ Острогѣ, при просвѣщенномъ покровительствѣ кн. Константина Острожскаго, и затѣмъ производилось въ разныхъ мѣстахъ юго-западнаго края и Галиціи, въ Дермани, Четвертнѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, Почаевѣ, Львовѣ, Стратинѣ, Угорцахъ, Уневѣ, въ однихъ мѣстахъ въ теченіи многихъ лѣтъ, въ другихъ весьма недолго ³⁾. Изъ южно-русскихъ типографій наиболѣе долговѣчной и наиболѣе дѣятельной, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось типографія кievо-печерской лавры. Кievо-печерскими типографами были извѣстные въ свое время ученые, Памво Берында и Тарасій Земка; изъ печерской типографіи вышло много не только богослужебныхъ книгъ, но и книгъ богословско-полемиическихъ и литературныхъ ⁴⁾. Спросъ

¹⁾ Пекарскій, Исторія науки и литер. при Петрѣ В. I. 117.

²⁾ Знаменскій, Духовныя школы. 20.

³⁾ Максимовичъ, Собраніе сочин. III 666—687.

⁴⁾ Макарій, Исторія русской церкви. XI. 387.

на богослужебныя книги былъ великъ, и кіево-печерская типографія не могла поставить ихъ въ достаточномъ количествѣ. Многіе монастыри и церкви для полученія церковныхъ печатныхъ книгъ обращались въ отдаленный Львовъ къ тамошнему братству. Въ черниговскихъ и въ харьковскихъ монастыряхъ нынѣ хранится много богослужебныхъ книгъ львовской печати ¹⁾. Доставка богослужебныхъ книгъ львовской печати въ гетманщину и слободскую Украину сопряжена была съ затрудненіями, по дальности разстоянія и смутному положенію дѣлъ въ правобережной Малороссіи. „Велія пропасть утвердилась между нами и вами, писалъ Лазарь Барановичъ львовскому епископу Арсенію Желиборскому въ 1657 г.; ни мы къ вамъ, ни вы къ намъ не имѣемъ безопаснаго проѣзда. Недавно отправилъ я посла своего съ письмомъ къ в. преосвященству; но онъ не могъ пробраться сквозь польское солдатство“ ²⁾. Барановичу пришла благая мысль открыть въ Новгородѣ-сѣверскомъ свою собственную типографію. Типографія эта могла бы удовлетворять нуждамъ всей лѣвобережной Малороссіи. Барановичъ могъ рассчитывать на скорое и выгодное печатаніе въ новгород.-сѣверской типографіи всѣхъ своихъ сочиненій, печатаніе которыхъ въ лаврской типографіи, къ великому огорченію Барановича, обыкновенно затягивалось на нѣсколько лѣтъ. „Когда бы у меня была типографія, писалъ Лазарь Барановичъ Антонію Радивиловскому въ 1670 или 1671 г., то свидѣтельствуюсь Богомъ, — онъ сердцевѣдецъ, что я охотно взялъ бы сочиненія твоей пречестности“ ³⁾. Типографія была открыта въ началѣ семидесятыхъ годовъ,

¹⁾ Филаретъ, Истр.—стат. опис. харьковской епархіи. I. 45, 46, 63, 65 и много друг.

²⁾ Письма Лазаря Барановича 6.

³⁾ Письма Лазаря Баран. 119.

и не совѣмъ удачно. Приглашенный Барановичемъ печатникъ Семень Ялинскій оказался человѣкомъ не свѣдущимъ. „Онъ (т. е. Ялинскій) несчастной типографіей своею въ гробъ меня вгонить“, жаловался архіеп. Лазарь въ 1674 г., по случаю незаготовленія форты къ „Трубамъ“¹⁾. Дѣло въ томъ, что Барановичъ выдалъ Ялинскому на устройство типографіи и на изданіе „Трубъ“ четыре тысячи злотыхъ. Въмѣсто того, чтобы немедленно приступить къ дѣлу, Ялинскій, „нѣкгда въ кунштѣ друкарскомъ не бувавши, сталъ по Вилнахъ ѣздити учиться и способъ друкарскій шукати“.²⁾ Барановичъ, не рассчитывая на то, что Ялинскій напечатаетъ въ скоромъ времени „Трубы“, послалъ свое сочиненіе въ лаврскую типографію и приложилъ при этомъ на уплату 4000 злотыхъ. Барановичъ задумалъ перенести типографію въ Черниговъ. Онъ досталъ польскій шрифтъ и получилъ отъ царя соизволеніе на открытіе въ Черниговѣ польской типографіи. Барановичъ ждалъ гетманскаго универсала на учрежденіе типографіи въ Черниговѣ, чтобы немедленно перевести сюда новгородъ - сѣверскую типографію и приступить къ печатанію своихъ сочиненій. „Типографія въ Новгородѣ, писалъ Барановичъ Θεодосію Софоновичу въ 1675 году, и для перевозки этой черепахи нужны хорошіе пегасы; безъ меня не можетъ работать, потому что и въ томъ, что напечатано уже отъ недосмотра полнехонько опечатокъ“³⁾. Въ этомъ году въ новгородъ - сѣверской типографіи было напечатано нѣсколько „Словъ“ Барановича, и къ нимъ, нужно думать, относится замѣчаніе его объ опечаткахъ. Въ то время, какъ Барановичъ собрался перевозить въ Черниговъ новгородскую типографію, Ялинскій не дре-

¹⁾ Ibid. 192.

²⁾ Ibid. 225.

³⁾ Ibid. 242.

маль. „Панъ Ялинскій, жаловался впослѣдствіи, въ 1689 г., Барановичъ гетману Мазепѣ, часть письма друкарскаго учинивши въ Новгородку, выдруковалъ три тысячи книжечекъ, т. е. кграматики, часловцѣ, елементаріи, безъ вѣдома нашего, изъ того себѣ зъ превелебнымъ отцомъ архимандритомъ новгородскимъ болшъ на полторы тысячи мѣли пожитку. Чого безъ мене, власнаго тоей друкарнѣ господаря, чинити бы ся не годило... Потимъ, которыя книги друковалися, завше закладаючи мало не полторы тысячи книгъ, намъ, господареви, пятьсотъ давалъ, а себѣ съ вышписаннымъ отцомъ архимандритомъ двѣ части раздѣляли. Що мы видячи умыслили въ Черниговъ препроводити друкарню, абы такъ способнѣйшаго до выдрукованя намъ праць своихъ и до учиненя пожитковъ намъ, а не кому иному по близу заставала“. ¹⁾ Въ 1677 году типографія Барановича чуть было не перешла въ собственность печерской лавры. Въ этомъ году архіеп. Лазарь сильно заболѣлъ; его навѣстили печерскіе иноки, и архіеп. Лазарь, тронутый ихъ вниманіемъ, завѣщалъ свою типографію, устроенную Ялинскимъ, печерскому мон. вмѣсто заплаты за молитву. По выздоровленіи, Барановичъ отказался отъ своего прежняго намѣренія; онъ рѣшился оставить типографію въ наслѣдство своимъ преемникамъ по черниговской архіерейской каедрѣ. Въ 1679 г., съ перенесеніемъ новгородской типографіи въ Черниговъ, перешель сюда и Ялинскій. Видно, нельзя было замѣнить его другимъ лицомъ болѣе честнымъ и болѣе свѣдущимъ въ типографскомъ дѣлѣ, по неимѣнію въ черниговскомъ краѣ такого лица. Архіеп. Лазарь далъ ему хорошую водяную мельницу подъ городомъ, за которую черниговскіе жители предлагали 3000 злотыхъ, купилъ для него въ самомъ Черниговѣ дворовое мѣсто съ домомъ за триста злотыхъ, отдѣлилъ ему часть доходовъ, доставляемыхъ типографіей.

¹⁾ Ibid. 244.

Не смотря на великія и богатія милости архієпископа, панъ Ялинскій, по своему невѣжеству, велъ дѣло по прежнему, т. е. крайне плохо и для владѣльца типографіи убыточно. „Онъ, якъ ремесла друкарскаго непорядне и недосканальне учился, говоритъ Барановичъ, тылко доходячи чрезъ способы и свою текавость такъ, аки сили многимъ въ друкарнѣ рѣчамъ знаючи, въ отливаню лѣтеръ великія намъ чиниль шкоды, матеріи добре не умѣлъ преправивати, лечъ, отливши азбуку и едно выдруковавши книжку, що разъ ново и ново переливаль литеры, зъ значною намъ шкодою, а що не переливанными литерами друковаль, въ Черниговѣ псалтыры, шестодневцы и малые молитвенники, тымъ отразиль людей отъ друкарни, же никто не хотѣлъ и глядѣти на такъ темное письмо; до того фарбы друкарской не умѣлъ добре вправовати; такъ же на иншихъ книжкахъ можно бы рукою чернило отерти. Для чего была пришла наша черниговская друкарня людемъ въ очиву“... Барановичъ, наконецъ, прогналъ Ялинскаго, который въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ затѣялъ судебный процессъ съ черниговскимъ архієпископомъ, съ цѣлю не только удержать за собою то, что получено уже было имъ отъ Барановича, но и сорвать съ него 2000 злотыхъ, монастырскую маетность Бѣлосѣ и нѣсколько дворовыхъ мѣстъ въ Новгородѣ - сѣверскомъ. Въ Черниговѣ типографія была помѣщена въ Троицкомъ Ильинскомъ мон. Отказавши Ялинскому отъ мѣста распорядителя типографіи, Барановичъ пригласилъ изъ Вильны типографскаго мастера Лукаша, который за 3000 злотыхъ вознагражденія привелъ типографію въ порядокъ, причеъ обучилъ ильинскихъ монаховъ искусству отливать литеры и готовить типографскія чернила. Барановичъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что его типографія „небожчика Лукаша працею далеко поправлена зостала“ ¹⁾.

¹⁾ Ibid. 245—246.

При жизни Барановича, новгородъ-сѣверская и черниговская типографія выпустила въ свѣтъ около 50 сочиненій, богослужебныхъ и оригинальныхъ литературныхъ, на славянскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. Богослужебныхъ книгъ, молитвенниковъ, псалтырей, октоиховъ, часослововъ, тріодей издано было всего 14. Повидимому, черниговскія изданія расходились весьма туго, главнымъ образомъ потому, что, какъ самъ Барановичъ признался, изданія были плохія, съ нечеткимъ, грязнымъ письмомъ. Огромное большинство малорусскихъ церквей и монастырей, за исключеніемъ подвѣдомственныхъ архіеп. Лазарю церквей и монастырей, по старой привычкѣ, выписывало богослужебныя книги изъ Кіева и Львова, а въ XVIII ст., преимущественно по принужденію со стороны синода, изъ Москвы. Лазарь Барановичъ старался сбыть залежавшіеся экземпляры богослужебныхъ книгъ въ Москву. Такъ, 5 марта 1681 г. игуменъ Крупецкаго Батуринскаго монастыря Θεодосій Гугуревичъ отъ имени Барановича просилъ царя принять въ царскую казну разныя книги, напечатанныя въ черниговской типографіи Барановича, именно, сто псалтырей, сто часослововъ, сто граматикъ и 10 тrefолоевъ ¹⁾. Отвѣтъ московскаго правительства неизвѣстенъ. Черниговская типографія главнымъ образомъ служила потребностямъ владыки и его друзей. Такъ, въ ней печатались и перепечатывались сочиненія Барановича, Галятовскаго, св. Дмитрія Ростовскаго. По смерти Барановича, второй послѣ него (первый Θεодосій Углицкій былъ на каюдрѣ черниговской всего два года) преемникъ черниговской архіепископіи Іоаннъ Максимовичъ совсѣмъ было завалилъ типографію своими виршами, какъ это видно изъ прилагаемаго ниже списка черниговскихъ изданій при жизни Барановича и по его кончинѣ.

¹⁾ Московск. Архивъ Мин. Иност. Дѣль. Малорос. дѣла. Связка 56.

Въ Указателѣ старопечатныхъ книгъ Ундольскаго стоитъ „Миняя общая“, будто бы напечатанная въ Новгородѣ - Сѣверскомъ въ 1663 г. Сколько извѣстно, въ это время типографія Барановича не была открыта. Типографія Барановича начала работать въ 1674 г. Съ 1675 по 1679 годъ мы видимъ черниговскія и новгородъ - сѣверскія изданія. Отсюда можно вывести то заключеніе, что одновременно были двѣ, правда, весьма слабыя типографіи. Переселяясь въ Черниговъ, Барановичъ могъ захватить съ собою часть шрифта и наборщиковъ. Новгородская типографія вполне была перенесена въ Черниговъ въ 1679 г., когда Новгородъ - Сѣверскій былъ истребленъ пожаромъ. Новгородъ - сѣверская и черниговская типографіи выпустили въ свѣтъ слѣдующія изданія:

Псалтырь, въ Черниговѣ въ 1675, въ 4-ку.

Часословъ, въ Черниговѣ въ 1675, въ 8-ку.

Часословъ, въ Новгородѣ-сѣверскомъ 1675, въ 8-ку
1+185 л.

Псалтырь, въ Новгородѣ-сѣверскомъ 1675, въ 4-ку
147 л.

Слово на Воскресеніе Христова, Лазаря Барановича, въ Новг.-Сѣвер. 1675, въ 4-ку, 9 л.

Слово на Св. Троицу, Лазаря Барановича, въ Новг.-Сѣвер. 1675, въ 4-ку, 8 л.

Слово на Благовѣщеніе, Лазаря Барановича, въ Новг.-Сѣвер. 1675, въ 4-ку, 4 л.

Скарбница, І. Галятовскаго, въ Черниговѣ 1676, въ 4-ку 8+32.

Скарбница потребная—І. Галятовскаго, въ Новг.-Сѣвер. въ 4-ку 1676. Авг. 8+32.

„Nowa miara starey wiary“ Лазаря Барановича въ Новг.-Сѣвер. 1676.

Небо новое, Галятовскаго, въ Черниговѣ 1677, въ 4-ку, 4+145.

Служба Казанской Богор., въ Черн., въ 4-ку, 17 л.

Чуда пресв. Дѣвы Маріи, въ Черниговѣ (по Сахар.), въ Новг.-сѣвер. (по Карат.), въ 1677 въ 4-ку, 3+48.

О случаяхъ жизни человѣческой, Лазаря Барановича въ Черниговѣ въ 1678.

Анфологіонъ, въ Новгородѣ-Сѣверск. 1678, въ л., 7+699+70.

Минея общая, въ Новг.-Сѣв. 1677, въ л., 1+70.

Анфологіонъ, въ Черниговѣ, 1678, въ л.

Chyhirin pograniczne miasto w siezkim oblezeniu Turceskim w roku 1677, Александра Бучинскаго, въ Новг.-сѣвер., въ 1678 въ 4-ку.

„Stary kosciol“, Галятовскаго, въ Новг.-Сѣв. въ 1676.

„Labeledz“, Галятовскаго, въ Новг.-Сѣвер. въ 1679.

„Nowa miara“, Л. Барановича въ Черниговѣ въ 1679.

Руно орошенное, св. Дмитрія Ростовскаго, въ Черниговѣ, въ 1680, въ 4-ку.

Благодать и истина І. Христомъ бысть, Лазаря Барановича въ Черниговѣ 1680, въ л.

Размышленія благочестивыя, въ Черниговѣ, 1680, въ 4-ку.

О пяти ранахъ І. Христа, Лазаря Барановича, въ Черниговѣ 1680, въ 4-ку, 41+355.

Букварь, въ Черниговѣ, 1680, въ 8-ку, 36 л.

Псалтырь, въ Черниговѣ, 1680, въ 4-ку 4+249 л.

Октоихъ, въ Черниговѣ, въ 1682, въ 4-ку, 2+326.

Благодать и истина І. Христомъ бысть, Л. Барановича, въ Черниговѣ, 1683 въ л., 19 л.

Царица небу и земли, пресв. Дѣва Марія, Лазаря Барановича, въ Черниговѣ 1683, въ л. 22+1 л. (на польск. и русск. языкахъ).

Руно орошенное, св. Дмитрія Ростовскаго, въ Черниговѣ 1683 въ 4-ку, 7+107.

Стихотв. на польск. языкѣ въ честь Барановича въ 1683 (?) отъ „товариства куншту типографскаго“, въ Черниговѣ, въ л.

„Fundamenty“, Галятовскаго въ Черниговѣ въ 1683.

Тріодь цвѣтная, въ Черниг., въ 1685, въ л., 7+434.
Грѣхи собранные, или наставленіе духовникамъ и
приходящимъ къ исповѣди, въ Черниговѣ, въ 1685,
въ 4-ку, 29 л.

Hercules post Atlantem, Стеф. Яворскаго, въ Черни-
говѣ, въ 1685, въ л.

Боги паганскіе, І. Галятовскаго, въ Черниговѣ, въ
1685, въ 4-ку, 12+36.

Тріодь цвѣтная, въ Черниговѣ, въ 1686, въ л.

„Sophia“ Галятовскаго, въ Черниговѣ въ 1686.

Молитвословъ, въ Черниговѣ, въ 1687, въ 12 долю,
3+362+189.

Души людей умерлыхъ, Галятовскаго, въ Черни-
говѣ, въ 1687, въ 4-ку, 5+56,

Дары Духа святаго, соч. Даніила и Якова Иванови-
човъ Перекрестововъ, въ Черниг., въ 1688, въ л., 16 л.

Musa Roxolanska, Ивана Орновскаго, въ Черниговѣ
въ 1688, въ л.

Alkogan, І. Галятовскаго, въ Черниговѣ въ 1688,
въ 4-ку.

Руно орошенное, св. Дмитрія Ростовскаго, въ Чер-
ниговѣ, въ 1689, въ 4-ку, 3+91.

Молитвословъ трехъ-акаѣистный, изд. Лаврент. Кри-
щановичемъ въ Черниговѣ въ 1691, въ 12 долю, 91 л.

Руно орошенное св. Дмитрія Ростовскаго въ Черниговѣ
въ 1691, въ 4-ку, 4+102,

Молитвословъ, въ Черниговѣ, въ 1692, въ 12 д. л.
6+514+12.

Bogata drogich kamniey Speza, Ив. Орновскаго, въ
Черниговѣ, въ 1693, въ л.

Извѣстно, какъ усердно хвалили Петра Могилу за
покровительство лаврской типографіи и коллегіи кіев-
скіе типографчики, типоназиратель, типоблюститель,
типографъ, типокароводець, письменіатель, наборщики,
изобразители и батищики. Общими усиліями они со-
ставляли и набирали похвальную виршу, въ родѣ

Имнологіи 1630, и подносили ее въ день Свѣтлаго Воскресенія своему благодѣтелю.

По духу времени, по распространенному въ литературѣ панегиризму, обыкновеніе это должно было повториться въ Черниговѣ, съ открытіемъ здѣсь типографіи, хотя, разумѣется, въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ просвѣщенномъ Кіевѣ, при могущественномъ и родовитомъ Петрѣ Могилѣ. Въ числѣ черниговскихъ изданій встрѣчается, между прочимъ, стихотвореніе въ честь Лазаря Барановича „отъ товариства куншту типографскаго“, съ подписью въ самомъ концѣ „Lucubratiuncula Ioannis Wieliczkowski“. Въ началѣ брошюры находится заставочная полоса съ изображеніемъ агнца и съ надписью славянскою „Агнецъ Божій“. Затѣмъ слѣдуетъ текстъ: „Jesli ziarno pszeniczne“....¹⁾

По смерти Л. Барановича изъ черниговской типографіи вышли слѣдующія книги:

Молитвословъ въ 1695 г., въ 16 долю.

Руно орошенное въ 1696, въ 4-ку, 10+110.

Служебникъ въ 1697, въ 8-ку, 2+137+35.

Треакаѣистный молитвословъ въ 1697, въ 8-ку, 14+101 и 4 изображ.

Руно орошенное въ 1697, въ 4-ку, 11+107 л.

Псалтырь въ 1698, въ 4-ку, 4+208.

Theatrum perennis gloriae, Петра Армашенка, въ Черниговѣ въ 1699, въ л.

Апология, св. Димитрія Ростовскаго въ 1700, въ 4-ку, 20.

Руно орошенное въ 1702, въ 4-ку, 5+107.

Молитвословъ въ 1703, въ 8-ку.

Полууставъ въ 1703, въ 12 д. 10+493+4.

Полууставъ въ 1703, въ 12 д. (друг. изд.).

Служебникъ въ 1704, въ 8-ку, 1+207.

Сказаніе о св. Писаніи въ 1705, въ л.

¹⁾ Максимовичъ, Собр. соч. III. 707.

Зерцало отъ Писанія божественнаго въ 1705, въ л.,
9+61.

Алфавитъ І. Максимовича въ 1705 въ л. 9+140+1.

Катихизисъ въ 1707, въ 8-ку, 1+128+7.

Богородице Дѣво, І. Максимовича въ 1707, въ л.
16+300.

Псалтырь въ 1708, въ 4-ку.

Clavis scientiarum, hoc est parva logica, 1708.

Театронъ правоучительный, І. Максимовича въ 1708,
въ 4-ку, 5+424.

Молитва Господня: „Отче нашъ...“ І. Максимовича
въ 1709, въ 12 д. 8+166.

Блаженства евангельскія, І. Максимовича въ 1709,
въ 8-ку, 10+117+2.

Царскій путь креста Христова, І. Максимовича въ
1709, въ 4-ку, 12+188+2.

Богомысліе, І. Максимовича въ 1710, въ 8-ку, 13+362.

Синаксарь о побѣдѣ подъ Полтавой въ 1710, въ 8-ку, 40.

Богомысліе, І. Максимовича въ 1711, въ 8-ку,
3+12+362.

Тоже 15+361.

Вѣнецъ въ честь тревѣнчанному Богу въ 1712, въ
8-ку, 2+114.

Псалтырь въ 1712, въ 24 д., 12+300.

Часословъ въ 1713, въ л.

Молитвословъ въ 1713, въ 16 д.

Молитвословъ въ 1714, въ 24 д., 16+432+38.

Молитвословъ въ 1814, въ 8-ку, 11+432+39.

Правило къ божественному причащенію въ 1714, въ
4-ку, 8+114.

Иліотропіонъ, І. Максимовича въ 1714, въ 4-ку,
4+286.

Октоихъ въ 1715, въ 4-ку, 2+310+2.

Православное исповѣданіе вѣры въ 1715, въ 4-ку.

Катихизисъ въ 1715, въ 8-ку, 2+42.

Псалтырь въ 1716, въ 16 д., 10+300.

- Апология въ 1716, въ 4-ку, 20 л.
 Поученіе о семи сакраментѣхъ въ 1716, въ 4-ку,
 1+33.
 Псалтырь въ 1717, въ 8-ку, болѣе 296 л.
 Новый Заѣтъ въ 1817, въ 4, 1+5+3+497+1+40.
 Календарь въ 1718, въ 4-ку.
 Календарь въ 1718, В. Квасовскаго въ 4-ку, 2+12.
 Псалтырь въ 1720, въ 4-ку, 224.
 Правило ко св. причащенію въ 1720, въ 4-ку, 10+179.
 Соборъ на Мартина еретика въ 1720, въ 4-ку, 39 л.
 Часословъ въ 1721, въ 4-ку, 260 л.
 Служебникъ въ 1733, въ 8-ку.
 Кононникъ въ 1738, въ 8-ку.
 Часословъ въ 1743, въ 8-ку.
 Букварь въ 1743, въ 8-ку.
 Молитвословъ въ 1744, въ 8-ку.
 Псалтырь 1745, въ 4-ку, 7+240.
 Исповѣданіе (православной) вѣры въ 1745, въ 8-ку,
 1+19+177+29.
 Катихизисъ въ 1745, въ 8-ку.
 Каноникъ въ 1746, въ 12 д.
 Служебникъ въ 1747, въ 4-ку.
 Молитвословъ въ 1747, въ 12 д.
 Алфавитъ духовный въ 1747, въ 8-ку.
 Новый Заѣтъ въ 1748, въ 4-ку, 1+472+15.
 Молитвъ (сборникъ) въ 1749, въ 12 д.
 Требникъ въ 1749, въ 8-ку.
 Варвары великомученицы житіе въ 1749, въ 4-ку.
 Букварь въ 1749, въ 8-ку.
 Псалтырь въ 1750, въ 4-ку.
 Часословъ въ 1750, въ 8-ку.
 Правила ко св. причащенію въ 1750, въ 8-ку.
 Николаю чудотв. служба и житіе въ 1750, въ 4-ку,
 3+125.
 Поученіе святительское новопоставленному іерею въ
 1750, въ 8-ку.

*

- Алфавитъ духовный въ 1751, въ 8-ку.
- Православное исповѣданіе вѣры въ 1752, въ 8-ку,
1+19+179+29.
- Анѳологіонъ въ 1753, въ л.
- Служебникъ въ 1754, въ 8-ку, 3+12+319+43.
- Требникъ въ 1754, въ 4-ку.
- Псалтырь въ 1754, въ 4-ку.
- Октоихъ въ 1756, въ л.
- Октоихъ въ 1757, въ л.
- Часословъ въ 1757, въ 8-ку.
- Молитвословъ въ 1758, въ 16 д.
- Новый Заветъ въ 1759, въ 4-ку.
- Псалтырь въ 1759, въ 8-ку, 9+249.
- Служба съ житіемъ св. Николаю въ 1759, въ 4-ку.
- Первое ученіе отрокамъ 1760, въ 8-ку, 8+72.
- Ирмологъ въ 1761, въ 8-ку.
- Каноны повечерніе въ 1761, въ 8-ку.
- Алфавитъ духовный въ 1761, въ 8-ку, 5+224.
- Часословъ въ 1762, въ 8-ку.
- Служебникъ въ 1763, въ 4-ку, 1+12+326.
- Псалтырь въ 1763, въ л.
- Псалтырь въ 1764, въ 4-ку.
- Сборникъ моленій въ 1764, въ 8-ку.
- Учрежденіе особливаго училища при Воскрес. Ново-
дѣвич. монаст. въ 1765, въ л., 1+2.
- Букварь въ 1765, въ 8-ку.
- Псалтырь въ 1766, въ 4-ку.
- Часословъ въ 1768, въ 8-ку.
- Псалтырь въ 1769, въ 4-ку.
- Апостолъ въ 1770, въ л.
- Псалтырь въ 1771, въ 4-ку.
- Часословъ въ 1771, въ 8-ку ¹⁾.

¹⁾ Составл. по Хронол. указателю Ундольскаго, по указат. Попова къ библ. Хлудова, по указат. моск. Арх. Мин. Ин. Д., по ст. Максимовича „Книжн. стар. южнорус.“ въ III т. „Собр. соч.“ и др.

Въ XVIII ст. кіево-печерская и черниговская типографіи не могли свободно дѣйствовать, вслѣдствіи стѣснительныхъ синодскихъ предписаній. Въ XVII ст. въ Малороссіи всѣ богослужебныя книги были исключительно южнорусской печати, причемъ отличались отъ великорусскихъ изданій, какъ въ текстѣ, такъ и въ составѣ своемъ. Долгое время южнорусскія типографіи были свободны отъ всякой цензуры и не стѣснялись одной какой-либо редакціей той или другой книги. Во избѣжаніе порчи богослужебныхъ книгъ злоумышленными вставками и передѣлками или неумышленными ошибками наборщиковъ, Петръ Могила установилъ извѣстную цензуру и издаваемыя типографіями книги требовалъ себѣ на просмотръ, причемъ въ особенности обращалъ вниманіе на львовскую братскую типографію, дѣйствовавшую до-толѣ вполне самостоятельно. Въ кіево-печерской типографіи книги печатались съ разрѣшенія архимандрита и собора Лавры; въ черниговской — съ разрѣшенія архіепископа. Разрѣшеніе давалось легко; никто не жаловался на цензурныя стѣсненія. При полномъ отсутствіи въ Малороссіи свѣтобоязни, при любви малорусскаго духовенства къ наукѣ, книгопечатаніе совершалось безпрепятственно, развивалось свободно. Въ 8 § Гадяцкаго договора Выговскаго съ поляками сказано: „Коллегіи, училища и типографіи, сколько ихъ понадобится, вольно будетъ устраивать, вольно науками заниматься и книги печатать всякія, и религіозно-полемическія, только безъ укоризны и безъ нарушенія маестату королевскаго“ ¹⁾, — краснорѣчивое доказательство того, какъ малороссы дорожили въ XVII ст. свободой печати. Въ первой половинѣ XVIII ст. св. синодъ издалъ рядъ указовъ (1720, 1727, 1728 гг.), чтобы въ Малороссіи богослужебныя книги издавались не иначе, какъ по строгомъ ихъ сличеніи съ великорусскими изданіями. Но Лавра мало заботилась объ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XI. 38.

этомъ. Кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому велѣно было отобрать отъ всѣхъ малороссійскихъ церквей книги прежней южнорусской печати и выписать для нихъ единственно московскія изданія, что митрополитомъ и было исполнено въ 1735 г. ¹⁾ Сельскимъ церквамъ стоило не малаго труда собрать сумму на всѣ богослужебныя книги; но, какъ бы то ни было, деньги были собраны. Между тѣмъ, московская типографія увѣдомила, что она не въ состояніи напечатать всѣ требуемыя книги. Священники стали тогда покупать книги, какія попадались, преимущественно въ правобережной Малороссіи, почаевской печати. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны отъ малорусскихъ церквей снова потребованы были богослужебныя книги. Священникамъ тяжело было разстаться съ прежними своими требниками, въ особенности съ требникомъ Петра Могилы, потому что послѣдній заключалъ въ себѣ до 40 обрядовъ, къ которымъ привыкъ и привязанъ былъ народъ, но которыхъ не было (и большею частью нѣтъ и нынѣ) въ требникѣ московской печати, напримѣръ, освященіе дома, новаго колодца, печи, благословеніе артоса, овощей.

Въ 1753 г. разрѣшено было кіевскому митрополиту Тимоѳею Щербацкому учредить при софійской каѳедрѣ типографію, причемъ приказано, чтобы „противу печатаемыхъ въ московской типографіи книгъ несогласія отнюдь не было“ и чтобы цѣна книгамъ была умѣренная, „безъ всякой народной тягости“. Типографія эта не была открыта. Между тѣмъ лаврская типографія продолжала печатать прежнія южнорусскія изданія, мало заботясь о строгомъ согласіи ихъ съ изданіями московскими. Тогда указами 1766 и 1772 г. велѣно ей рѣшительно бросить южнорусскія изданія и только перепечатывать слово въ слово изданія московскія. Въ

¹⁾ Лилеевъ, Опис. рукоп. черниг. дух. семин. 100.

1769 г. архимандритъ печерскій Зосима просилъ у св. синода позволенія печатать, по крайней мѣрѣ, буквы не московскіе, на томъ основаніи, что народъ не хотѣлъ покупать этихъ послѣднихъ; но ему и въ этомъ было отказано. При митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ (1771—1783) въ Малороссіи священники должны были выписывать для церквей книги только черезъ консисторію, которая въ свою очередь относилась за ними только въ московскую типографію ¹⁾.

Ни въ чемъ такъ сильно не обнаружился подъемъ малорусскаго народнаго духа въ началѣ XVII ст., какъ въ быстромъ усовершенствованіи церковнаго пѣнія. Въ Малороссіи въ это время совершился музыкальный переворотъ. вмѣсто простаго и небогатаго въ своихъ музыкальныхъ предѣлахъ строя діатоническаго явился изящный и богатый въ своихъ приѣмахъ строй гармоническій. вмѣсто спутанной и крайне затруднительной системы крюковой, явилась простая и легкая для усвоенія пѣнія система линейная. Могучее народное духовное творчество, выразившееся въ созданіи школьной науки, братствъ, шпиталей, превосходнаго цикла пѣсенъ о борьбѣ съ татарами и поляками, захватило церковное пѣніе и церковные обряды. Бурный потокъ народной жизни увлекалъ священно-и церковнослужителей, ставилъ ихъ, даже помимо ихъ воли и желанія, на крестьянскую точку зрѣнія на церковныя дѣла и въ самую религіозно-церковную сферу вносилъ чисто народные украинскіе элементы. Церковное пѣніе не могло избѣжать вліянія со стороны чарующей гармоніи народной пѣсни, героической и семейной. Тутъ произошло любопытное взаимное дѣйствіе,—народъ принялъ отъ церкви религіозныя напѣвы, внесъ ихъ въ свою жизнь и въ то же время придалъ этимъ

¹⁾ Крыжановскій, Руков. для сельск. наст. 1862. II. 495. Крыжановскій эти интересныя факты добылъ изъ Архива синода и изъ Архива кievской консисторіи.

напѣвамъ своеобразное художественное достоинство. Дьячки, которые издавна выбирались изъ среды народа, внесли въ церковное пѣніе множество мотивовъ изъ народныхъ пѣсень; были херувимскія, причастны и подобныя, составленныя на мотивъ той или иной народной пѣсни. На семейномъ праздникѣ богатаго крестьянина дьячекъ былъ неперемѣннымъ членомъ, и пѣніе херувимскихъ, причастныхъ и т. п. духовныхъ стиховъ составляло обычное явленіе въ праздничной крестьянской жизни „добраго стараго времени“. Первымъ требованіемъ отъ дьячка было въ старину „добрый гласъ“ (теноръ). Во время войнъ съ поляками въ Малороссіи осталось много вдовъ и сиротъ безъ средствъ къ жизни; онѣ выучивали молитвы и пѣсни въ честь Богоматери и наканунѣ праздниковъ, обыкновенно вечеромъ, по словамъ сирійскаго путешественника Павла александійскаго, обходили хозяевъ и распѣвали эти пѣсни прекраснымъ напѣвомъ, трогавшимъ сердце, за что получали деньги, хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Такъ онѣ ходили круглый годъ ¹⁾. При путешествіи антиохійскаго патріарха по Малой Россіи въ Москву въ половинѣ XVII вѣка (1654 г.), его встрѣчали и сопровождали пѣніемъ церковныхъ пѣсень, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Жабокринѣ и подольской губ. весь народъ принималъ участіе въ пѣніи ²⁾. Гармоническое церковное пѣніе распространено было по всѣмъ областямъ юго-западной Россіи. Оно проникло въ самую глубь Запорожской Сѣчи и успѣло возбудить къ себѣ въ запорожцахъ такую любовь, что „ежели присылались туда попы, да... не имѣли хорошаго голоса, то такихъ назадъ отсылали“. Въ концѣ XVII ст. въ Сѣчи была учреждена пѣвческая школа, въ которой находилось болѣе тридцати человѣкъ; учителемъ былъ

¹⁾ Рущинскій, Религіозный бытъ рус. народа. 177.

²⁾ Рущинскій, *ibid.* 253.

священникъ; пѣвчихъ брали изъ Малороссіи, а иные сами являлись изъ Кіева ¹⁾).

Блестящее развитіе церковнаго пѣнія въ Малороссіи произошло, какъ уже сказано, въ началѣ XVII ст. По видимому, въ XVI ст. церковное пѣніе здѣсь не было развито, и галицкіе города посылали дьячковъ учиться церковному пѣнію въ Румынію. Такъ, въ половинѣ XVI ст. львовское братство отправило четырехъ дьячковъ въ Молдавію для изученія греческаго и сербскаго напѣвовъ; въ то же время, въ ту же страну и съ тою же пѣлью посланы были дьячки изъ Перемышля ²⁾. Развitiемъ церковнаго пѣнія въ XVII ст. Малороссія главнымъ образомъ была обязана братствамъ и благотворнымъ стараніямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, преимущественно стараніямъ Лазаря Барановича.

Въ братскихъ школахъ было обращено большое вниманіе на церковное пѣніе. Луцкое братство въ 1624 г. единогласно возложило на игумена луцкаго братскаго монастыря все попеченіе о церковномъ благочиніи, благолѣпії и красотѣ. А какъ пѣвчіе, по мнѣнію братства, относились ко виѣшней церковной красотѣ, то братство требовало отъ игумена, чтобы онъ содержалъ протопсалта, т. е. старшаго пѣвчаго, и отечески заботился объ отрокахъ, способныхъ къ пѣнію. Могилевское братство въ 1634 г. также установило, чтобы архимандритъ братскаго монастыря и преемники его смотрѣли за братскими школами и имѣли въ церкви „пѣніе согласное“. Въ кievской и луцкой братскихъ школахъ для класса пѣнія обыкновенно назначалась суббота, какъ день, предшествующій воскресному, когда должна совершаться торжественная служба. Изученіе церковнаго пѣнія въ братскихъ школахъ совершалось систематически по учебникамъ и на нотахъ линейныхъ, которыя тогда назывались кievскимъ знаменемъ. Братства

¹⁾ Правосл. Собесѣдникъ, 1864 III. 82.

²⁾ Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи. М. стр. 174.

заботились объ устройствѣ церковныхъ хоровъ въ виду настоятельной нужды противодѣйствовать распространенію уніи. Въ началѣ XVII ст. кіевское братство приняло партесное пѣніе, съ цѣлью противопоставить его „сладкимъ звукамъ мусикійскихъ органовъ“ католиковъ ¹⁾. Пѣвческіе хоры югозападныхъ братствъ составлялись изъ воспитанниковъ братскихъ школъ и любителей пѣнія изъ мѣщанъ. Богослужбное пѣніе югозападной русской церкви располагалось на 4, на 5, на 6 и даже на 8 партій или голосовъ. Уже въ первой половинѣ XVII ст. партесное пѣніе сдѣлалось въ южной Россіи общеупотребительнымъ и достигло замѣчательнаго совершенства. Знаменитымъ теоретикомъ партеснаго пѣнія въ послѣдней четверти XVII ст. былъ кіевлянинъ Николай Дилецкій, издавшій въ 1677 г. въ Смоленскѣ „Мусикійскую грамматику“, потомъ въ 1678 г. сокращеніе этой грамматики „Идею грамматики мусикійской“ и въ 1681 г. „Мусикію“ ²⁾.

Лазарь Барановичъ былъ большой любитель церковнаго пѣнія. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ онъ содержалъ въ Братскомъ монастырѣ многочисленную и отличную пѣвческую школу. Его заботливостью школа эта была доведена до такой степени извѣстности, что патр. Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ въ 1652 и 1656 г. вызывали въ Москву учителей церковнаго пѣнія изъ кіево-братскаго монастыря ³⁾. Будучи уже черниговскимъ архіепископомъ Лазарь Барановичъ составилъ хорошій хоръ пѣвчихъ и снабжалъ своими пѣвчими Москву.

Сохранилось нѣсколько любопытныхъ свидѣтельствъ о высокомъ положеніи церковнаго пѣнія въ Малороссіи въ половинѣ XVII ст., т. е. во время наибольшей дѣ-

¹⁾ Разумовскій, Церковнорусское пѣніе, въ „Труд. моск. археол. съѣзда“, стр. 24; въ соч. „Церк. пѣніе въ Россіи“ стр. 207.

²⁾ Разумовскій, Церк. пѣніе въ Россіи 209, 211—212.

³⁾ Страдомскій, 98.

ательности Барановича въ этомъ направленіи. Павелъ Алепскій, провозавшій антіохійскаго патр. Макарія въ Москву въ 1654 г., проѣздомъ по Малороссіи слышалъ церковное пѣніе и сдѣлалъ ему въ своихъ запискахъ, или мемуарахъ высокую оцѣнку. Здѣсь имъ была замѣчена любовь къ пѣнію и знаніе музыкальныхъ правилъ. Павелъ говоритъ, что въ южной Россіи даже апостолъ читали съ лучшими переливами голоса, нежели какъ у нихъ, въ Сиріи, читали самое евангеліе; такое же искусство онъ замѣчалъ здѣсь и въ умѣніи пѣть псалмы, „Достойно есть...“ въ нѣкоторыхъ церквахъ пѣли всѣ вмѣстѣ, и священники, и пѣвчіе, и для этого собиравались на средину церкви. Ученый виленскій пасторъ, авторъ соч. „Religiosae Kijovensae Cryptae“ (1675) Гербиній, бывший въ дружественной перепискѣ съ Ин. Гизелемъ, ознакомившись въ Кіевѣ съ православнымъ богослуженіемъ и церковнымъ пѣніемъ, не находитъ словъ для достаточнаго выраженія всей прелести его гармоніи. „Греко-россіяне, писалъ онъ, гораздо святѣе и величественнѣе прославляютъ Бога, чѣмъ римляне. Псалмы и другія священныя пѣснопѣнія Отцовъ ежедневно возглашаются въ храмахъ, съ припѣваніемъ народа, на языкѣ родномъ, по правиламъ музыкальнаго искусства. Въ самой пріятной и звучной гармоніи слышатся раздѣльно дискантъ, альтъ, теноръ и басъ. У нихъ простой народъ понимаетъ, что клиръ поетъ или читаетъ на природномъ славянскомъ языкѣ. Всѣ міряне поэтому поютъ въ соединеніи съ клиромъ и притомъ такъ гармонично и благоговѣнно, что мнѣ въ восторгѣ отъ слышаннаго думалось, будто я въ Іерусалимѣ и вижу тамъ образъ и духъ первоначальной христіанской церкви“. Когда сирійцы (патр. Макарій, Павелъ діаконъ и ихъ спутники) услышали пѣніе монахинь кіевскаго женскаго монастыря, сами сознаются, что дотолѣ имъ еще нигдѣ не приходилось слышать такого нѣжнаго пѣнія; это была чудная мелодія, да-

леко превосходившая пѣніе мужчинъ; она трогала сердце и вызывала слезы умиленія ¹⁾.

Чтобы опредѣлить значеніе услуги Лазаря Барановича Москвѣ въ дѣлѣ отправления туда пѣвчихъ, нужно принять во вниманіе состояніе церковнаго пѣнія въ Великороссіи въ XVII ст. Въ XVI ст. и въ первой половинѣ XVII ст. церковное пѣніе въ московскомъ государствѣ находилось въ глубокомъ упадкѣ. Упадокъ этотъ былъ отмѣченъ на Стоглавомъ соборѣ, по рѣшенію котораго (26 параграфъ) священники и дьяконы должны были открыть въ своихъ домахъ училища для обученія дѣтей грамотѣ, книжному письму и церковному пѣнію ²⁾.

Но дѣло обученія церковному пѣнію не пошло въ ходъ, и въ началѣ XVII ст. инокъ Ефросинъ жаловался на упадокъ церковнаго пѣнія. „Мастера пѣнія, говорилъ онъ, емлютъ мзду велію и сокрываютъ отъ учениковъ своихъ древнихъ мастеровъ добрые переводы“. Въ Москвѣ господствовало многогласіе и хомовое пѣніе. Службы совершались разомъ многими голосами: одинъ читалъ, другой въ то же время пѣлъ, третій говорилъ ектеніи или возгласы, а иногда читали разомъ двое или трое и совершенно различное. При хомовомъ пѣніи слова растягивались до безсмыслія, съ перемѣною въ нихъ удареній, съ перемѣной полугласныхъ буквъ на гласныя, съ прибавленіемъ новыхъ гласныхъ ³⁾. Иностранцамъ не нравилось московское церковное пѣніе. Даже Павелъ діаконъ, который почти все хвалитъ въ московскомъ богослуженіи, въ этомъ случаѣ измѣняетъ тонъ рѣчи. Онъ замѣтилъ, что чѣмъ сѣвернѣе подвигаться отъ Кіева къ Москвѣ, тѣмъ церковное пѣніе становилось хуже. По его словамъ московскіе протодіаконы и діаконы произносили ектеніи,

¹⁾ Руцинскій, 42—44; Разумовскій, 208.

²⁾ Стоглавъ, изд. 1863, стр. 93.

³⁾ Макарій, Ист. рус. ц. XII. 113.

а священники молитвы низкимъ и рѣзкимъ голосомъ. Когда Павелъ, пріучившись русскому языку, прочелъ однажды во время торжественнаго богослуженія, на которомъ присутствовалъ и царь, славянскую ектенію высокимъ тономъ, то Алексѣй Михайловичъ видимо высказалъ свое удовольствіе ободрительнымъ киваніемъ головы. „Московиты, не зная музыки, говоритъ Павелъ Діаконъ, пѣли на удачу; имъ нравился низкій, грубый и протяжный голосъ, который неприятно поражалъ слухъ; они даже порицали высокогласное пѣніе и укоряли этимъ пѣніемъ малороссовъ 1).

Кіевскій церковный напѣвъ сдѣлался извѣстенъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII ст., съ первымъ проникновеніемъ сюда ученыхъ малороссовъ, Епифанія Славинецкаго, Арсенія Сатановскаго и друг. Поклонникомъ кіевского церковнаго напѣва оказался Никонъ, митрополитъ новгородскій,—впослѣдствіи знаменитый патріархъ московскій. „Превеліе имѣя прилежаніе до пѣнія“, этотъ умный и энергическій архипастырь первый повелѣлъ „въ соборномъ храмѣ св. Софіи пѣть кіевское пѣніе“, по замѣчанію современника Никона, „пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго; и такого пѣнія, якоже у митрополита Никона ни у кого не было“. Андрей Денисовъ называетъ это пѣніе „партеснымъ, многоусугубляемымъ“ и говоритъ, что патріархъ Іосифъ, услышавъ это пѣніе, запрещалъ Никону употреблять его 2). Распространенію малорусскаго церковнаго пѣнія въ Москвѣ не мало содѣйствовало то обстоятельство, что пѣніе это понравилось царю Алексѣю Михайловичу. Многочисленный хоръ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и подьяковъ нуждался въ опытныхъ руководителей къ изученію партеснаго пѣнія. Эти руководители, „мастера“ или „творцы строчнаго пѣнія“, по волѣ ца-

1) Руцинскій, 42—44.

2) Разумовскій, Церк. Пѣніе. 209.

ря, призывались изъ Кіева. Въ исходѣ 1651 г. прибылъ въ Москву кіевскій пѣвчій Александръ Васильевъ; но одному было много дѣла. Въ январѣ 1652 г. изъ порубежнаго русскаго города Путивля отправился въ Кіевъ за пѣвчими соборный священникъ Иванъ Курбатовъ. Черезъ полтора мѣсяца онъ доставилъ въ Москву архидіакона кіево-братскаго монастыря (игуменомъ монастыря былъ въ это время Л. Барановичъ) Михаила и съ нимъ одиннадцать человѣкъ пѣвчихъ. Главнымъ между ними, творцомъ строчнаго пѣнія, былъ большой кіевскій пѣвчій Ѳедоръ Тернопольскій. Они прибыли въ Москву 21 февраля 1652 г. и остановились на загородномъ дворѣ окольного Стрѣшнева. Мѣсяць спустя послѣ этого, 22 марта, выѣхалъ изъ Кіева въ Москву новый хоръ пѣвчихъ, состоявшій изъ 9 человѣкъ. По прибытіи въ Москву 8 апрѣля 1652 г. они остановились въ монастырѣ св. Андрея Стратилата близъ Нескучнаго сада. Новые кіевскіе пѣвчіе рѣшились остаться въ Москвѣ на вѣчное житіе, и потому прежній хоръ кіевскихъ пѣвчихъ, вмѣстѣ съ Александромъ Васильевымъ, пробывъ въ Москвѣ до 23 іюня, возвратился на родину. Къ хору кіевскихъ пѣвцовъ, оставшихся въ Москвѣ, вскорѣ присоединились еще два кіевскихъ пѣвца, Александръ Лешковскій и Климъ Коновскій. Такимъ образомъ, хоръ кіевскихъ пѣвцовъ въ Москвѣ состоялъ въ 1652 г. изъ одиннадцати человѣкъ. Лешковскій и Коновскій въ началѣ 1656 г. ѣздили съ царскимъ наказомъ въ Кіевъ за старцемъ братскаго монастыря Іосифомъ Загвойскимъ, который обучалъ партесному пѣнію. Лешковскій и Коновскій долго его искали въ кіевскихъ обителяхъ и не могли найти. Загвойскій выѣхалъ изъ Кіева въ Чигиринъ къ Выговскому и стоялъ въ монастырѣ его строенія на крылосѣ. Посланные хотѣли взять съ собой Василя Пикулинскаго изъ хора митрополита Сильвестра Коссова; но Коссовъ не отпустилъ его. Отказы не охлаждали московскихъ

требованій. Въ 1666 г. въ царскомъ хорѣ оказывается новый кievскій „вспѣвакъ“ Іоаннъ Календа ¹⁾).

Лазарь Барановичъ, по предложенію московскаго правительства, розыскивалъ въ черниговской епархіи пѣвчихъ для отправления въ Москву, и когда таковыхъ не оказалось отправилъ туда своихъ собственныхъ пѣвчихъ. 29 августа 1682 года архіепископъ Лазарь писалъ царевнѣ Софьѣ: „Повелѣнное мнѣ отъ великихъ государей царскаго пресвѣтлаго величества творя, не замедлил послати во всю епархію мою, изыскивая же благопотребныхъ и искусныхъ пѣвчихъ, не возмогши ихъ обрѣсти; изыскивая же себѣ превысочайшую ихъ царскаго пресвѣтлаго величества милость которыхъ имѣлъ при боку своемъ пѣвчихъ тѣхъ ко двору ихъ царскаго пресвѣтлаго величества отдаю“ ²⁾. Почти одновременно въ 1685 г. игуменъ кievо-видубицкаго монастыря Θεодосій Углицкій отправилъ въ Москву двухъ пѣвчихъ ³⁾. Мало-по-малу малорусскіе пѣвцы начали славиться во всей Великороссіи. Хоры придворный, патриаршій, потомъ петербургскій архіерейскій набирались преимущественно изъ южноруссовъ.

Есть основаніе думать, что положеніе малоруссовъ въ Москвѣ было тяжелое. Общій строй московской жизни, проникнутый высокоомѣриемъ, подозрительностью и самохвальствомъ, сильно не нравился иностранцамъ, въ частности югозападнымъ русскимъ людямъ. Житіе въ московскомъ государствѣ иностранцамъ казалось темницей. Когда антiохійскій патриархъ Макарій, архидіаконъ Павелъ и ихъ спутники, пробывъ въ половинѣ XVII ст. въ Москвѣ болѣе года, оставили за собой границу московскихъ владѣній, они свободно вздохнули. Красота лѣтней природы Малороссіи напомнила имъ родину; ихъ

¹⁾ Разумовскій, Церк. пѣніе, 210; Акты юж. и зап. Рос. III 518.

²⁾ Страдомскій, Приложенія 98.

³⁾ Моск. Арх. М. Ин. Д. Малорос. дѣла, связка 67.

сердце рвалось отъ радости при видѣ сіяющихъ церквей Кіева. Тутъ они вспомнили, какъ въ теченіи почти двухъ-лѣтняго ихъ пребыванія въ Москвѣ на ихъ сердцѣ, говоря буквально словами Павла діакона, „какъ будто постоянно лежалъ висячій замокъ“. Если бы кто-нибудь, говоритъ Павелъ, сдѣлался даже обладателемъ этой страны, и тогда его сердце не освободилось бы отъ безпокойства и тоски ¹⁾). Епископъ мстиславскій, мѣстоблюститель кіевской митрополіи Меодій въ 1666 г. говорилъ, что „малороссамъ и смерть не такъ страшна, какъ отсылка въ Москву“. ²⁾ Поневидимому, малоруссы пѣвчіе не могли свободно располагать собой въ Москвѣ. Они были какъ-бы въ плѣну, изрѣдка могли выпросить отпускъ на родину, и то на время, и въ сопровожденіи московскаго чиновника. Такъ, 9 февр. 1686 г. изъ Москвы былъ отпущенъ въ Стародубъ пѣвчій дьякъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ, которые были доставлены въ Москву Лазаремъ Барановичемъ, Лаврентій Комовой, для свиданія съ родителями, въ сопровожденіи пристава малороссійскаго приказа. ³⁾ Случалось, московскіе пѣвчіе изъ малороссовъ заявляли желаніе поступить въ монахи того или другаго украинскаго монастыря, чтобы только получить отпускъ на родину. Такъ, въ февралѣ 1692 г. отпущены были изъ Москвы малороссіяне пѣвчіе Степанъ Рокицкій и Степанъ Волицъ для постриженія ихъ въ кіево-печерской лаврѣ. ⁴⁾ И гораздо позднѣе, въ XVIII ст., съ перенесеніемъ центра тяжести русской жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и малорусскихъ пѣвческихъ хоровъ въ Петербургъ, хотя внѣшнее положеніе малорусскихъ пѣвчихъ измѣнилось къ лучшему, хотя ихъ уже не сопровождали москов-

¹⁾ Руцинскій, 280.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. XI. 217.

³⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Малорос. дѣла, связка 67.

⁴⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Малорос. дѣла, связка 88.

скіе пристава, они не могли привыкнуть къ сѣрому петербургскому небу, то заболѣвали „тяжко“, то „спали съ голоса“, чтобы скорѣе возвратиться на родину; но на мѣсто ихъ вызывали изъ Малороссіи новыхъ пѣвцовъ ¹⁾).

Съ развитіемъ братствъ стало развиваться проповѣдничество. Въ началѣ XVII ст. проповѣдь была большею частью проста, общедоступна, и состояла главнымъ образомъ, если не исключительно, въ изъясненіи евангелія. Братства имѣли своихъ особенныхъ проповѣдниковъ, на обязанности которыхъ лежало не только объяснять евангеліе, но при случаѣ опровергать латино-уніатскія религиозныя ученія. Въ числѣ братскихъ проповѣдниковъ были люди талантливые и энергическіе, наприм., Стефанъ Зизаній, такъ насолившій своими сочиненіями и проповѣдями латино-уніатамъ, что чуть не былъ ими убитъ и едва спасся бѣгствомъ черезъ дымовую трубу въ домѣ. Со времени учрежденія кіево-могилянскоѣ коллегіи, проповѣдь усилилась и измѣнилась въ своемъ содержаніи и характерѣ. Это была уже проповѣдь схоластическая, искусственная, съ ѳемой, экзордіумомъ, нарраціей и конклюдією, съ поддѣльнымъ паѳосомъ. Въ половинѣ XVII ст. Галатовскимъ составлено было руководство по гомилетикѣ, или „Наука о зложеніи казаній“, приложенная къ „Ключу Разумѣнія“ ²⁾). Съ выходомъ въ свѣтъ „Науки“ Галатовскаго, извѣстными схоластическими приѣмами облегчавшей составленіе проповѣди, проповѣдываніе слова божія для малорусскихъ священниковъ составляло своего рода нравственное обязательство. Во львовскомъ изданіи „Ключа Разумѣнія“ 1665 г. Галатовскій въ

¹⁾ Крыжановскій въ „Руков. для сельск. наст.“ 1864. I. 222, на основаніи дѣла архива св. синода 1721 подъ № 131.

²⁾ Подробности о „Ключѣ Разумѣнія“ см. въ статьѣ нашей о Галатовскомъ, стр. 20—37.

„предмовѣ къ священникамъ, монахамъ и мірянамъ“ говорить: „Для того тая книга „Ключемъ“ ся называетъ, же священникамъ до казаня двери отмыкаетъ, хиба кто самъ не схочеть и будетъ лѣноваться, той не напишетъ казаня, маючи тутъ такъ ясную науку и такъ латвый способъ зложеня казаня“... 1). Дѣйствительно, въ большихъ малорусскихъ городахъ церковная проповѣдь стала обычнымъ явленіемъ въ праздничные дни; но по селамъ и малымъ городамъ, по свидѣтельству Гербиня, священники читали лишь отеческія поученія 2). Если принять во вниманіе схоластическій характеръ малорусской церковной проповѣди, то, нужно согласиться, что крестьяне, слушая въ замѣнъ ея отеческія поученія, ничего не теряли относительно религіозно нравственнаго просвѣщенія.

Въ Черниговѣ были проповѣдники до Лазаря Барановича, напр. Кирилль Транквилионъ. Барановичъ учредилъ должность постоянныхъ церковныхъ проповѣдниковъ изъ духовныхъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Въ его время въ Черниговщинѣ было нѣсколько талантливыхъ проповѣдниковъ. Такъ, значительной извѣстностью пользовался проповѣдникъ въ Новгородѣ-сѣверскомъ, Тимошей Богдановичъ, скончавшійся въ декабрѣ 1684 г. При Барановичѣ выдвинулся и получилъ извѣстность, какъ проповѣдникъ и человекъ высокой нравственной жизни, Димитрій (въ мірѣ Данилъ) Савичъ Туптало, впоследствии митрополитъ ростовскій. Въ 1675 году архіепископъ Лазарь впервые познакомился съ святымъ Димитріемъ въ Густынской мон., куда свят. Димитрій прибылъ для посвященія въ іеромонахи. Отличительной чертой Барановича, какъ вообще всѣхъ талантливыхъ людей, представляется умѣніе находить способныхъ помощниковъ и со-

1) Галятовскій, „Ключъ Разумнія“. 1665.

2) Рущинскій, 183.

трудниковъ. Барановичъ сразу усмотрѣлъ въ молодомъ Димитріѣ Гунтало большія дарованія; св. Димитрій оставленъ былъ въ черниговской епархіи проповѣдникомъ. Въ два года проповѣдническаго служенія при архіеп. Лазарѣ Димитрій успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ по всеѣмъ окрестнымъ мѣстамъ, и многія православныя обители наперерывъ приглашали его къ себѣ въ проповѣдники. 1677 и 1678 годы Димитрій провелъ въ Литвѣ; въ началѣ 1679 г. онъ переселился снова въ черниговскую епархію, въ Батуринскій Николаевскій монастырь; почти черезъ два года, въ 1681 г., Димитрій получилъ мѣсто игумена максаконской обители, простился съ гетманомъ и съ гетманскимъ письмомъ отправился въ Черниговъ къ архіепископу Лазарю. Какъ скоро Барановичъ распечаталъ письмо, онъ сказалъ Димитрію: „не читая письма, говорю: да благословитъ васъ Господь Богъ не только игуменствомъ, но, по имени Димитрія, желаю вамъ митры. Димитрій да получить митру“! Барановичъ пригласилъ Димитрія къ себѣ на обѣдъ, подарилъ ему хорошій посохъ, „и такъ хорошо меня отпустилъ, говоритъ св. Димитрій, какъ отецъ роднаго сына“¹⁾).

Самъ Барановичъ былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Малороссіи проповѣдниковъ. Изъ его проповѣдей, написанныхъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, преимущественно въ Кіевѣ, составились два огромныхъ сборника, „Мечъ духовный“ и „Трубы словесъ проповѣдныхъ“. Уже любопытенъ самый процессъ ихъ изданія въ свѣтъ, процессъ долгій по времени, для автора довольно тягостный и убыточный и, въ добавокъ, довольно хорошо характеризующій литературные нравы малорусской интеллигенціи второй половины XVII ст.

¹⁾ Св. Димитрій, митроп. ростовскій, Сочиненія изд. 5 I. діар. 477.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Барановичъ приготовилъ въ рукописи свой „Мечъ“¹⁾. Первымъ крупнымъ препятствіемъ явился недостатокъ денежныхъ средствъ на приобрѣтеніе бумаги. Изъ этого затрудненія Барановича выручило московское правительство. Оно прислало Барановичу сто, потомъ четыреста стопъ бумаги. Барановичъ этимъ неудовольствовался и 19 декабря 1664 просилъ царя выслать въ Новгородъ-сѣверскій по хорошей дорогѣ еще триста стопъ бумаги, обѣщанныхъ царемъ²⁾. Рукопись, бумага, вѣроятно, и слѣдующая плата за предстоящій наборъ и печатаніе были Барановичемъ отправлены въ кіево-печерскую типографію; но тутъ неожиданно произошла задержка въ печатаніи „Меча“, по винѣ самого автора. Посланная имъ въ типографію форты, т. е. заглавный листъ съ рисунками, оказалась такой замысловатой и такъ неразборчиво написанной, что въ типографіи ее не поняли и отказались печатать. Барановичъ составилъ новую, также довольно хитроумную форту, и въ письмѣ къ завѣдывавшему типографіей Варлааму Ясинскому подробно ее объяснилъ, и затѣмъ въ самой рукописи разъяснилъ ее въ прозѣ и въ стихахъ. Съ какой цѣлью составлялись замысловатыя форты? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Лазарь Барановичъ въ письмѣ къ Ясинскому. „Ежели бы у насъ были, говоритъ онъ, для этого (т. е. печатанія форты) рѣзныя дощечки, то вышла бы у насъ эмблематическая поэзія“.³⁾ Въ 1665 г.

1) Мы пользовались экз. „Меча“, находящимся въ библиотекѣ харьк. дух. семина. Экземпляръ этотъ любопытенъ тѣмъ, что нѣкогда принадлежалъ Стефану Яворскому, какъ значится въ отбѣткѣ подъ заглавіемъ книги рукой Ст. Яворскаго „Ex libris indigni Hieromonachi Stephani Iavorski“.

2) Акты южн. и зап. Россіи V. 228.

3) Письма Лазаря Барановича 22.

Барановичъ просилъ Ясинскаго не затягивать печатаніе. „По моему, писалъ онъ, что въ печи, то на столь мечи“; но печатаніе все-таки шло очень медленно, и лѣтомъ 1666 года Барановичъ послалъ въ Кіевъ своего архидіакона съ просьбой къ Ясинскому кончить скорѣе печатаніе „Меча“ ¹⁾. Наконецъ, въ концѣ 1666 вышелъ въ свѣтъ „Мечъ духовный, еже есть глаголь Божій на помощь церкви воюющей изъ устъ Христовыхъ поданный, или книга проповѣдей слова Божяго“, съ затѣйливой фортой, съ прозаическимъ и стихотворнымъ посвященіями книги царю Алексѣю Михайловичу. Второе изданіе „Меча“ вышло въ 1686 г., также въ Кіевѣ, въ листъ.

Печатаніе „Трубъ“ тянулось цѣлыхъ шесть лѣтъ и сопряжено было для Барановича со многими хлопотами, вызвало особую переписку автора съ царемъ, московскимъ патріархомъ, печерскимъ архимандритомъ и мн. другими высокопоставленными лицами. Первоначально, въ 1668 г., Барановичъ сдалъ свои „Трубы“ для печатанія въ печерскую типографію; но тутъ встрѣтилось препятствіе въ значительности расходовъ на печатаніе и бумагу. „Дѣло мое (т. е. Трубы) въ прахъ у меня разсыпается, жаловался въ одномъ письмѣ Барановичъ; на Трубы нѣтъ и бумаги; придумалъ слѣдующее средство: хочу послать рукописи мои въ Москву и просить честнаго отца Ситніановича, чтобы онъ порадѣлъ мнѣ объ этомъ“ ²⁾. Задумано-сдѣлано. Рукопись была отослана въ Москву, а вмѣстѣ съ рукописью отправлены были просительныя письма къ царю Алексѣю Михайловичу и патріарху Іоасафу. Чтобы расположить царя въ свою пользу, Барановичъ къ просительному своему письму приложилъ утѣшеніе по случаю смерти

¹⁾ Тамъ же 24.

²⁾ Письма Лазаря Барановича 54, 83.

Маріи Ильичны. Барановичъ просилъ, чтобы сочиненіе его было напечатано въ царской типографіи и на царскій счетъ. Въ обоихъ своихъ письмахъ Барановичъ просилъ представить его сочиненіе на просмотръ лицамъ, знающимъ св. Писаніе, преимущественно Симеону Полоцкому. „Честный отецъ Симеонъ Ситніановичъ, писалъ Барановичъ патриарху, яко искусный въ богословіи, на сіе дѣло уготованный, да досмотритъ“...¹⁾ Симеону Полоцкому была послана майская полынная водка, приготовленная старымъ братскимъ аптекаремъ. „Думаю, что понравится“, писалъ тогда же, въ маѣ 1669, Барановичъ Полоцкому²⁾. Трубы были прочитаны и одобрены Полоцкимъ. Царь и патриархъ обѣщали напечатать ихъ въ Москвѣ; милостивый указъ царя былъ полученъ въ Черниговѣ въ концѣ 1669 г. Повидимому, вопросъ о печатаніи Трубъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ вполне благопріятномъ для Барановича; но это только повидимому. Послѣдовала знаменитая московская волокита, которая должна была навсегда отбить у Барановича охоту что-либо печатать въ Москвѣ. Прошелъ годъ, а Трубы не трубили въ московской типографіи. „Молчаніе въ печати тѣхъ книгъ, писалъ въ іюль 1670 г. царь Барановичу, учинилось за умаленіемъ бумаги, за наприсылкою отъ архангельскаго города“³⁾. 7 января 1671 г. архіеп. Лазарь просилъ А. С. Матвѣева ускорить печатаніе „Трубъ“; черезъ мѣсяць, 9 февраля 1671 г. онъ повторилъ свою просьбу, въ надеждѣ найти скорое ея удовлетвореніе, по случаю вступленія царя въ бракъ съ Наталіей Кириловной Нарышкиной⁴⁾. Въ концѣ концовъ Барановичъ не

1) Акты южной и западной Россіи VIII № 64; Письма Лазаря Барановича 63.

2) Письма Лазаря Барановича 88.

3) Письма Лазаря Барановича 103, 105, 128.

4) Акты южной и западной Россіи. IX. № 84.

вытерпѣлъ, взялъ рукопись обратно, причѣмъ получилъ изъ Москвы на изданіе „Трубъ“ 150 стопъ бумаги ¹⁾. „Трубы словесъ проповѣдныхъ“ были авторомъ переданы въ печерскую типографію, гдѣ и были напечатаны въ 1674 г.; вторымъ изданіемъ „Трубы“ вышли также изъ печерской типографіи въ 1679 г. „Трубы“, какъ и „Мечъ“, посвящены царю Алексѣю Михайловичу. Посвященіемъ сочиненія царю Барановичъ считывалъ извлечь крупную практическую пользу, преимущественно для себя, отчасти даже для всей Украины. Изъ крайне высокихъ требованій, предложенныхъ Барановичемъ Москвѣ, видно, что онъ былъ весьма высококачественнаго мнѣнія о „Трубахъ“, усматривалъ въ своемъ сборникѣ проповѣдей грандіозное произведеніе, достойное всевозможныхъ наградъ. Какъ тонкій дипломатъ, человекъ съ большимъ практическимъ смысломъ, Барановичъ воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1675 г. въ Черниговъ пріѣхалъ на богомолье Иванъ Самойловичъ. Онъ упросилъ Самойловича своей гетманской грамотой просить царя о благосклонномъ принятіи въ Москвѣ „Трубъ“ и объ объявленіи милостей ихъ автору: „Трубы“ были отправлены въ Москву съ нѣжинскимъ протоп. Симеономъ Адамовичемъ. Барановичъ въ своей челобитной просилъ о слѣдующихъ милостяхъ: 1) чтобы царь пожаловалъ его въ Москвѣ подворьемъ съ церковью; 2) велѣлъ его имя, въ случаѣ смерти, записать въ монастырскіе синодики для поминовенія; 3) чтобы „Трубы“ были куплены казною по цѣнѣ, какую установитъ самъ онъ, милостивый государь; 4) чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ полякамъ; 5) чтобы дана была царская жалованная грамота на черниговскую типографію, 6) чтобы архіепископская буда была освобождена отъ взимаемаго съ нея налога восьмой бочки поташу, 7) чтобы дано

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 134.

было на церковную службу вина, ладана, деревяннаго масла, перцу, и 8) чтобы его, архіепископа, пожаловали чернымъ сукномъ и черными и красными лисьими мѣхами. Челобитная эта въ Москвѣ вызвала неудовольствіе, и въ царскомъ отвѣтѣ было замѣчено, что о нѣкоторыхъ вещахъ просить не слѣдовало и что впредь не всякого рода просьбы будутъ принимаемы. Большая часть просьбъ Барановича, однако, была исполнена. Въ первой просьбѣ Барановича москвичи открыли желаніе переселиться, въ случаѣ надобности, въ Москву, тогда какъ въ дѣйствительности архіеп. Лазарь хотѣлъ получить отъ Москвы доходную статью въ добавокъ къ тому, что онъ имѣлъ въ южной Россіи. Въ первой просьбѣ Барановичу было отказано. На вторую просьбу послѣдовало полное согласіе, съ присоединеніемъ пожеланія архіеп. Лазарю здоровья и долгой жизни. Особенно любопытенъ отвѣтъ на третью просьбу. Царь похвалилъ литературное трудолюбіе Барановича, но отказался взять Трубы въ казну, равно какъ не соизволилъ обязать монастыри пріобрѣсти „Трубы“; „въ неволю книгъ, писалъ царь, никому не отдають и въ монастыри не намечиваютъ“. Пришлось, однако, и здѣсь оказать милость. Царь указалъ уплатить изъ царской казны Барановичу деньги за присланные въ Москву и непроданные экземпляры. Пришлось уплатить Барановичу огромную сумму, выдать соболями 731 р. „А впредь бы онъ, преосв. архіепископъ, замѣчено по этому поводу въ царской граматѣ, книгъ никакихъ въ царствующій великій градъ Москву на продажу не присылалъ, потому что въ царскомъ великомъ градѣ Москвѣ устроенъ на то печатный дворъ и книгами изобильно. А если онъ преосв. архіепископъ похочетъ какія книги печатать, и онъ велѣлъ бы ихъ продавать въ малороссійскихъ городахъ. А буде впредь на продажу какія книги присланы будутъ и великій государь принимать не указалъ, а отосланы будутъ на-

задъ“. На четвертую просьбу послѣдовалъ отвѣтъ, что Кіевъ не будетъ возвращенъ полякамъ, вслѣдствіе многихъ нарушеній поляками андрусовскаго договора; какъ - то: тайные переговоры съ султаномъ, ошибки въ царскомъ титулѣ, изданіе пасквилей на московское государство. Пятая и шестая просьбы были исполнѣ удовлетворены. По седьмой и восьмой просьбамъ Барановичу было послано изъ Москвы 10 ведеръ церковнаго вина, 1 пудъ ладану, 2 пуда деревяннаго масла, 10 ведеръ ренскаго, по пуду перцу, шафрана и мускатнаго цвѣта, 2 портища чернаго сукна лундышу, 2 мѣха лисьихъ, одинъ черныхъ лисицъ, другой—красныхъ ¹⁾).

Предметъ Меча и Трубъ одинъ и тотъ же, религіозно-нравственныя наставленія. Особенность того и другаго сборника состоитъ, такъ сказать, въ постановкѣ этого предмета. Въ Мечѣ религіозно-нравственныя наставленія идутъ отъ самого проповѣдника; они представляютъ прямой, положительный законъ, которымъ долженъ руководствоваться каждый христіанинъ въ своей жизни. Въ Трубахъ религіозно-нравственныя правила представляются въ воплощеніи ихъ въ извѣстномъ праздничномъ событіи, преимущественно въ жизни святыхъ, и самая эта жизнь должна укрѣпить въ слушателяхъ ихъ религіозно-нравственную сторону. Различіе между сборниками исключительно формальное, внѣшнее, а именно; въ Мечѣ 55 словъ, въ Трубахъ 80; въ „Мечѣ“ всѣ проповѣди почти одинаковой величины, вообще длинныя; въ Трубахъ одни слова весьма пространны; другія весьма коротки; одни на двухъ десяткахъ страницъ, другія въ двадцати строкахъ; въ Мечѣ строго соблюдено раздѣленіе проповѣди на части, каковы: оема, экзордіумъ, наррація и конклюдія; въ Трубахъ одни проповѣди имѣютъ всѣ эти части; другія проповѣди не

¹⁾ Акты южн. и зап. Россіи XII. № 12.

имѣютъ ни оемы, на экзордіума, ни конклюдіи, и представляютъ цѣльное развитіе опредѣленной нравственной сентенціи.

О содержаніи „Меча“ и „Трубъ“ трудно говорить. Строевъ открылъ нѣсколько проповѣдей противъ католиковъ и кальвинистовъ и нѣсколько обвиненій слушателей въ обжорствѣ, пьянствѣ и несоблюденіи постановленій церкви. Что двѣ-три проповѣди направлены противъ иновѣрцовъ, то объ этомъ можно предположить лишь по одному заглавію или по тому, что въ проповѣди находится общая защита такого ученія, которое отвергается католиками или кальвинистами. Самыя же проповѣди такъ безцвѣтны и безсодержательны, что очень трудно рѣшить, противъ кого и чего онѣ направлены, бакую практическую цѣль преслѣдовалъ проповѣдникъ при ихъ произнесеніи. Въ письмѣ къ Полоцкому Барановичъ затѣтилъ: „Нѣтъ тамъ (Трубахъ) ничего противнаго ученію вѣры, и въ сужденіяхъ своихъ я былъ остороженъ, а особенно избѣгалъ я строгихъ сбличеній, которыя болѣе всего не нравятся“¹⁾. Схоластическая школа, пройденная Барановичемъ и его осторожность въ выраженіяхъ привели къ тому, что всѣ его проповѣди—пустой наборъ словъ, пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее. Можно быть увѣреннымъ, что даже двѣ-три проповѣди Барановича, въ которыхъ Строевъ усмотрѣлъ реальное содержаніе, не были поняты слушателями, если только были когда либо произнесены съ церковной каѳедры; ничего пракческаго и жизненнаго не было въ нихъ открыто современниками проповѣдника; для такого открытія понадобился тяжелый кабинетный трудъ ученаго археолога и палеографа. Не усматривая въ „Мечѣ“ и „Трубахъ“ достаточной выдержанности схоластическихъ дѣленій и подраздѣленій, Строевъ отказывается

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 88.

зачислить Барановича въ разрядъ схоластическихъ проповѣдниковъ. Въ дѣйствительности, Барановичъ въ отношеніи проповѣдничества чистый схоластикъ; только схоластизмъ Барановича особаго рода, отличается, на примѣръ, отъ схоластизма Галятовскаго. Галятовскій внесъ въ свои проповѣди инкольные начала въ распредѣленіи матеріала, въ пользованіи польскими и латинскими источниками для извлеченія подходящихъ циркумстанцій, въ приведеніи разсказовъ изъ ботаники, зоологіи, исторіи. Схоластичность Барановича имѣетъ, такъ сказать, строго церковный характеръ. Въ его проповѣдяхъ нѣтъ ни разъясненія догматовъ, ни практическихъ нравственныхъ наставленій; это всецѣло наборъ текстовъ изъ св. Писанія, благочестивое пустоглаголаніе. Отличительная особенность церковно-схоластической проповѣди Барановича составляетъ молитва. Молитва Барановича—не та простая и краткая, но сильная молитва, какая встрѣчается часто въ сочиненіяхъ Дмитрія ростовскаго, молитва, излившаяся изъ сердца глубоко религіознаго человѣка поэтическаго склада. Нѣтъ, это пустое молитвословіе, холодное прославленіе Бога, по установленной привычкѣ; это въ большинствѣ случаевъ лишь схоластическое средство наполненія проповѣди.

Барановичъ въ своихъ проповѣдяхъ вооружается противъ міра и пристрастія къ нему. Строгость нравственныхъ требованій—отличительная особенность морали Барановича. Возникновенію этой строгости могли содѣйствовать многія обстоятельства, личность самого писателя, человѣка монастырскаго воспитанія, монаха-аскета по принципу, хотя, быть можетъ, и не аскета въ жизни домашней, затѣмъ порочная жизнь современнаго ему общества, или тогдашней малорусской интеллигенціи, для которой постоянныя войны, постоянныя гетманскія интриги и направленные противъ Украины интриги сосѣднихъ государствъ были плохой

воспитательной школой, наконецъ, вѣшнія схоластическія вліянія. „Такая мораль, говоритъ Строевъ, самая обычная въ средніе вѣка и на востокѣ, и на западѣ. Въ Польшѣ въ это время удаленіе отъ міра особенно любили въ своекорыстныхъ видахъ проповѣдывать іезуиты, отождествляя міръ со всѣмъ тѣмъ, что было враждебно духовенству“¹⁾).

Языкъ Барановича въ проповѣдяхъ церковно-славянскій; польскихъ и латинскихъ словъ почти нѣтъ въ „Мечѣ“ и Трубахъ“; малорусскіе слова и обороты попадаются весьма рѣдко. Эту чистоту языка проповѣдей можно поставить въ заслугу автору, если судить о южно-русскихъ литературныхъ произведеніяхъ съ общерусской точки зрѣнія; но можетъ быть и другая точка зрѣнія, основательность которой опирается на самой сущности разсматриваемаго предмета, т. е., на южно-русскомъ происхожденіи „Меча“ и „Трубъ“. Барановичъ по происхожденію былъ малороссъ; мѣстомъ его дѣятельности была Малороссія; слушатели и читатели „Меча“ и „Трубъ“, если только допустить, что эти книги имѣли читателей, были преимущественно малороссы. Все это въ совокупности составляло достаточный поводъ, чтобы „Трубы словесъ проповѣдныхъ“ трубили на языкѣ, народу вполне понятномъ. Чистота славянскаго языка въ проповѣдяхъ Барановича своего рода доказательство ихъ схоластичности. Нужно было сильно оторваться отъ народа; нужно было всецѣло проникнуться искусственными школьными правилами сочинительства, чтобы, при достаточно сильномъ національномъ развитіи малоруссовъ въ XVII ст., писать столь чистымъ славянскимъ языкомъ, какъ писалъ Барановичъ. Современникъ Барановича, болѣе талантливый проповѣдникъ, Галатовскій въ языкѣ своемъ еще сохраняетъ связь съ роднымъ краемъ. По языку „Ключа

¹⁾ Строевъ, 76.

Разумѣнія“ не трудно убѣдиться, что авторъ его прямой сынъ Украины, что надъ его дѣтской колыбелью раздавалась не другая какая либо, а именно украинская пѣсня, что онъ не только знаетъ малорусскій языкъ, но въ глубинѣ души любитъ его, какъ единственный органъ внутренняго мышленія. Ничего этого нельзя сказать про Барановича, судя по его проповѣдямъ. Изъ проповѣдей Барановича видно, что схоластическая школа совсѣмъ отрѣзала его отъ народа, и онъ, какъ и многіе современные ему южно-русскіе дѣятели, стоялъ, такъ сказать, на распутьи: можно было пойти въ одну сторону, въ Москву; можно было свернуть на Варшаву; можно было выйти, при особыхъ благоприятныхъ условіяхъ, къ родному селу. Къ чести Барановича надо сказать, что онъ не оставилъ совсѣмъ послѣднюю дорогу, и по-временамъ сворачивалъ на нее; по временамъ же шелъ и по другимъ дорогамъ, которыя вели къ богатству, къ почестямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ обезличенію и предательству.

Какъ судили о проповѣдяхъ Барановича его современники? Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы получиться лишь изъ сопоставленія многихъ отзывовъ, притомъ отзывовъ людей разныхъ сословій. Сохранился только одинъ отзывъ, Лаврентія Крщановича. Умный и дѣятельный Крщановичъ, игуменъ черниговскаго ильинскаго монастыря, имѣлъ особья причины похвалить Барановичу похвалой его сочиненій. Игуменство въ ильинскомъ монастырѣ онъ получилъ, по расположенію къ нему архіеп. Лазаря. Самый отзывъ находится въ посвященіи Барановичу „Тріоди цвѣтной“, изданной въ 1685 г. въ черниговской типографіи, находившейся въ ильинскомъ мон. подъ надзоромъ Крщановича. На это посвященіе слѣдуетъ смотрѣть какъ на панегирикъ, мало чѣмъ отличающійся отъ „дукубраціункулы“ Величковскаго. Крщановичъ хвалитъ Барановича за то, что онъ “ толико богодухновенныхъ

и полезныхъ книгъ стаду своему подалъ; а на ихъ же листвіяхъ написалъ имя Божіе и Богородично и святыхъ всѣхъ, егда праздники господскіе, богородичныя и святыхъ избранныхъ словеса премудрыми и полезными почтивъ и тѣми, яко цвѣтами злачное поле, тако церковь украсивъ, множество душъ, слова Божія алчущихъ, напиталь еси.... Во истину бо не сѣномъ, не стеблемъ, но благовонными кринами обильныя премудрости питаеши словесное стадо, и не точію цвѣтами, но вкупѣ и плодами овцы твоя насыщаеши, егда не точію словеса и писаніи, но и самымъ дѣломъ учиши“... ¹⁾).

Въ новое время о проповѣдяхъ Барановича отзывъ дали Строевъ и Н. И. Костомаровъ. „Нашему проповѣднику, говоритъ Строевъ, нельзя отказать въ природныхъ проповѣдическихъ способностяхъ. Въ его проповѣдяхъ проявляются съ большей или меньшей силой, въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, и умъ, и чувство, и довольно развитое воображеніе. Но умъ часто переходитъ въ модное тогда остроуміе въ сближеніяхъ, сравненіяхъ и т. п., теряясь на виѣшность. Чувство замѣтно тогда, когда онъ говоритъ о предметахъ близкихъ его сердцу, напр., о милостыни, о любви; но этого чувства нѣтъ тамъ именно, когда онъ дѣлаетъ видимыя усилія казаться восторженнымъ, прочувствованнымъ. Громкія восторженныя фразы остаются однѣми фразами, подъ которыми виденъ проповѣдникъ вполнѣ спокойный“... ²⁾. По словамъ Н. И. Костомарова, „вычурность, напыщенность, при скудости мысли, бѣдности воображенія и отсутствіи неподдѣльнаго чувства, составляютъ отличительныя черты проповѣдей Лазаря. Всѣ онѣ, можно сказать, состоятъ изъ трескучихъ фразъ и до чрезвычайности скучны. Въ свое время онѣ могли

¹⁾ Страдомскій, 77.

²⁾ Строевъ, 110.

нравиться развѣ книжникамъ, гонявшимся за словами и выраженіями, но едва ли могли быть понятны народу“... ¹⁾).

Смутныя политическія обстоятельства и нестроенія въ Малороссіи не давали Барановичу возможности ограничиться устроеніемъ черниговскихъ епархіальныхъ дѣлъ и изданіемъ въ свѣтъ сочиненій. Волей-неволей Барановичъ долженъ былъ принимать участіе въ рѣшеніи всѣхъ важныхъ малорусскихъ и даже московскихъ вопросовъ, долженъ былъ участвовать въ избраніи часто мѣнявшихся гетмановъ и кіевскихъ митрополитовъ, долженъ былъ отвѣчать на предлагаемые московскимъ правительствомъ вопросы политическаго свойства, долженъ былъ участвовать на московскомъ соборѣ 1667 г. Московское правительство не совсѣмъ довѣряло Лазарю, сомнѣвалось въ искренности его увѣреній въ расположеніи къ Москвѣ, и потому не выдвигало его на первое мѣсто въ малорусской церкви, но оно дорожило Лазаремъ, какъ въ Малороссіи человѣкомъ весьма вліятельнымъ, задобривало его милостивыми грамотами и подарками, стремясь подѣйствовать на его нѣсколько корыстолюбивую натуру и подачками направить его дѣятельность въ назначенномъ Московію направленіи.

Съ переходомъ Выговскаго на сторону Польши, польское подданство принялъ также кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ. Москва, понятно, отказалась признавать его митрополитомъ, и онъ долженъ былъ оставить Кіевъ. Малороссамъ неудобно было оставаться долго безъ официально признаннаго главы мѣстной, южнорусской церкви. Въ іюнь 1660 года черниговскій еп. Лазарь, печерскій архимандритъ Иннокентій и все малорусское духовенство прислали въ Москву игумена Терехтемировскаго мон. Іосифа бить челомъ царю, что-

¹⁾ Костомаровъ, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 381.

бы государь пожаловалъ, велѣлъ малорусскому духовенству выбрать новаго митрополита ¹⁾. Мѣстоблюстителемъ кievской митрополіи въ это время, за отъѣздомъ митр. Діонисія, былъ Лазарь Барановичъ. Онъ имѣлъ много шансовъ на сохраненіе мѣстоблюстительства и на полученіе впослѣдствіи сана митрополита. Малорусское духовенство, и въ частности вліятельный Ин. Гизель, его уважало. Въ Москвѣ, повидимому, должны были отнестись къ нему благосклонно. Вышло нѣчто неожиданное: передъ Москвой поспѣшилъ выслужиться нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ своей наружной готовностью безпрекословно проводить въ Малороссіи московскіе интересы. Судя по письмамъ Филимонова, это былъ человѣкъ подвижной и страстный, довольно умный, довольно образованный, въ то же время честолюбивый и корыстолюбивый. Стоило только ласкать и ласкать его, и онъ, въ жаждѣ почестей и обогащенія, могъ продать многое изъ кровныхъ малорусскихъ интересовъ; но стоило только разъ погладить его противъ шерсти, разъ обойти подарками, какъ онъ, въ пылу личнаго раздраженія, дѣлался усерднымъ малорусскимъ патріотомъ. Въ сущности это былъ мелкій себялюбецъ и интриганъ, безъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Максимъ Филимоновъ 5 мая 1661 г. былъ вызванъ въ Москву, поставленъ здѣсь въ епископы мстиславскіе и оршанскіе и отправленъ въ Малороссію въ іюнѣ блюстителемъ кievской митрополіи. Московское правительство сдѣлало оплошность, довѣрившись этому честолюбивому авантюристу. Въ данномъ случаѣ обычная въ XVII ст. московская осторожность уступила мѣсто страстному желанію скорѣйшаго устраненія малорусскихъ церковно-іерархическихъ особенностей. Въ половинѣ іюля еп. Лазарь сдалъ Меѳодію все имущество св. Софіи, церковное и монастыр-

¹⁾ Акты юж. и зап. Россіи V. 27.

ское. Отъ 2 августа Лазарь Барановичъ писалъ къ государю уже изъ своей епархіи: „Доселѣ, по силѣ моей, я исправлялъ блюстительство кievской митрополіи и никогда не сопротивлялся волѣ вашего царскаго величества; исполнилъ ее и теперь: боголюбиваго еп. мстиславскаго и оршанскаго, господина о. Меѳодія Филимонова, истиннаго богомольца вашего величества, я честно почтилъ и принялъ, со всѣмъ духовнымъ соборомъ, какъ брата и сослужителя своего, и посадилъ на престолъ митрополіи кievской блюстителемъ, отдавъ ему въ цѣлости все имущество, церковное и монастырское, по указу вашего величества, возвратился на свою епископію... Только не имѣя въ Черниговѣ, гдѣ и главу приклонить, я отѣхалъ въ новгородскій (т. е. новгородъ-сѣверскій) монастырь всемилостиваго Спаса, гдѣ небольшое устроилъ и строю, при помощи божіей и жалованьи вашего величества; богатую же милостыню, какую я имѣлъ отъ вашего величества въ св. Софіи, я всю издержалъ на прокормленіе братіи по великому оскудѣнію монастыря. Хотѣлось бы мнѣ воздвигнуть престолъ моей епископіи въ Черниговѣ, въ церкви св. князей Бориса и Глѣба, и потому, посылая къ вашему величеству намѣстника моего Гавріила Олешкевича съ іеромонахомъ Іосифомъ, прошу царской милостыни, чтобы розоренная моя черниговская епископія могла подъ державою вашего величества и вашею богатою милостынею придти въ прежнее свое благолѣпіе и узрѣть прежнюю свою красоту“. Посланные Барановичемъ въ Москву іеромонахи подали 27 августа въ польскій приказъ челобитную и въ ней просили, чтобъ государь пожаловалъ милостыню на покупку въ Черниговѣ двороваго мѣста для епископа, которое продавалось за тысячу польскихъ золотыхъ, и на строеніе церкви св. муч. Бориса и Глѣба; кромѣ того, пожаловалъ для той церкви книги, ризы, сосуды, паникадила и пр. церковныя вещи, также икону св. Бориса и Глѣба и другія

иконы; пожаловалъ, наконецъ, епископу грамоту, по которой бы онъ, въ случаяхъ нужды, могъ найти себѣ пріютъ въ Путивлѣ, или Сѣвскѣ, или Брянскѣ, а если можно и въ самой Москвѣ. Государь приказалъ удовлетворить всѣмъ этимъ просьбамъ,—лучшее свидѣтельство, что назначеніе Меѳодія блюстителемъ вызвано было политическими соображеніями, и что Барановичъ не находился въ немилости у государя ¹⁾.

Положеніе еп. Меѳодія было незавидное. Въ Малороссіи его не любили. Митр. Діонисій жаловался константинопольскому патріарху, что еп. Меѳодій посредствомъ мірской власти похитилъ у него митрополию. Патріархъ выдалъ въ 1662 г. проклятiе, которое митр. Діонисій переслалъ въ Кіевъ, отчего здѣсь произошло смущеніе и волненіе среди духовныхъ и свѣтскихъ. Меѳодій просилъ царя ходатайствовать передъ патріархомъ о снятіи проклятiя ²⁾. Кіевское духовенство было недовольно назначеніемъ Меѳодія мѣстоблюстителемъ. Во главѣ недовольныхъ стояли архим. печерскій Ин. Гизель, игуменъ мгарскаго монастыря Викторъ Загоровскій и игуменъ выдубицкаго монастыря Климентій Старушичъ. Отъ лица всего духовенства Загоровскій и Старушичъ просили гетмана опредѣлить на мѣсто Меѳодія Лазаря Барановича. Просьба не имѣла успѣха, и одинъ изъ главныхъ противниковъ Меѳодія, Викторъ Загоровскій былъ оговоренъ передъ царемъ въ намѣреніи отложиться отъ Москвы, арестованъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Барановичъ усердно хлопоталъ о возвращеніи Загоровскаго на родину. „Въ бытность мою въ Москвѣ, писалъ онъ Гизелю въ 1670 г. я всѣми силами старался освободить честнаго о. Виктора Загоровскаго; нѣсколько разъ подавалъ просьбы самъ его величеству царю и святѣйшему патріарху; но

¹⁾ Макарій, Ист. рус. церкви XII. 563—564.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи. XI. 141, 151.

мнѣ дали знать, что онъ умеръ; почему я, какъ покойника, приказалъ записать его въ поминальницу“. Въ дѣйствительности Загоровскій былъ живъ. По настоянію Лазаря онъ былъ возвращенъ въ 1670 г. въ Малороссію, получилъ прежнее мѣсто игумена въ мгарскомъ монастырѣ и въ апрѣлѣ 1671 г. благодарилъ въ письмѣ Барановича за его ходатайство, просилъ утвердить Макарія Русѣновича его преемникомъ по игуменству и жаловался на слабость здоровья. „Во московская неволя, писалъ онъ, не ко здоровью, тилки ближе ку гробу мене условне промуетъ“¹⁾. По смерти Діонисія Балабана въ 1663 г. другъ Барановича, Ин. Гизель, началъ снова хлопотать о назначеніи еп. Лазаря мѣстоблюстителемъ кievской митрополіи, вмѣсто Меѳодія; но на этотъ разъ самъ Барановичъ не далъ хода просьбѣ Гизеля и печерскихъ старцевъ. Онъ просилъ Самка, которому Гизель представилъ свою просьбу, не писать ничего объ ней царю и при этомъ рѣшительно отказался отъ мѣстоблюстительства на томъ основаніи, что, во первыхъ, интересы малорусской церкви требовали, чтобы избранъ былъ митрополитъ, а не мѣстоблюститель, во вторыхъ, доходы кievской митрополіи были очень скудны и пришлось бы на кievскую митрополію тратить незначительныя средства черниговской епископіи²⁾. Отказъ этотъ обнаруживаетъ въ Барановичѣ большую дипломатичность, тактичность и здравый практический смыслъ. Не любила Меѳодія и малорусская старшина за его склонность къ интригамъ. „Служить государю отъ такихъ баламутовъ нельзя“, говорилъ Самко московскому послу Ладыженскому³⁾. Повидимому, Меѳодія недолго любилъ и воевода кievскій, Шереметевъ. Въ 1666 г. Шереметевъ говорилъ москов-

¹⁾ Письма Л. Барановича. 12, 26, 107, 131, 133.

²⁾ Ibid. 11.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XI. 155,

скому послу Леонтьеву: „Вѣренъ государю черниговскій еп. Лазарь Барановичъ; какъ великому государю угодно, а мнѣ кажется, что лучше всего быть ему въ Кіевѣ на епископствѣ; московскому же митрополиту быть въ Кіевѣ никакъ нельзя...“ ¹⁾. Общее положеніе дѣлъ въ Кіевѣ при Меѳодіѣ было печальное, и самъ Меѳодій въ декабрѣ 1665 г. писалъ къ войсковому подскарбію Ракушкѣ: „кромѣ слезъ, худобы и воровства въ Кіевѣ ничего не сыщешь“ ²⁾. Меѳодій держался только благоволеніемъ къ нему московскаго правительства; благоволеніе это было крѣпко лишь въ первое время его мѣстоблюстителства, когда онъ являлся простымъ московскимъ агентомъ. Изъ письма Меѳодія отъ 22 апрѣля 1662 г. видно, что онъ раздавалъ царскую ефимочную и соболиную казну вліятельнымъ украинцамъ, съ цѣлью привлечь ихъ на сторону Москвы ³⁾. Стоило только Меѳодію выйти изъ положенія агента, а не выйти ему нельзя было, когда въ концѣ шестидесятихъ годовъ возникъ было вопросъ о присылкѣ въ Кіевъ митрополита — великорусса, и судьба его была рѣшена. Съ измѣной Брюховецкаго, Меѳодій, какъ его другъ, какъ человѣкъ, содѣйствовавшій этой измѣнѣ, долженъ былъ немедленно пасть. Его сослали въ Москву, гдѣ онъ и скончался (въ Ново-Спасскомъ монастырѣ). Въ мартѣ 1690 г. сынъ Меѳодія, іеромонахъ Кирилль пріѣзжалъ въ Москву отыскивать оставшееся отъ отца имущество ⁴⁾.

Въ то время, какъ еп. Меѳодій среди постоянныхъ ссоръ и интригъ управлялъ кіевскою митрополіей, еп. Лазарь успѣшно устраивалъ свою епархію, издавалъ со-

¹⁾ Ibid. XI. 221.

²⁾ Ibid. XI. 209.

³⁾ Акты юж. и зап. Рос. V. 103.

⁴⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малорос. дѣла, связка 82.

чиненія, и своими сочиненіями, также тактичнымъ поведеніемъ на московскомъ соборѣ 1666 г., гдѣ, нужно замѣтить, еп. Лазарь былъ посаженъ выше еп. Меѳодія, склонилъ къ себѣ расположеніе царя. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ имѣлъ мѣсто одинъ случай, который не совсѣмъ хорошо рекомендовалъ Лазаря съ нравственной стороны и могъ навлечь на него неудовольствіе московскаго правительства. Въ 1663 г. московскій посоль Башмаковъ требовалъ отъ Брюховецкаго, чтобы во всѣ малороссійскіе города были посланы универсалы о сыскѣ перебѣжчиковъ великоруссовъ и чтобы учиненъ былъ „заказъ крѣпкій подь смертною казнью — московскаго государства служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, боярскихъ холопей и крестьянъ въ малороссійскіе города не принимать, чтобы отъ этого государевой службѣ и податямъ порухи, а помѣщикамъ и вотчинникамъ напраснаго разоренья и убытковъ не было“ ¹⁾. Исполненіе этого требованія гетманъ отложилъ до окончанія войны съ поляками, оправдываясь тѣмъ, что запрещеніе принимать бѣглыхъ великоруссовъ можетъ въ малороссіянахъ вызвать неудовольствіе и склонить ихъ на сторону Польши. Въ это самое время провинился еп. Лазарь въ нарушеніи только что изложеннаго московскаго требованія. Порубежный русскій вотчинникъ Семень Сафоновъ 8 сентября 1664 г. подалъ царю жалобу на Лазаря Барановича въ завладѣніи бѣглымъ его крестьяниномъ, Варваровымъ. Варваровъ съ нѣсколькими другими злоумышленниками ночью подвелъ двѣ бочки пороху подь домъ Сафонова, гдѣ спалъ самъ Сафоновъ „съ женишкою и съ дѣтишками“. Домъ былъ взорванъ. „Женишка и дѣтишки“ убиты на повалъ. Сафоновъ пролежалъ больнымъ семь недѣль, потерялъ слухъ и сдѣлался калѣкой. По выздоровленіи онъ разыскалъ преступника; но Варваровъ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи. XI. 178.

три раза бѣгалъ изъ тюрьмы и скрывался въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ еп. Лазаря ¹⁾. Барановичъ не согласился выдать Варварова. Этотъ скандальный случай не имѣлъ для еп. Лазаря дурныхъ послѣдствій. Онъ просилъ царя о разрѣшеніи записать Варварова въ число епископскихъ крестьянъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Лазарь имѣлъ уже намѣреніе съѣздить въ Москву. Въ письмѣ къ царю отъ 19 декабря 1664 г. Барановичъ говоритъ, что желалъ бы лично благодарить его за оказанныя милости, и поднести ему свои церковныя проповѣди, но по нездоровью не можетъ этого сдѣлать ²⁾. Вскорѣ онъ былъ приглашенъ въ Москву по весьма важному никоновскому дѣлу. Въ ноябрѣ 1666 г. въ Москвѣ собрались духовныя лица для суда надъ Никономъ: александрійскій патр. Паисій, антиохійскій патр. Макарій, 12 митрополитовъ, 8 архіепископовъ и 5 епископовъ. Въ числѣ послѣднихъ находился Лазарь Барановичъ и Меѳодій Филимоновичъ. Лазарь явился въ Москву съ „Мечемъ“. „Трудъ мой (т. е. Мечь, писалъ онъ Сафоновичу), въ даръ отданный, вездѣ благодарно принять“ ³⁾. Барановичъ представленъ былъ царю, и вотъ что онъ писалъ Брюховецкому по этому поводу: „По желанію благородія твоего извѣщу... Богъ, держай сердце цареву въ рукахъ своихъ, преклонивый небеса, преклони сердце его ко мнѣ, яви мнѣ лице свое, пріять мя любезно, словомъ утѣши мя, слуху моему даде радость, вопрошая мя о всемъ съ милости своей царской; вмѣсто тихъ деревень, которіи благородіе твое держить, даде три села...“ ⁴⁾. Московскій соборъ 1666 г. созванъ

¹⁾ Акты южн. и зап. Россіи. V. 212—213.

²⁾ Акты южн. и зап. Россіи. V. 228.

³⁾ Письма Л. Барановича. 28, 31.

⁴⁾ Ibid. 42.

быль, какъ извѣстно, съ двумя цѣлями; первой, главной цѣлью былъ судъ надъ Никономъ; второй—разсмотрѣніе нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ. Еп. Лазарь присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ собора, прослушавъ обвинительныя рѣчи царя и патріарховъ и за защиту Никона, былъ свидѣтелемъ низложенія его. „Бывшаго патріарха, писалъ Барановичъ Ин. Гизелю, низложило собственное его упорство; онъ добровольно отказался отъ престола, всенародно, въ виду клира и народа, сложилъ съ себя патріаршія отличія и, что онъ самъ отказался, въ томъ дерзновенно и признаніе учинилъ, слагая причину удаленія на гнѣвъ царскій; но смиреніе все бы побѣдило. Надобно было изумляться благодушію и кротости царя: заливался слезами, онъ исторгалъ слезы у зрителей“. Далѣе Лазарь говоритъ, что царь обвинялъ Никона, что Никонъ укорялъ восточныхъ патріарховъ въ беззаконномъ требованіи его на судъ, говоритъ о соборномъ перечисленіи винъ Никона и о его низложеніи. Говоря о томъ, какъ патріархи надѣли на Никона простой монашескій клобукъ, Лазарь замѣчаетъ: „Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, несъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило“¹⁾. Изъ церковныхъ обрядовъ, разсмотрѣнныхъ и осужденныхъ на соборѣ 1666 года, одинъ принадлежалъ малорусской церкви и ближайшимъ образомъ касался еп. Лазаря. По слабости здоровья, Лазарь иногда посвящалъ въ одну обѣдню по нѣсколько человекъ въ священнослужители. Въ Москвѣ объ этомъ узнали и нашли противнымъ правиламъ восточной церкви. Еп. Лазарь долженъ былъ оправдываться. Въ августѣ 1664 г. онъ писалъ въ Москву Паисію Лигариду: „Когда я былъ здоровъ, я соблюдалъ восточный обрядъ, поставлялъ въ литургіи только одного

¹⁾ Ibid. 46.

дьякона и одного пресвитера; но когда усилилась болѣзнь, поневолѣ перемѣнили образъ дѣйствій и чтобы не быть истощенному частыми служеніями, въ одно служеніе собираю многихъ птенцовъ“¹⁾. На соборѣ 1666 г. обычай этотъ былъ осужденъ, и самъ Барановичъ подписался подъ этимъ осужденіемъ, равно какъ и подъ другими статьями, которыя направлены были противъ церковныхъ нестроений. Подпись Барановича приходится двадцать седьмой; слѣдующая, двадцать восьмая подпись сдѣлана еп. Меѳодіемъ²⁾.

Барановичъ справедливо оцѣнилъ благоразумныя рѣшенія собора и подмѣтилъ его слабыя стороны. Въ письмѣ къ Сафоновичу онъ одобрительно отзываясь о рѣшеніи собора не перекрещивать католиковъ при переходѣ ихъ въ православіе и въ томъ же письмѣ отмѣчаетъ неполноту въ дѣяніяхъ собора; „о взятыхъ въ плѣнъ, говоритъ онъ, даже не затрогивали прямо вопроса, а непременно нужно бы имѣть объ этомъ достовѣрное свѣдѣніе“³⁾. Это замѣчаніе Барановича показываетъ, что еп. Лазарь явился на соборъ, какъ дѣятельный членъ малорусской церкви, и желалъ въ рѣшеніяхъ собора найти отвѣтъ на существенные церковно-бытовые вопросы, выдвинутые южнорусской жизнью. Такимъ вопросомъ, между прочимъ, былъ вопросъ о продолжительности брачныхъ обязательствъ для лицъ, находящихся въ плѣну. Вычиталь Лазарь въ законахъ Юстиніана, что жена, въ случаѣ плѣна мужа, должна ожидать его возвращенія пять лѣтъ. „Слѣдуетъ ли соблюдать это въ церкви, спрашивалъ онъ въ 1664 г. Паисія Лигарида, въ случаяхъ такъ часто встрѣчающихся у насъ“⁴⁾. Этотъ вопросъ, вѣроятно, былъ имъ

1) Ibid. 15.

2) Дополн. къ Актамъ Историч. V 475.

3) Письма Л. Барановича. 32.

4) Ibid. 16.

предложенъ для обсужденія на соборѣ и здѣсь пройденъ молчаніемъ „Мужья и жены, писалъ Барановичъ уже послѣ московскаго собора митр. Тукальскому, взятые татарами, если не скоро выходятъ на свободу, оставшіеся не хотятъ ожидать ихъ... Священниковъ моихъ и меня тревожатъ. Умиротворить не въ состояніи. Предлагаю твоей святости заботу о семъ“¹⁾. Барановичъ хорошо сознавалъ ненормальное положеніе такого рода просителей о разрѣшеніи брака, сознавалъ и то, что отказъ въ разрѣшеніи законнаго бракосочетанія вель только къ усиленію разврата и умноженію неосвященныхъ церковью связей, желалъ облегчить положеніе просителей, и въ то же время не рѣшался преступить апостольское правило, по которому новый бракъ допускается лишь послѣ смерти одного изъ супруговъ. Онъ хотѣлъ прикрыться авторитетомъ собора, а, когда на соборѣ дѣло это не выгорѣло, то, по крайней мѣрѣ, авторитетомъ кіевскаго митрополита.

Поѣздка въ Москву на соборъ была для Барановича весьма выгодна. Его, можно сказать, осыпали милостями и подарками. Соборъ 1666 умножилъ въ Россіи число епархій, нѣкоторыя епархіи возвысилъ въ митрополии, епископіи въ архіепископіи. Черниговскій епископъ получилъ званіе архіепископа. Это повышеніе было основано на древности черниговской епархіи и вызвано было главнымъ образомъ благосклоннымъ къ Лазарю ходатайствомъ передъ царемъ Ин. Гизеля и пещерской братіи. Барановичъ впоследствии неоднократно заявлялъ, что онъ не искалъ въ Москвѣ архіепископскаго сана, и что санъ этотъ предоставленъ ему по милости царя и патріарховъ. Подъ грамотой о возведеніи черниговской епископіи въ архіепископію подписались три патріарха: антїохійскій, александрійскій и московскій. Разъ уже получивъ архіепископскій санъ,

¹⁾ Ibid. 86, 205.

Лазарь очень имъ дорожилъ и энергически его отстаивалъ въ спорахъ съ кievскими митрополитами, Тукальскимъ, Четвертинскимъ и Ясинскимъ, которые, изъ желанія оскорбить Барановича, именовали его епископомъ. Кромѣ того Лазарь получилъ отъ патріарховъ дозволеніе служить въ саккосѣ; почестъ эта принадлежала патріархамъ и нѣкоторымъ митрополитамъ; со времени Петра Великаго она распространилась на всѣхъ архіереевъ. Лазарю даны были въ Москвѣ жалованныя подтвердительныя грамоты на маестности разныхъ черниговскихъ и новгородъ-сѣверскихъ монастырей, Борисоглѣбскаго, Елецкаго, Спасскаго и Троицкаго, и на утвержденіе за черниговскимъ архіепископомъ всѣхъ тѣхъ вотчинъ, земель, мельницъ, рыбныхъ ловлей, рѣкъ, озеръ, сѣнокосовъ, лѣсовъ, которыми прежде владѣли іезуиты и доминикане. Пробывъ около года въ Москвѣ, Барановичъ возвратился въ Новгородъ-сѣверскій.

Какъ извѣстно, соборъ 1666 г. совпалъ со временемъ возникновенія раскола. На этомъ соборѣ состоялось осужденіе раскольниковъ. Симеонъ Полоцкій, по порученію собора, составилъ опроверженіе раскола, „Жезль правленія“. Барановичъ получилъ въ Москвѣ одинъ экземпляръ „Жезла“, который и хранилъ для справокъ въ случаѣ надобности. „Онъ (т. е. Жезль), какъ палка, стоитъ у меня въ углу на сторожѣ, писалъ Барановичъ кievскимъ игуменамъ, чтобы иногда не одождилась ересь Никитина и Лазарева, на которую и грозятъ этимъ кіемъ“. ¹⁾ И ересь эта, дѣйствительно, вскорѣ одождилась въ Черниговщинѣ. Какъ далеко ни отстояла черниговская епархія отъ Москвы, въ ней расколь появился очень рано. ²⁾ Тайное поселеніе раскольниковъ въ Стародубскомъ полку началось въ слѣдъ

¹⁾ Письма Лаз. Барановича 36; Акты южн. и зап. Рос. VI. 216.

²⁾ Письма Лаз. Барановича 43.

за возникновеніемъ раскола въ Великороссіи, въ 1667 г. Московскій попъ Кузьма впервые ушелъ съ приверженцами стараго церковнаго обряда въ Стародубье и былъ довольно радушно принятъ стародубскимъ полковникомъ. Въ слѣдъ за нимъ, „многіе народы (т. е. толпы), представляющіе своя природная мѣста, течаху въ стародубскую область и тамо пустыни населяюще“. Въ восьмидесятихъ годахъ полковникъ стародубскій Семень Самойловичъ (сынъ гетмана), по указу царевны Софьи, частью розогналъ раскольниковъ, частью принудилъ ихъ признать никоновскія церковныя реформы. ¹⁾ Странно, что архіепископъ черниговскій ничего не предпринялъ противъ возникшаго въ его епархіи раскола. Врядъ-ли можно допустить, чтобы онъ не зналъ о существованіи въ Стародубьѣ раскола, чтобы царевна Софья, посылая указъ стародубскому полковнику о преслѣдованіи раскольниковъ, не сдѣлала соотвѣтствующаго предложенія черниговскому архіепископу. Въ пользу того предположенія, что Барановичъ не зналъ о расколѣ въ Стародубьѣ, пожалуй, можно привести слѣдующее обстоятельство. Первый изслѣдователь раскола, современникъ Барановича, св. Димитрій Ростовскій, прожившій нѣкоторое время въ Черниговщинѣ, въ своемъ „Розыскѣ“ говоритъ, что въ молодыхъ лѣтахъ онъ „ниже слышалъ когда о расколахъ, ни о разствіи вѣрь ихъ, ни о дѣлахъ ихъ“. По краткости своего пребыванія въ Черниговщинѣ (1675—1677 г., 1680, 1682—1684 годы и то неполнѣ), по незначительности іерархическаго положенія (іеромонахъ, съ 1681 г. игуменъ), быть можетъ, по увлеченію проповѣднической дѣятельностью, Димитрій Туптало не замѣтилъ раскола въ Стародубьѣ. Лазарь Барановичъ, какъ глава мѣстной церкви, не могъ его проглядѣть. Вѣроятно,

¹⁾ Филаретъ Гумилевскій, въ „Труд. кievск. духов. акад.“ 1860. III. 205.

онъ сознательно уклонился отъ преслѣдованія раскольниковъ, предоставивъ стародубскому полковнику расправляться съ ними по своему усмотрѣнiю. У дряхлаго архіеп. Лазаря не хватило на это ни энергіи, ни охоты. Къ тому же Самойловичъ въ концѣ своего гетманства враждебно относился къ Барановичу и весьма возможно, что онъ искусственно устранялъ черниговскаго архіепископа отъ дѣятельности въ Стародубьѣ, гдѣ распоряжался его сынъ.

Личныя отношенія Барановича къ гетманамъ Выговскому и Юрію Хмельницкому не могли получить опредѣленнаго характера, по кратковременности господства этихъ гетмановъ. Сношенія Барановича съ Выговскимъ и Юр. Хмельницкимъ были случайны, напр., по случаю выбора новаго митрополита, по случаю поступленія Юр. Хмельницкаго въ монашество, и въ этихъ сношеніяхъ нельзя открыть какихъ-либо признаковъ взаимнаго недовольства и зложелательства. Эти печальныя качества обнаружались въ отношеніяхъ Брюховецкаго къ Барановичу. Брюховецкій вообще неблагоклонно относился къ высшему малорусскому духовенству и основательно обвинялъ его въ наклонности къ интригамъ. „Духовенству не всякому бы вѣрить, говорилъ онъ въ 1666 г. дяку Фролову; горазды и они есорить и возмущать отъ латинской своей науки, на кого нелюбе положить“. ¹⁾ Нерасположеніе гетмана къ черниговскому епископу выразилось въ томъ, что онъ отнялъ нѣсколько епископскихъ маестностей. „Миѣ вымовляють, писалъ Лазарь Брюховецкому, его милость панъ гетманъ на вашу милость чемусь²⁾ неласковъ, маестности отнялъ, озера, перевозокъ и млинокъ казалъ позаѣждати, а прошліи гетманы мѣсце тое надали“. ²⁾ По возвращеніи изъ Москвы въ 1667 г., Барановичъ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи XI. 215.

²⁾ Письма Лазаря Барановича 20.

нашелъ въ монастырскихъ маетностяхъ казаковъ на постоѣ, что сопряжено было съ большимъ отягощеніемъ крестьянъ и отъ чего, повидимому, въ прежнее время маетности монастырскія были свободны. „Зъ рыданіемъ мужиковъ нашихъ для того великаго насилія остатокъ бѣдныхъ подданныхъ разлѣзлося, гдѣ кто могъ“, жаловался Барановичъ гетману, увѣрялъ его въ своей преданности и просилъ освободить монастырскія маетности отъ казацкаго поста. 1) Въ 1668 г. Брюховецкій измѣнилъ Москвѣ. Изъ Москвы немедленно были разосланы царскія грамоты еп. Мефодію, архіеп. Лазарю и архим. Иннокентію съ просьбой дѣйствовать въ интересахъ московскаго государства, причемъ въ грамотахъ интересы эти отождествляются съ интересами христіанства. „Тамошніе народы, говорится въ грамотѣ Барановичу, вскую шатаются и поучаются тщетнымъ, и милости христіанскія творятся чужи“. 2). Грамоты посланы были изъ Москвы въ февралѣ, а въ мартѣ (15 марта) Барановичъ уже отправилъ Брюховецкому письмо, въ которомъ склонялъ его на подданство Москвѣ. „Простить, писалъ Лазарь, чаю, все великій государь, видя смиреніе войска запорожскаго, дастъ вольности... Непотребно бы вамъ сочетаніе къ иновѣрному игу; яко огню съ водою, такъ вѣрному войску запорожскому съ невѣрнымъ войскомъ бусурманскимъ соединеніе“. 3) Но Брюховецкій слишкомъ далеко уже зашелъ, и ему остался только одинъ открытый путь къ гибели. Что архіеп. Лазарь желалъ скорѣйшаго прекращенія войны, можно усмотрѣть изъ одного его письма, посланнаго черниговскому намѣстнику въ петровъ постъ 1668 г. „Свирѣпствуетъ ли Марсъ или палъ уже? спрашивалъ Барановичъ. О, когда бы онъ палъ, и война въ смерть

1) Письма Лазаря Барановича 42.

2) Акты южн. и завад. Россіи. VII. № 13.

3) Ibid. № 24.

ему обратилась. Намъ всячески должно радѣть о мирѣ; да даруетъ его Господь, ими же вѣсть судьбами¹⁾. Если подъ словомъ Марсъ Барановичъ разумѣлъ Брюховецкаго, что весьма возможно, то война дѣйствительно обратилась ему въ смерть: въ тотъ же петровъ постъ Брюховецкій былъ убитъ близъ Диканки на полѣ Сербинскомъ. Чуткій къ событіямъ дня Барановичъ, по случаю убійства Брюховецкаго, написалъ два стихотворенія, или эпитафіи. Одна эпитафія, начинающаяся словами „Не машь въ свѣтѣ статку“, безсодержательна. Другая эпитафія гласить:

Иванъ въ семь зложенъ Брюховецкій гробѣ,
 Бывалъ на свѣтѣ въ гетманской оздобѣ.
 Вспомни то собѣ, що мой гробъ минаешь:
 Я ти здѣ, не ты мене дочекаешь.
 Речешь ли добре що тутъ надо мною?
 Отдасть Богъ въ заемъ, рекутъ надъ тобою,
 Сорокъ и пять лѣтъ вѣку мого было;
 До вѣчности ся теперь прилучило.
 Вѣчная память—церковную ноту
 Рекни надъ гробомъ; Богъ заплатитъ цноту.
 Тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ осмого
 Седмого іюня зшелъ зъ свѣта того,
 У понедѣлокъ день ангеломъ даній.
 Немилостиве есть замордованій.²⁾

Тяжело было Барановичу видѣть родной край въ неисходномъ разореніи. Онъ зналъ, что прежніе обладатели Малороссіи, поляки, только ждуть благопріятнаго случая, чтобы истребить все южно-русское населеніе.³⁾ Не могъ онъ не знать, какъ варварски обходились татары съ малороссами. Онъ предвидѣлъ, что озлоблен-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 47.

²⁾ Письма Лазаря Барановича 72—73.

³⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XII. 12.

ные измѣной Брюховецкаго великороссіяне будутъ дѣйствовать въ Малороссіи, какъ въ завоеванной странѣ т. е. жечь, грабить и казнить. „Никто о цѣлости народа нашего не заботится“, писалъ въ 1667 г. кошевой Васютенко Брюховецкому. ¹⁾ Запорожскій кошевой не совсѣмъ, однако, былъ правъ. Черниговскій архіепископъ обнаружилъ большую заботу о цѣлости малорусскаго народа. „Единство отъ Бога, а раздѣленіе отъ злаго духа, писалъ Лазарь въ сент. 1669 г. Давно замышляютъ на Русь, чтобы раздѣлить ее и такимъ образомъ обезсилить“. Политическій идеалъ Барановича состоялъ въ соединеніи всѣхъ малоруссовъ подъ властью московскаго царя, съ удержаніемъ старинныхъ правъ и вольностей. И вотъ, съ измѣной Брюховецкаго пала надежда на осуществленіе этого идеала. Но Брюховецкій погибъ; Дорошенко не могъ удержаться въ лѣвобережной Малороссіи. Наказнымъ гетманомъ здѣсь является робкій и нерѣшительный Демьянъ Многогрѣшный. Онъ не можетъ рассчитывать на матеріальную помощь со стороны Дорошенка, а между тѣмъ грозная московская сила на него быстро надвигается. Ромодановскій успѣлъ уже овладѣть приступомъ новымъ мѣстомъ въ Черниговѣ. Лѣвобережной Малороссіи грозило полное подчиненіе Москвѣ, со всѣми подробностями московскаго административнаго строенія, съ неограниченной властью московскаго патріарха, и прежде всего грозило опустоствіе всего черниговскаго края. И чувство патриотизма, и соображенія эгоистическаго свойства принудили Барановича энергически приступить къ склоненію сѣверскаго наказнаго гетмана подчиниться царю; въ то же время ему нужно было вымолить у царя прощеніе запорожскому войску, или козачеству за измѣну Брюховецкаго. Успѣхъ въ этомъ предпріятіи долженъ былъ принести большую пользу и Барановичу, и всей лѣвобережной Малороссіи. Барановичъ послѣшно отправилъ

1) Ibid. XII 10.

Многогрѣшному краснорѣчивое и пространное письмо, въ которомъ убѣждалъ его не питать въ сердцѣ злобы, не проливать христіанской крови, отвернуться отъ бусурманъ, покориться царю. „Подъ обороною монарха російскаго, ясно опредѣляетъ Барановичъ свой политическій идеалъ устройства Малороссіи, при даню вольности, кто бы былъ сокрушилъ и сломилъ оружіе войска запорожскаго“. ¹⁾ Предложеніе это было на-руку Многогрѣшному. Другаго исхода для наказнаго сѣверскаго гетмана, равно какъ и для черниговскаго архіепископа, не было, какъ только покориться царю; существенный ихъ интересъ состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою выгодный для нихъ *statu quo* ихъ служебнаго положенія и выторговать въ пользу Украины, преимущественно въ пользу вліятельной старшины, опредѣленныя выгоды. Въ концѣ сентября 1668 г. Многогрѣшный заявилъ письменно архіеп. Лазарю о своей готовности подчиниться Москвѣ, при сохраненіи прежнихъ казацкихъ вольностей, но при этомъ высказалъ желаніе, чтобы царскіе ратные люди были выведены изъ малорусскихъ городовъ. ²⁾ Что Барановичъ высказалъ въ своемъ письмѣ Многогрѣшному, то же онъ изложилъ одновременно въ просительномъ посланіи царю. Московское правительство гораздо болѣе рассчитывало на успѣхъ свой медленно, но вѣрно идущей къ цѣли внутренней политики, чѣмъ на успѣхъ оружія. Предложеніе Барановича было принято охотно, и 9 ноября 1668 года ему была послана благодарственная царская грамота. Царь просилъ Лазаря позаботиться, между прочимъ, объ освобожденіи плѣнныхъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей и объ отпращиваніи ихъ въ Москву. ³⁾ Многогрѣшный въ письмѣ къ Лазарю

1) Письма Лазаря Барановича 57.

2) Акты южн. и запад. Россіи VII. № 30.

3) Ibid. VII. № 38.

отъ 15 ноябрю настаивалъ на оставленіи казакамъ прежнихъ вольностей, причемъ грозилъ передаться татарамъ, въ случаѣ царь не согласится вывести воеводу изъ Малороссіи. Барановичъ 18 ноябрю послалъ царю убѣдительную просьбу о прощеніи Многогрѣшнаго и запорожскаго войска. „Не отврати рабъ своихъ тощъ, писалъ Лазарь, да не отъ отчаянія сопрягутся къ невѣрному ярму бусурманскому, или же не прельщаются посланіями... Благостью своею привлеци ихъ, да на варвары по твоему указу обратятся и ревнують древнимъ черкасамъ, иже навыкоша языки попирати и страшны самому басурману быша, и твоимъ счастьемъ, и подъ твоею крѣпкою рукою еще ихъ не отвратишь, обновятъ древнее свое мужество, искати должны будутъ, имъ же образомъ явятъ свое покаяніе.... Сей ихъ нарочитый глаголь: аще милосердія не получимъ у царя православнаго и на вольностяхъ Хмельницкому данныхъ не поставитъ, чтобы воеводы изъ городовъ сведены были, по нуждѣ царю злочестивому предаемъ отъ сего отчаянія“¹⁾. Въ этой граматѣ любовытно замѣчаніе Барановича о мужествѣ древнихъ черкасъ, замѣчаніе, свидѣтельствующее, что патріотизмъ архіеп. Лазаря основывался, между прочимъ, на историческихъ основаніяхъ, на вѣрномъ опредѣленіи историческаго значенія малорусскаго народа, какъ передоваго бойца съ турецко-татарскими народами. На краснорѣчивое письмо Лазаря послѣдовало двѣ милостивыхъ царскихъ граматы, одна—Барановичу, другая—Многогрѣшному; но ни въ одной изъ нихъ не упоминаются воеводы. Получивъ отъ царя увѣдомленіе о принятіи Многогрѣшнаго въ подданство, архіеп. Лазарь послалъ Алексѣю Михайловичу новое прочувствованное письмо, въ которомъ просилъ его вторично послать казакамъ грамату и „милостивымъ своимъ сло-

¹⁾ Ibid. VII. № 46.

вомъ утвердить трость ихъ, вѣтромъ непостоянства колеблему“. Повидимому, Барановичъ намекаетъ на желаемый малороссами выводъ воеводъ. Въ концѣ письма находится замѣчаніе, что Многогрѣшный въ знакъ своей покорности отпустилъ московскихъ плѣнниковъ ¹⁾).

Усилія Барановича привести Многогрѣшнаго въ подданство Москвы и сохранить за малорусскимъ народомъ его вольности, по ходатайству передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ добротѣ котораго архіеп. Лазарь убѣдился на соборѣ 1666 г., въ значительной степени увѣнчались успѣхомъ. Лазарь потерпѣлъ полную неудачу въ одномъ только, правда, весьма важномъ вопросѣ вывода воеводъ. Барановичъ усердно хлопоталъ о выводѣ изъ Малороссіи воеводъ, много потратилъ по этому поводу словъ и писемъ, вышелъ даже, что съ нимъ случалось рѣдко, за предѣлы осторожности. Долгое время воеводскій вопросъ занималъ умы, волновалъ сердца во всей лѣвобережной Украинѣ.

Въ половинѣ XVII ст. вполне обнаружилась разнь и антагонизмъ между казацкой старшиной съ одной стороны и крестьянствомъ и мѣщанствомъ съ другой стороны. Верхній слой народа, т. е., казацкая старшина и высшее духовенство, мало-по-малу напитался польскимъ шляхетскимъ духомъ и отдѣлился отъ народа, по своимъ интересамъ, привычкамъ, симпатіямъ, иногда по вѣрѣ, иногда по языку. Отдѣлившійся по языку и вѣрѣ дѣлался вполне уже для малоросса чужимъ человѣкомъ, обыкновенно врагомъ, и малороссъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, не церемонился съ ренегатомъ и при первомъ благоприятномъ случаѣ гналъ его изъ Украины или, по крайней мѣрѣ, грозилъ изгнаніемъ. Другое дѣло, полу-ренегатъ, малороссъ по вѣрѣ и языку, но эгоистъ и кулакъ по убѣжденіямъ и дѣятельности, съ шляхетскимъ воззрѣніемъ на простой народъ, какъ

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 58.

на быдло, рабочій скоть. Это былъ челоувѣкъ очень опасный. Онъ свободно свивалъ себѣ гнѣздо въ Малороссіи и безпрепятственно высасывалъ живые народныя соки. Такихъ полу-рenegатовъ было много среди старшины XVII ст. Это большею частью были дуки богачи, которые не допускали въ свои обширныя сѣнокосы коня бѣднаго казака или коня хлопа. Сословная рознь вполне высказалась уже при Выговскомъ и Брюховецкомъ. Выговскій и Брюховецкій были шляхтичи по душѣ. Они презирали чернь и ея главнаго представителя Запорожье. По словамъ Выговскаго, „запорожцы своевольники, о вѣрѣ не радѣють, о службѣ царской не думаютъ, женѣ, дѣтей, пожитковъ и доходовъ никакихъ не имѣють, только на чужое добро дерзають, чтобы было имъ на что пить, зерню играть и другія Богу и людямъ мерзкія безчинства творить“. ¹⁾ Относясь презрительно и высокоумѣрно къ казацкой и городской черни, старшина, однако, охотно корыстовалась на ея счетъ. Гетманы и полковники собирали произвольно налоги, стѣсняли рыбную ловлю и винокурение, стремились къ уничтоженію городскихъ привилегій, удерживали жалованье. ²⁾ Въ 1667 г. полтавскіе казаки жаловались московскому послу Кикину: „Насъ казаконъ полковникъ Витязенко многимъ зневажаеть и бьетъ напрасно, а жена его женѣ нашихъ напрасно же бьетъ и безчестить; и кто казакъ или мужикъ упадетъ хоть въ малую вину, и полковникъ его имѣніе все, лошадей и скоть беретъ на себя. Со всего полтавскаго полка согналъ мельниковъ и заставилъ ихъ на себя работать, а мужики изъ селъ возили ему на дворовое строеніе лѣсъ и устроилъ онъ себѣ домъ такой, что у самаго гетмана такого дома и строенія нѣтъ; а

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. XI. 19.

²⁾ Соловьевъ, Истор. Россіи XI. 4, 19, 188; XII. 6; Костомаровъ, Гетм. Выг. 26.

городъ нашъ Полтава весь опаль и огниль, и о томъ у полковника радѣнья нѣтъ; станемъ мы ему объ этомъ говорить—не слушаетъ!... А приводятъ его на всякія злыя дѣла жена его да писарь“....¹⁾

По основательному замѣчанію С. М. Соловьева, борьба старшины и посольства, неумѣніе соединиться въ общихъ интересахъ страны, готовили Малороссіи судьбу Великаго Новгорода. Москва съ своимъ началомъ уравненія была тутъ и съ своимъ обычнымъ постоянствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ задавала вопросъ: „Ссоритесь, обижаюте другъ друга; не хотите ли воеводъ его царскаго величества“?.²⁾ Попытки московскаго правительства ввести въ Малороссію воеводъ начались очень рано, чуть не со дня кончины Богдана Хмельницкаго. Вскорѣ послѣ смерти Хмельницкаго въ Малороссію прибылъ стольникъ Кикинъ съ цѣлью распросить казаковъ и горожанъ объ ихъ нуждахъ и завести съ ними рѣчь о томъ, „чтобы государевымъ воеводамъ быть въ черкасскихъ разныхъ городахъ для того, чтобы тамошнимъ жильцамъ отъ полковниковъ и другихъ людей обидъ и налоговъ не было“.³⁾ Удачка была заброшена удачно. На нее попались прежде всего мѣщане, какъ лица, наиболѣе терпѣвшія отъ произвола старшины. Въ 1658 г. наказный войтъ въ Лубнахъ Котляръ говорилъ московскому послу Рагозину: „Мы всѣ были рады, когда намъ сказали, что будутъ царскіе бояры и воеводы и ратные люди; мы, мѣщане, съ казаками и чернью заодно. Будетъ у насъ въ Николинъ день ярмарка и мы станемъ совѣтоваться, чтобы послать къ великому государю бить челомъ, чтобы у насъ были воеводы“. Въ томъ же году за-

1) Соловьевъ, Ист. Россіи. XII. 13.

2) Ibid. XI. 21.

3) Ibid. XI. 9.

порожскіе послы, жалуясь на гетмана, заявили, что казацкая чернь и мѣщане желаютъ воеводскаго управленія; но этому противятся полковники изъ-за користолюбивыхъ видовъ. 1) Московское предложеніе сочувственно было принято многими лицами изъ низшаго духовенства. Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ въ октябрѣ 1657 г. писалъ Ртищеву: „Какъ есмь писалъ прежде, такъ и нынѣ тожъ объявляю, чтобы царская власть межъ нами была; да владѣтъ царь нами; многіе того желаютъ; но и пачежъ на нашемъ Сѣверѣ. Хотя старшина о той власти не радѣють, для своего пожитка и такъ посольство страшать, что ужъ какъ царь возьметъ и Москва въ свои руки, то невольно будетъ крестьянамъ въ сапогахъ и въ суконныхъ кафтанахъ ходить и въ Сибирь или на Москву будутъ загнаны; для того и поповъ своихъ нашлетъ, а нашихъ туда жъ поженуть, какъ и нынѣ“. Далѣе Максимъ Филимоновъ, чтобы выслужиться передъ Москвой, забѣгаетъ впередъ, предлагаетъ такое устройство Малороссіи, какое было желательно Москвѣ, но было еще такъ несвоевременно, что сама Москва благоразумно объ немъ умалчивала. „Межъ радю въ Корсунѣ, продолжаетъ отчаянный политическій интриганъ Филимоновъ, если бы такъ было, что царь изволилъ, чтобъ митрополитъ московскій въ Кіевѣ былъ, а казаковъ только бъ 10.000 было, и то на Запорожьѣ, а по городамъ чтобъ не было, развѣ солдатскую службу служили подъ капитаномъ; а я разумѣю, что царь слово свое сдержитъ, какъ постановилъ; только имъ не хочется кабаковъ и панства своего отстать, купетства ради, а не посполитаго добра, а царское величество да изволилъ бы, чтобы кабаки прекращены были и въ Черниговъ бы воеводу добраго прислать; такъ разумѣю, чтобы царь на всякого пол-

1) Ibid. XI. 16, 20.

ковника кормъ указаль, съ чего бы полковнику жить и при себѣ будучихъ держать“²⁾).

Собранныя въ Малороссіи свѣдѣнія объ отношеніи посполства къ старшинѣ достаточно благоприятствовали задуманному Москвой введенію въ Малороссіи воеводскаго управленія. Готовность казацкой и городской черни подчиниться воеводамъ давала московскому правительству возможность устранить противодѣйствіе старшины въ воеводскомъ вопросѣ. Въ 1658 г. Хитрово на переяславской радѣ заявилъ Выговскому о желаніи царя поставить воеводъ въ большихъ малорусскихъ городахъ: Кіевѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславлѣ и друг. Воеводы должны были „крѣпить“ города и распоряжаться ратными людьми. Мѣщане и казаки по прежнему оставались въ вѣдѣніи казацкихъ полковниковъ, войтовъ и бурмистровъ. При такомъ устройствѣ простые казаки и мѣщане теоретически не подпадали какимъ-либо новымъ тягостямъ; напротивъ, они должны были выиграть отъ того, что старшина теряла возможность произвольно распоряжаться доходами. Опасность потерять вольности прежде всего грозила старшинѣ, и вотъ главные ея представители гетманы стараются объ отрицательномъ рѣшеніи ненавистнаго для нихъ воеводскаго вопроса. Выговскій отвѣтилъ уклончиво на предложеніе Хитрово. Выразивъ согласіе на присылку воеводъ, онъ обѣщаль лично въ Москвѣ указать малорусскіе города, гдѣ воеводы должны быть поставлены. Въ Москвѣ не хотѣли ждать Выговскаго, не хотѣли откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Здѣсь хорошо сознали, что моментъ для введенія воеводъ въ Малороссію наступилъ. Въ маѣ 1658 г. въ Малороссію явились воеводы. „Мы воеводъ не просили у государя, говорилъ Выговскій стольнику Скуратову; я не знаю и не вѣдаю о воеводахъ.... Не надобны намъ царскіе воеводы

²⁾ Акты южн. и запад. Россіи. III. № 33.

и ратные люди".¹⁾ Но москвичи твердили одно: воеводы присланы защищать Украину отъ вѣшнихъ враговъ, крѣпить города и т. д. Незванные защитники и благотворители усѣлись прочно въ лѣвобережной Малороссіи. Въ декабрѣ 1659 г. при вторичномъ избраніи Юрія Хмельницкаго въ гетманы послы казацкіе, Одионецъ и Дорошенко, били челомъ царю въ Москвѣ, что бы воеводъ, кромѣ Кіева и Переяславля, не было въ Малороссіи. Царь не принялъ этой просьбы. Онъ обѣщаль малорусскимъ посламъ, что притѣсенній отъ воеводъ и ратныхъ людей не будетъ.²⁾ Брюховецкій мирился съ мыслью о воеводахъ. Онъ ставилъ московскихъ ратныхъ людей въ тѣ города и деревни, которые уклонялись отъ дачи воеводамъ подати. При значительномъ природномъ умѣ, Брюховецкій былъ холопъ по душѣ; онъ ползаль передъ сильнымъ, угнеталь слабаго, стремился стѣснить свободу духовенства, возставаль противъ городскихъ привилегій, обвиняль воеводъ въ послабленіи крестьянамъ относительно винокуренія, стремился подавить Запорожье.³⁾ Предпринявъ возстаніе противъ Москвы, Брюховецкій началъ избивать воеводъ. Воеводы гадяцкій, стародубскій, сосницкій, прилуцкій, батуринскій, глуховскій были взяты въ плѣнъ или убиты.

Трудно сдѣлать общее опредѣленіе того значенія, которое приобрѣли московскіе воеводы въ Малороссіи въ XVII ст. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, въ силу особаго благосволенія судьбы, воеводами сидѣли люди честные и добродушные, мѣщане почувствовали значительное облегченіе. Опираясь на воеводъ, они перестали повино-

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи* XI. 24, 32; Костомаровъ, *Гетм. Выгов.* 33, 50.

²⁾ Соловьевъ, *Ист. Россіи* XI. 74, 105.

³⁾ *Ibid.* XI. 213, 215, 223; XII. 6, 7.

ваться высокоумной и корыстолюбивой старшиной. „Теперь насъ Богъ отъ васъ освободилъ, говорили они казакамъ, впредь вы не будете грабить и домовъ нашихъ разорять“. Брюховецкій въ 1667 г., съ голоса корыстолюбивой старшины, жаловался московскому правительству: „во всѣхъ государевыхъ городахъ воеводы позволили мужикамъ вино курить и продавать сколько кто можетъ: это дѣло нестаточное; отъ него вырастаютъ бунты, лѣсамъ умаленье и хлѣбамъ убавка; велѣлъ бы великій государь воеводамъ заказъ учинить, чтобы кромѣ казаковъ мужикамъ не варить вина“. Къ сожалѣнію, благоденствіе малорусскихъ мѣщанъ и казаковъ подѣ сѣнью воеводскаго управленія было далеко не повсемѣстно. Древніе акты дѣлаютъ несомнѣннымъ тотъ печальный фактъ, что въ московской Украинѣ воеводское управленіе легло на все населеніе тяжелымъ гнетомъ. Для высшихъ и среднихъ слоевъ, старшины, духовенства и мѣщанъ, воеводское управленіе было особенно тягостно, и среди этихъ слоевъ сложилось даже убѣжденіе, что „жить подѣ православнымъ царствомъ русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы“ ¹⁾.

Въ самой Великороссіи воеводское управленіе ложилось тяжелымъ ярмомъ на населеніе, даже на духовенство, которое *de jure* считалось независимымъ отъ гражданскихъ начальниковъ. Какъ извѣстно, воеводы получали области на прокормленіе. Они иногда такъ усердно собирали съ посадскихъ людей подати въ казну и въ свою пользу, что горожане выгоняли изъ города приставовъ и цѣловальниковъ. ²⁾ Воеводы чинили духовнымъ лицамъ „насилъства и убытки и продажи великія и посулы и поминки и кормы имали многіе“.

¹⁾ Ibid. XI. 77.

²⁾ Ibid. XIII. 114.

Псковскіе священники однажды жаловались царю, что „воевода кн. Ив. Хилковъ допрашивалъ на нихъ ратнымъ людямъ на кормъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, атаманамъ, казакамъ стрѣльцамъ деньги мимо указа и въ тѣхъ де деньгахъ мучили ихъ на правежѣ и били на смерть ослопьемъ по многіе дни“. Случалось, что духовенство всей епархіи общимъ голосомъ жаловалось на притѣсненіе воеводъ. 1) Корыстолюбіе воеводъ было такъ велико, что падало даже на прѣзжавшихъ въ Россію греческихъ епископовъ и митрополитовъ. Такъ, путивльскій воевода бралъ взятки съ прѣзжавшихъ митрополитовъ. Однажды прѣхалъ акарскій митр. Іеремія. Воевода сталъ удерживать его подъ предлогомъ сношеній съ царемъ касательно его пропуска. Іеремія былъ очень бѣденъ и не имѣлъ средствъ, чтобы дать воеводѣ взятку. Онъ не могъ выѣхать изъ Путивля, терпѣлъ здѣсь всякаго рода нужду, голодъ и холодъ, и умеръ въ такомъ томительномъ ожиданіи 2).

Отличительной особенностью великорусса въ старинное время была его склонность къ крѣпкой брани и кулачной расправѣ. Битье — это самое заурядное, самое обычное явленіе въ московскомъ государствѣ. Били всѣ, и почти всѣ были биты. Били патриархъ, били воеводы, били приказные ратные люди, чѣмъ попало, батожемъ, ослопьемъ, просто кулаками. Битье сдѣлалось необходимостью. Безъ батожьевъ нельзя было ничего сдѣлать. Понятно, что въ грубый XVII вѣкъ склонность къ кулачной расправѣ замѣчалась повсюду; и поляки, и малороссы не были въ этомъ отношеніи безукоризненны; но великороссы по-

1) Правосл. Собесѣд. 1865. I. 293.

2) Рущинскій, 273.

ложительно первенствовали надъ своими сосѣдями и соплеменниками. Это своеобразная бытовая черта русскаго народа, обусловленная несчастными географическими и историческими обстоятельствами, удаленностью отъ западной Европы, близостью варварской Азіи, татарскимъ игомъ, крѣпостнымъ безправіемъ, эта черта была даже замѣчена иностранцами, пріѣзжавшими въ Россію на короткое время. Датскій посланникъ Яковъ Ульфелдъ по дорогѣ изъ Новгорода въ Москву въ 1575 г., отмѣтилъ въ своихъ мемурахъ слѣдующее: „Приставы наши ни лошади, ни телѣги, ни погонщиковъ не могли для насъ достать ни въ какомъ городѣ безъ бою жителей онаго; но всѣхъ плетми, палками и батожьями били до тѣхъ поръ, пока не вытащатъ было намъ нужныхъ вещей и не долѣе они слушались, какъ только пока могутъ было уйти на дорогѣ, сколько могли то сдѣлать или уводили данныхъ лошадей или сами уходили“. 1) Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ обычно было битие въ московскомъ государствѣ въ XVII ст., нужно обратиться къ правдивой и безыскусственной автобіографіи современнаго Лазарю Барановичу протопопа Аввакума. „У вдовы начальникъ отнял дочь, и азъ молихъ его, да сиротину возвратитъ матери; и онъ презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бури: у церкви пришедъ сонмъ до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживе божіимъ мановеніемъ, и онъ утратился отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его дьяволъ: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ.... Таже инъ начальникъ въ ино время на мя разсвирѣпѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песь, зубами... Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпѣлъ: пріѣхалъ съ людьми ко двору, моему,

1) „Чтенія въ Оощ. Ист. и дрв. рос“. 1883. II. Матер. иностр. 25.

стрѣлялъ изъ луковъ и изъ пищалей съ приступомъ "... Въ Юрьевцѣ повольскомъ съ Аввакумомъ случилась слѣдующая неприятность: „Дьяволъ научилъ поповъ, мужиковъ и бабъ; пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ и вытща меня изъ приказа (собраніемъ челоуѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было) среди улицы били батожемъ и топтали, и бабы били съ рычагами, грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Люди же ко двору приступаютъ, наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вопять: убить вора, блядина сына да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ“.. Аввакумъ ночью бѣжалъ въ Москву, бросивъ въ Юрьевѣ жену и дѣтей. Въ Москвѣ при Аввакумѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій характерный случай. Въ соборной церкви, въ присутствіи царя и царицы, п. Никонъ производилъ растриженіе муромскаго протопопа Логина. Логинъ въ церкви бранилъ Никона, плевалъ ему въ глаза черезъ порогъ въ алтарь, наконецъ распоясался, схватилъ рубашку и бросилъ ее на Никона. На Логина наложили цѣпь, и таща изъ церкви, били его метлами и шелепами до богоявленскаго монастыря. ¹⁾

Жалобы на воеводъ начались съ перваго года ихъ появленія въ Маллороссіи. Въ особенности сильное неудовольствіе возбуждали въ Украинѣ московскіе ратные люди. На воеводъ жаловались гетманы, полковники, игумены; на ратныхъ людей часто жаловались и мѣщане. 12 авг. 1657 г. чаусовскій полковникъ Иванъ Нечай отправилъ царю жалобу на оршанскаго, борисовскаго, мстиславскаго, шкловскаго, копыскаго и минскаго вое-

¹⁾ Житіе прот. Аввакума, 1862 г. стран. 14, 15, 17, 19, 25.

водъ, что они отнимають у казаковъ маестности, выгоняють изъ домовъ, требуютъ податей, уравнивая ихъ съ крестьянами, „хохлы рѣжутъ и кнутами бьютъ“¹⁾. Выговскій говорилъ Скуратову въ 1658 г. „Въ Кіевѣ государевы люди по сю пору съ черкасами безпрестанно кіями бьются“. Гетманъ обвинялъ кіевского воеводу Шереметьева въ томъ, что онъ сажаетъ мѣщанъ въ тюрьму и похваляется отобрать церковныя имущества,²⁾ обвинялъ, весьма возможно, неосновательно, въ виду задуманнаго перехода къ Польшѣ... Воевода Чаадаевъ въ доносѣ на воеводу кн. Юрія Бяратинскаго говоритъ, что кн. Бяратинскій 23 мая 1661 г. ограбилъ маестность кіево-печерской лавры Иванково.³⁾ Дѣйствительно, 16 іюня 1661 г. архимандритъ лавры Ин. Гизель жаловался царю на разоренія, чинимыя великорусскими ратными людьми въ вотчинахъ печерскаго монастыря. „Обидъ и насилій нашихъ, писалъ Гизель, яже ратные люди кіевскіе разными времяны обители святой печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе вотчины и хуторы пресв. Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, престолы опровержены. Тайны святыя съ сосудовъ пометаны, священники обнажены, иноки за вію связаны, біены, порублены, а иные и на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества нажитковъ своихъ разорены, и иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены; прочіи же на смерть побиты. Также и въ самой святой обители и въ больницѣ хлѣбные запасы, которыхъ себѣ на 2.400 рублевъ рещи смѣемъ, сильно потравлены, кромѣ

¹⁾ Акты южн. и запад. Россіи. VII. № 63.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. XI. 34, 52.

³⁾ Ibid. XI. 124.

запасовъ съ нашего мѣстечка пойманы. Отселѣ намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинять, и по нашему челобитію ихъ не наказуютъ и управы святой не чинять“. 1). Что среди воеводъ попадались люди чудовищно жестокіе видно на примѣрѣ виленскаго воеводы кн. Данилы Мышецкаго, который взятъ былъ поляками въ плѣнъ въ 1661 г, и по приказанію короля казненъ за то, что былъ большой тиранъ, много людей безъ вины покарялъ и, на части разсѣкши, изъ пушекъ ими стрѣлялъ, иныхъ на коль сажалъ, беременныхъ женщинъ на крюкахъ за ребра вѣшалъ, и онѣ, вися на крюкахъ, рожали младенцевъ 2). Въ сентябрѣ 1665 г. Брюховецкій просилъ въ Москвѣ царя запретить ратнымъ людямъ сбывать на рынкахъ воровскія деньги и называть малороссовъ измѣнниками. Зимой 1665 г. еп. Меѳодій писалъ къ Брюховецкому въ Москву, чтобы онъ доложилъ царю „о великой обидѣ, которую дѣлаютъ начальные люди полковники нѣмцы, ихъ ротмистры и капитаны, нѣмцы и ляхи, бѣднымъ людямъ въ Котельвѣ (нынѣ большая слобода ахтырск. уѣзда). „И я въ Котельвѣ ихъ тазалъ, писалъ еп. Меѳодій, и бояринъ Шереметьевъ посылалъ въ воеводѣ Протасьеву въ Гадячъ, чтобы наказалъ ихъ; но тотъ ничего не можетъ имъ сдѣлать: женъ отъ мужей поотнимали и вдовъ опозорили“... 3) Въ 1666 г. кievскіе мѣщане очень тяготились постоемъ рейтаръ и просили воеводу избавить ихъ отъ непрощенныхъ жильцовъ. О томъ же просилъ воеводу еп. Меѳодій. 4) 9 іюля 1666 г. полтавскіе казаки подали

1) Акты южн. и запад. Россіи V. 69.

2) Соловьевъ, XI. 161.

3) Ibid. XI. 200, 207.

4) Ibid. XI. 218.

Брюховецкому жалобу на воеводу Якова Хитрово въ томъ, что „воевода несносныя неправды и утѣсненія чинить, коней остальныхъ въ домѣхъ (казаки были на службѣ) въ подводы велить имати москалемъ...; нашихъ знатныхъ товарищевъ своимъ начальнымъ уступати не велить, оказуючи на полковника нашего, котораго какъ отца почитаемъ, въ чести неизносное: онъ вамъ полковникъ, мать его въ ротъ; я—су отъ государя посланъ, а вы блядь всѣ подчорты. И который товарищъ прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ или деньщикамъ велить изъ дому выпхнути въ шею. А сѣножати наши и луги огороженные и огороды ни въ чемъ не вольни, что хотятъ такъ дѣлають за приказаніемъ его. А честиѣйшіе у него намовленіе подложницы маеровъ его или ратныхъ, нежели жена господина полковника нашего, а о нашей женѣ и слова нѣкакъ говорити, а дѣти не угадаю какій позоръ отъ нихъ терпятъ... Чтобъ мы имѣли писать на него воеводу, дести бумаги не стало бы переписати... И безчестье еще такое терпимъ отъ него и всѣхъ начальныхъ, что если милость свою надъ нами не покажешь, а его, по милости ц. пресвѣтл. велич. и своей милости, перемѣнити не изволишь, то мы забравъ жены и дѣти по нужѣ пойти, куда очи“. ¹⁾ Брюховецкій увидѣлъ, что для полтавцевъ воеводское правленіе сдѣлалось казнью египетской, внялъ ихъ настоятельной просьбѣ и 17 іюля 1666 г. отправилъ подлинную полтавскую жалобу къ царю съ прибавленіемъ письма, въ которомъ просилъ царя о „милосердномъ указѣ“ и притомъ предостерегалъ, что полтавскіе казаки въ отчаяніи отъ воеводскихъ притѣсненій „къ запорожскимъ зломыслямъ привернуть“. ²⁾ Нужно замѣтить, что центральная власть предписывала воево-

¹⁾ Акты южн. и запад. Россіи. VI. 132—133.

²⁾ Ibid. 135.

дамъ „къ черкасамъ ласку и привѣтъ держать и отъ служилыхъ всякихъ людей черкасѣ во всемъ оберегать“. „То ты дуростью своею дѣлаешь не гораздо, писалъ царь къ одному воеводѣ, вступаешься въ ихъ права и вольности, забывъ нашъ указъ“...¹⁾ Въ Малороссію были отправляемы и ревизоры, или слѣдователи по важнымъ спорамъ воеводѣ съ мѣстнымъ населеніемъ. слѣдователямъ очень трудно было понять причину несогласій, по незнанью малорусскихъ бытовыхъ особенностей. Въ какое странное положеніе попадали иногда эти слѣдователи, видно, между прочимъ, изъ полтавскаго дѣла. Приѣхаль, по жалобѣ гетмана, въ Полтаву Кикинъ и сталъ сравнивать имена челобитчиковъ со сказкой воеводы Волконскаго и съ переписными мѣщанскими книгами. Онъ нашель разницу въ прозвищахъ и потребоваль къ допросу всѣхъ челобитчиковъ. Полковникъ долженъ былъ ему объяснить, что въ Малороссіи каждое лицо имѣеть нѣсколько прозвищъ; прозываются по отцу, по тестю, по женамъ, и въ воеводскомъ спискѣ казакъ названъ однимъ прозвищемъ, а въ полковомъ казацкомъ другимъ. Долженъ былъ полковникъ объяснить ревизору и то обстоятельство, что вызвать къ допросу челобитчиковъ нельзя по случаю рабочей поры, сѣнокоса и пашни, что казаки работы не кинуть и не поѣдутъ, что многіе казаки, наконецъ, ушли въ Запорожье.²⁾ Все это для Кикина было ново, странно; пришлось оставить дѣло на волю божію, ограничившись переводомъ воеводы въ другое мѣсто. Въ концѣ гетманства Брюховецкаго усилилось неудовольствіе малороссовъ на ратныхъ людей. Запорожскій кошевой Васютенко писалъ Брюховецкому: „изволь царскому величеству донести, чтобы запретилъ своимъ ратнымъ людямъ чинить въ городахъ всякіе

¹⁾ Соловьевъ, XII. 181.

²⁾ Соловьевъ, XII. 12—13.

вымыслы; пусть живутъ по прежнему, а если не перестанутъ то чтобы большой огонь не всталъ, потому что доколѣ живы будемъ остерегать, чтобы наши права и вольности не умалились“, 1).

Ошибочно было бы думать, что въ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ казацкая и городская чернь такъ же смотрѣла на воеводское управление, какъ смотрѣла въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, т. е. благосклонно. Большинство горожанъ имѣло поводъ расклевываться въ своемъ первоначальномъ доброхотствѣ воеводамъ, должно было сознаться, что надежды его на сохраненіе правъ и вольностей были сильно обмануты. Что въ семидесятыхъ годахъ горожане считали себя обиженными воеводами, видно изъ челобитной, которую 26 октября 1675 г. представилъ царю кievскій войтъ Жданъ Тадрина отъ лица всего города. Въ этой челобитной кievскіе обыватели высказываютъ желаніе, чтобы: 1) выдана была подтвердительная грамота на городскія маестности; 2) запрещено воеводамъ брать съ горожанъ подводы; 3) возвращены торговцамъ лодки, отнятыя у нихъ великороссіянами; 4) разобрана баня ратныхъ людей въ нижнемъ городѣ на томъ основаніи, что „банные сторожа и иные люди русскіе безпрестанные крадежи и увѣчья и грабежи мѣщанамъ чинять; 5) возвращены были горожанамъ земли, незаконно занятыя московскими стрѣльцкими головами; 6) предоставлено право свободной рыбной ловли“. Нынѣ, говорится въ челобитной, какъ поплывутъ на рѣку для пропитанія уловить себѣ рыбы, ратные люди сѣти отнимаютъ и бьютъ, и всегда отъ рыбниковъ про то плачъ“. Седьмая просьба состояла въ томъ, чтобы воеводы не принуждали ремесленниковъ къ бесплатной работѣ въ верхнемъ Кіевѣ. Не смотря на то, что кievскіе ремесленники имѣли царскую льготную грамоту,

1) Соловьевъ XII. 11.

воеводы „ремесленниковъ въ верхній городъ взявъ, а больше кузнецовъ и слѣсарей, безо всякаго платежу и уговоровъ велѣть дѣлать, бьютъ и въ тюрьму сажаютъ, а убогимъ ремесленникамъ не заработавъ хлѣба себѣ и на семью помереть будетъ голодною смертию“. Восьмой пунктъ челобитной гласилъ: „Ратные люди съ верхняго спедъ города на низъ и вымысли будто хмельные съ мѣщаны чинять зацѣпки и драки, а здоровыя ведутъ въ верхній городъ и кулаками увѣчатъ“. Девятая просьба касалась беспошлинной торговли въ Москвѣ и, наконецъ, десятая состояла въ томъ, чтобы ратные люди не косили сѣна на городскомъ островѣ Муровцѣ и не присвоивали себѣ городскихъ рыбныхъ озеръ ¹⁾. За исключеніемъ просьбы о правѣ беспошлинной торговли въ Москвѣ, всѣ остальные просьбы были удовлетворены; по крайней мѣрѣ, на нихъ послѣдовало согласіе центрального правительства; какъ онѣ были удовлетворены практически, на мѣстѣ,—вопросъ другой, и въ актахъ на него нѣтъ положительнаго отвѣта.

Притѣсенія со стороны ратныхъ людей обуславливалось многими причинами, возрѣніемъ воеводъ на Малороссію, какъ на покоренную страну, ихъ презрительнымъ отношеніемъ къ хохламъ, въ которыхъ усматривалась особенно сильная склонность ко лжи и предательству, свойственной вѣку грубостью нравовъ, слабостью дисциплины, и, въ особенности, бѣдностью ратныхъ людей. Въ 1662 г. Самко говорилъ Ладыженскому: „Государевы люди живутъ въ Переяславлѣ долгое время; государево жалованье даютъ имъ деньгами мѣдными, а у насъ въ черкасскихъ городахъ деньгами мѣдными не торгуютъ; отъ этого ратные люди оскудѣли въ конецъ и начали воровать безпрестанно, многихъ людей безъ животовъ сдѣлали; жить съ ними

¹⁾ Акты южн. и запад. Россіи. XII. № 102.

вмѣстѣ нельзя“¹⁾. Въ 1667 г. Тяпкинь писалъ Нащокину, что ратные люди въ Переяславлѣ „всѣнаги, босы, голодны и бѣгутъ отъ бѣдности разнѣ“²⁾. Въ маѣ 1669 г. бояринъ Шереметьевъ писалъ царю изъ Кіева, что ратные люди голодаютъ и босякомъ ходятъ. Въ томъ же году князь Козловскій писалъ въ Москву, что „ратные люди въ Переяславлѣ и Острѣ, не получая долгое время жалованья, голодомъ помираютъ“³⁾.

Настаивая на выводѣ изъ Малороссіи воеводъ и ратныхъ людей въ мирное время, архіеп. Лазарь дѣйствовалъ не только въ интересахъ старшины, но и въ интересахъ посольства, преимущественно горожанъ. Десятилѣтній горькій опытъ могъ убѣдить мыслящихъ малороссіянъ, въ частности Барановича, что въ воеводскомъ управленіи нѣтъ для Малороссіи спасенія отъ обуревавшихъ ее внутреннихъ нестроеній. Къ прежнему тяжелому господству старшинъ прибавлялась новая тяжесть въ видѣ воеводъ и ратныхъ людей. Повидимому, *de jure*, воеводы были охранители Малороссіи отъ поляковъ и татаръ; они посажены были въ городахъ для ихъ укрѣпленія и, укрѣпляя и защищая отъ внѣшнихъ враговъ лѣвобережную Малороссію, тѣмъ самимъ охраняли предѣлы московскаго государства. Фактически воеводы наложили свою тяжелую руку чуть ли не на всѣ проявленія народной жизни, на взносъ и сборъ податей, на рыболовство, на сѣнокосы, на избраніе высшихъ духовныхъ лицъ. Мало по-малу въ свободную малорусскую жизнь вносились суровые регламентирующіе порядки воеводскаго управленія.

1 Ноября 1668 г. Лазарь Барановичъ писалъ въ Москву къ Симеону Полоцкому: „Воеводъ (казаки) не

¹⁾ Соловьевъ, XI, 155.

²⁾ Соловьевъ, XII, 17.

³⁾ Акты южн. и запад. Россіи. VIII. № № 60 и 65.

хотятъ; для казака воевода-великая невзгода. Казакъ-сущая буря... Казакъ это вѣтеръ въ полѣ; мы, рабы Божіи, среди этого вѣтра подобно былинкамъ гнемся, но не ломаемся; дѣлаемъ свое дѣло и черезчуръ имъ снисходимъ. Господу благоугодно, чтобы мы были какъ розы между этимъ терновникомъ; иначе безъ этой колючести не было бы ничего добраго. А если это родное нашего украинскаго края, то чѣмъ его перекрестить? Покропить только освященной водой и, хотя онъ черенъ, записать въ бѣлую книгу; не гнушаться на Украинѣ украинскими свитками¹⁾.

Въ январѣ 1669 г. явилось въ Москву большое малороссійское посольство: отъ Лазаря Барановича игуменъ макасовскаго монастыря Іеремія Ширковичъ; отъ Демьяна Многогрѣшнаго обозный Петръ Забѣла, есауль Матвѣй Гвинтовка, судья Иванъ Домонтовъ, 6 сотниковъ, два атамана, два войта, бурмистръ, судья полковой, подписокъ войсковый, 46 рядовыхъ казаковъ. Послы были челомъ о подтвержденіи вольностей, данныхъ Богдану Хмельницкому: „Войско запорожское, говорили они, частые расколы чинило отъ того, что по смерти Богдана Хмельницкаго гетманы для чести и маетностей войску умаляли вольностей. Хотя по статьямъ Богдановымъ и должны быть воеводы въ Переяславлѣ Нѣжинѣ и Черниговѣ для обороны отъ непріятелей, однако они вмѣсто обороны пушюю намъ пагубу нанесли; ратные люди въ нашихъ городахъ кражами частыми, пожарами, смертоубійствами и разными мучительствами людямъ докучали; сверхъ того, нашимъ нравамъ и обычаямъ не навывкли; когда кого-нибудь изъ нихъ на зломъ дѣлѣ поймають и воеводамъ челобитную подадутъ объ управѣ, то воеводы дѣло протягивали. Нынѣшняя война ни отъ чего другаго началась какъ отъ этого. Чтобъ изволилъ великій государь

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 54.

своихъ людей изъ нашихъ городовъ вывести, а въ казну оброкъ мы сами будемъ давать чрезъ своихъ людей, которыхъ войско выберетъ, и то не съ этого времени, а когда Украина оправится. Тѣ же воеводы, не смотря на постановленныя статьи, въ казацкія права и вольности вступались и казаковъ судили, чего никогда въ войскѣ запорожскомъ не было. „Въ Москвѣ посланъ было объявлено, что все дѣла должны быть рѣшены на радѣ, на которую отправляются бояринъ князь Г. Г. Ромодановскій, стольникъ Арт. Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ. Во время пребыванія посольства въ Москвѣ, изъ Малороссіи было получено извѣстіе, что Лазарь Барановичъ въ слухъ говорилъ: „надобно намъ того, чтобы у насъ въ Малой Россіи и нога московская не была“... На глуховской радѣ въ мартѣ 1669 г. Многогрѣшный и Барановичъ продолжали настаивать на выводѣ изъ Малороссіи воеводъ и ратныхъ людей. Ромодановскій отклонилъ ихъ просьбу. Тогда архіеп. Лазарь заговорилъ: „Отъ чего намъ чинятся налоги, о томъ какъ не говорить и великому государю не бить челомъ? Теперь ты, бояринъ, не хочешь съ нами чинить договору о выводѣ ратныхъ людей; такъ написать въ статьяхъ, чтобъ впредь было вольно бить челомъ государю объ этомъ“. „Не только что объ этомъ въ статьяхъ писать, отвѣтилъ Ромодановскій, и говорить больше того съ вами и слушать тѣхъ вашихъ словъ не хотимъ“. Такимъ образомъ, московскіе уполномоченные „отказали имъ во всемъ въ томъ впрямъ“¹⁾.

На вопросъ, руководили ли Барановичемъ въ воеводскомъ вопросѣ общія причины, другими словами, подчинился ли онъ общему недовольству воеводами, или дѣйствовалъ по личнымъ мотивамъ, нужно отвѣтить,

¹⁾ Соловьевъ XII 47, 49, 52, 53—56; Акты южной и западной Россіи VIII. № 20.

что общее недовольство воеводами главнымъ образомъ побуждало Лазаря хлопотать объ ихъ удаленіи изъ Малороссіи; но были у него и личные, частные мотивы быть недовольнымъ воеводами. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ онъ жаловался въ письмѣ къ С. Полоцкому на воеводу, который требовалъ съ архіепископскихъ маестностей дани на воиновъ. Въ письмахъ къ С. Полоцкому и И. Гизелю 1668 г., архіеп. Лазарь жаловался на кн. Щербатова, что онъ „ущербилъ въ новгор.-сѣвер. монастырѣ, троихъ не досчитались“, что онъ даже хвасталъ этимъ грабежемъ и говорилъ про епископа: „пустъ сосеть лапы“. 1).

На глуховской радѣ, между прочимъ, шла рѣчь о возможности перенесенія митропольчей кафедры изъ Кіева въ лѣвобережную Малороссію, въ случаѣ возвращенія Кіева полякамъ. Многогрѣшный предложилъ Переяславль. „Нѣтъ, возразилъ архіеп. Лазарь, митрополию надобно сдѣлать въ Черниговѣ, Черниговъ старше Переяславля и княженіе древнее“. 2) Впослѣдствіи, Барановичъ никогда не заводилъ рѣчи о перенесеніи митрополіи въ Черниговъ; онъ усиленно хлопоталъ передъ царемъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ полякамъ, и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ безкорыстно, изъ одной любви къ родному краю.

Въ актѣ избранія Многогрѣшнаго на глуховской радѣ во главѣ подписавшихся стоитъ архіеп. Лазарь; за нимъ слѣдуетъ игумень Ширкевичъ. Барановичъ получилъ многія выгоды отъ своей политической дѣятельности при избраніи въ гетманы Многогрѣшнаго. Онъ снова получилъ мѣсто блюстителя кіевской митрополіи; въ составъ черниговской епархіи включена была епархія нѣжинская, которою владѣлъ еп. Меодій съ 1667 г. Новый гетманъ былъ многимъ обязанъ Лазарю и потому находился отъ него въ нѣкоторой нравственной зависимости. Барановичъ выхлопоталъ для него

1) Письма Лазаря Барановича 39, 49, 51.

2) Соловьевъ, XII. 54; Акты южн. и запад. Россіи VIII. № 20.

благословленіе восточныхъ патріаховъ ¹⁾. Царь далъ Лазарю за участіе въ глуховской радѣ два сорока соболей, одинъ сорокъ въ сто и другой въ 50 рублей ²⁾. Кромѣ того, въ концѣ года изъ Москвы присланы были Барановичу 200 четвертей ржи, 100 пуд. соли и 50 пуд. меду ³⁾.

Политическая дѣятельность Барановича въ краткое гетманство Многогрѣшнаго состояла въ сохраненіи того, что было установлено на глуховской радѣ и въ развитіи тѣхъ политическихъ началъ, которыя были имъ заявлены передъ глуховской радой, т. е. соединенія Малороссіи въ одно цѣлое подъ властью московскаго царя, при сохраненіи нѣкоторыхъ прежнихъ вольностей. Архіеп. Лазарь считалъ своею обязанностью не допускать нарушенія глуховскихъ статей москвитянами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рады онъ послалъ въ Москву игумена Іеремію Ширкевича съ жалобами на то, что вопреки глуховскому договору, царскія войска не присланы по просьбѣ гетмана на защиту Украины, не возвращены въ Малороссію казаки, сосланные въ Москву Брюховецкимъ, не отданы казацкія и городскія пушки, церковныя сосуды и утвари, взятые ратными людьми во время возстанія Брюховецкаго, не приглашены казацкіе послы въ московскую комиссію для переговоровъ съ поляками ⁴⁾. По внушеніямъ изъ Москвы, Барановичъ пробовалъ склонить Дорошенка на подчиненіе царю. „Лучше бы было, писалъ онъ Дорошенкѣ, аще бы Россія не дѣлилась, но подъ единымъ православнымъ монархомъ была“... По ходатайству Барановича, московское правительство да-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 123.

²⁾ Соловьевъ, XII, 57; Акты южн. и запад. Россіи VIII стр. 110.

³⁾ Акты южн. и запад. Россіи. IX, № 34.

⁴⁾ Соловьевъ, XII, 88.

до свободу брату Петра Дорошенка, Григорію, за что Петръ Дорошенко письменно благодарилъ черниговскаго архієпископа ¹⁾. Барановичъ хотѣлъ подѣйствовать на Дорошенка, между прочимъ, черезъ Іосифа Тукальскаго. Онъ предлагалъ Тукальскому дѣйствовать въ интересахъ Москвы, на томъ основаніи, что „Россіи православною безъ православнаго государя жить не мощно“. „Азь свои овцы черниговскія, писалъ Лазарь, съ полками тогобочными обратихъ ко государю. Святыня твоя, всея Россіи пастырь, обрати всю Россію къ монарху російскому“ ²⁾. Вѣроятно, подъ вліяніемъ Барановича Тукальскій 20 марта 1669 г. послалъ царю витієватое письмо, интересное по опредѣленію географическихъ предѣловъ малорусскаго народа. Совѣтуя царю остерегаться обмановъ католиковъ, Тукальскій высказываетъ желаніе, чтобы царь обладалъ „всѣмъ православнымъ російскимъ народомъ, его же долгота отъ Путивля за Перемышль и Самборъ ажъ до Санока, широта же отъ Днѣстра до Двины и за Двину прострєся“ ³⁾. 12 апрѣля 1669 г. Тукальскій просилъ царя о дозволеніи переѣхать въ Кієвъ на митрополию и не получилъ позволенія ⁴⁾. Митрополитъ заподозрилъ Лазаря въ противодѣйствіи. Въ народѣ распространился слухъ, что Лазарь оговорилъ Тукальскаго передъ царемъ. Тукальскій былъ любимъ народомъ, и подобнаго рода слухъ былъ крайне непріятенъ Лазарю. Тукальскій не призналъ за Барановичемъ архієпископскаго званія. Все это Лазарю причиняло большое огорченіе; но онъ не позволилъ себѣ оскорбить чѣмъ-либо митро-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 70; Акты южн. и запад. Россіи VIII. № 44 и 45.

²⁾ Письма Лазаря Барановича 70.

³⁾ Акты южн. и запад. Россіи VIII. № 30, стр. 133.

⁴⁾ Ibid. № 41.

полита. Не смотря на то, что Лазарь пользовался бѣльшимъ значеніемъ и вліяніемъ, чѣмъ непрізнанный Москвой митрополитъ Іосифъ, онъ написалъ ему очень смиренное посланіе: „хочу покорностью моею снискать любовь вашу... Сравниться намъ нельзя; но любовь могла бы умножиться“¹⁾.

Въ 1669 году Украинѣ угрожали татары, выставившіе въ это время своего претендента на гетманскую булаву, Суховѣя. Барановичъ послалъ въ Москву цѣлый рядъ просьбъ о присылкѣ ратныхъ людей; объ этомъ онъ писалъ 14 мая, 26 мая, 20 сентября, 20 ноября²⁾. Эти настоятельныя просьбы могутъ дать поводъ къ мысли, что заявленное на глуховской радѣ Барановичемъ стремленіе удалить воеводъ и ратныхъ людей было неумѣстно. Но нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что тогда рѣчь шла о постоянномъ устройствѣ Малороссіи, причемъ имѣлось въ виду мирное время. По мнѣнію малороссовъ, защита Малороссіи отъ татаръ и поляковъ составляла прямой интересъ московскаго государства. „Наше поправленіе ордамъ врата отверзетъ и въ великорусскіе его царскаго величества города“, писалъ архіеп. Лазарь царю 20 сентября 1669 г.³⁾. Мысль эта неоднократно высказана была и гетманами, сначала Брюховецкимъ, потомъ Многогрѣшнымъ. Въ 1665 г. послы Брюховецкаго необходимость защиты Малороссіи московскими военными силами объясняли тѣмъ, что Украина „есть преддверіе Великой Россіи; если государь потеряетъ ее, не приславши ратныхъ людей, неизбежная въ російской землѣ война будетъ“. Въ письмѣ къ Хитрово Брюховецкій развилъ и уяснилъ эту мысль. „Польскій король,

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 85.

²⁾ Акты южн. и запад. Россіи. VIII. № 49, № 52; № 87; IX. № 15, 34.

³⁾ Акты южн. и запад. Россіи. IX. № 15.

турецкій султанъ, крымскій ханъ на плечахъ казацкихъ двигались и до Великороссіи этимъ преддверіемъ, т. е. Україною, непріятель не достигъ; сабли татарскія и лядскія пали на головы казацкія вмѣсто великороссійскихъ и опустошеніе, приготовленное для Великой Россіи, на бѣдной Украинѣ совершилось“¹⁾. Въ посланіи къ царю отъ 3 іюня 1669 г. Многогрѣшный говоритъ, что „буде вскорѣ не будетъ присылка на оборону, конечно пространнѣ имъ (т. е. татарамъ) будетъ путь и до великороссійскихъ странъ; не будетъ имъ кого бояться и страшиться; занеже имъ Украина страшна и оградю до великороссійскихъ странъ всегда бывала“²⁾.

Въ 1670 г. случилось одно обстоятельство, непріятное для архіеп. Лазаря и въ особенности для протежируемаго имъ гетмана Многогрѣшнаго. Былъ въ Нѣжинѣ одинъ вліятельный казакъ, Романъ Ракушка. Онъ переѣхалъ въ польскую Украину и здѣсь получилъ мѣсто священника. По порученію Дорошенка и Тукальскаго, Ракушка отправился къ константинопольскому патріарху Меодію и хитростью выправилъ на сѣверскаго гетмана неблагословенную грамоту. Эта грамота произвела на Многогрѣшнаго крайне тяжелое, удручающее впечатлѣніе и вызвала въ странѣ смущеніе умовъ. Лазарь Барановичъ возвысилъ свой голосъ противъ обнародованной анаѣемы и окружнымъ посланіемъ разрѣшилъ отъ нея свою паству, при чемъ указывалъ на то, что грамота или вынуждена отъ патріарха насильно властью турецкаго султана (впослѣдствіи патріархъ самъ въ этомъ признался московскому послу), или исторгнута обманомъ и происками Дорошенка. Барановичъ писалъ патріарху, что его неблагословенная гра-

¹⁾ Соловьевъ, XI. 187, 193.

²⁾ Акты южн. и запад. Россіи VIII. № 80, стр. 232.

мата произвела въ русскомъ народѣ большое смущеніе, что Дорошенко вступилъ въ союзъ съ невѣрными и самовольно присвоилъ себѣ гетманское званіе и что народъ, признавая власть царя, подчиняется власти законной и потому не можетъ подлежать анаѳемѣ. Одновременно Барановичъ отправилъ царю просьбу ходатайствовать передъ константинопольскимъ патриархомъ о благословеніи сѣверскаго гетмана и предупредить патриарха, чтобы онъ впредь такъ неосторожно клятвенныхъ листовъ не выдавалъ. Въ Константинополь отправился изъ Москвы переводчикъ Христофоровъ и, согласно съ просьбой архіепа. Лазаря, получилъ отъ патриарха благословенную грамоту для Многогрѣшнаго ¹⁾.

Духовное состояніе сѣверскаго гетмана въ это время было очень незавидное. Многогрѣшный былъ чловѣкъ совсѣмъ простой, безграмотный. Не было у него сильнаго природнаго ума, не было и характера. Бурныя событія времени возвысили его до гетманскаго званія; но Многогрѣшный постоянно чувствовалъ и сознавалъ свое безсиліе овладѣть ходомъ этихъ событій, стать выше ихъ. Не будучи въ состояніи осмыслить то, что совершалось вокругъ него, чувствуя себя игрушкой въ рукахъ судьбы, невѣжественный, мнительный и боязливый Многогрѣшный постоянно находился въ тревогѣ, и искалъ успокоенія въ винѣ, напивался до безчувственности. Онъ опасался Дорошенка; онъ чувствовалъ крайнее отвращеніе и ненависть къ полякамъ; въ добавокъ къ тому, боялся Москвы, недолюбливалъ ее, усматривалъ въ московской политикѣ одно коварство. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ всѣхъ малороссовъ мучила мысль, что царь возвратитъ по андрусовскому договору Кіевъ полякамъ, со всѣми его святынями. Въ Малороссіи ходила молва, что въ андру-

¹⁾ Страдомскій, 50; Соловьевъ. XII. 93—98.

совекомъ договорѣ король и царь постановили смирить, т. е. искоренить казаковъ, что съ этой цѣлью въ Малороссію идетъ Нащокинъ съ большой военной силой. Въ октябрѣ 1669 г. Теофиль Бобровичъ пустилъ въ обращеніе письмо, въ которомъ предостерегалъ малоруссовъ отъ польскаго и московскаго коварства. Онъ находилъ, что московскія граматы „умягчены паче едея обманомъ“. „На частократныхъ вездѣ войнахъ, говоритъ Бобровичъ, головами и перстами вашими себѣ защищающе, когда къ договорамъ прійдетъ, васъ къ нимъ не только не прищущаютъ, но и жадные не объявляютъ рѣчи для того, что не о чемъ иномъ съ ляхами токмо васъ всегда какъ бы въ руки взявши вольности поламать и ни во что обернути, торговалися и торгуютъ“. Бобровичъ жилъ въ Путивлѣ и о своей личности говоритъ въ письмѣ слѣдующее: „До вѣдома доношу, что отъ многихъ лѣтъ житія достался не на счастливое оплаканіе свое въ московскомъ государствѣ, а, по осиротѣлой своей матери, общей отчизнѣ, вспоминая въ ней рожденіе, медоточивыхъ сосцевъ о разумѣ и наученѣ воспитанье свое, возрастъ, паче же прохладство волности золотые“... ¹⁾ Лазарь Барановичъ нѣсколько разъ умолялъ царя не отдавать Кіева полякамъ. Онъ успокаивалъ и обнадеживалъ гетмана, хотя и самъ далеко не вполнѣ былъ увѣренъ въ удержаніи Кіева. Многогрѣшный приходилъ въ ожесточеніе при одной мысли о возможности возвращенія Кіева ненавистнымъ ляхамъ. „Какъ мнѣ, начальнымъ людямъ и всему войску Запорожскому не имѣть опасенія, говорилъ гетманъ московскому послу Тапѣву, видя, что великій государь Кіевъ и эту сторону Днѣпра отдаетъ ляхамъ въ вѣчную нестерпимую неволю, посрамленіе и безчестіе, церкви Божіи въ унию, разореніе и запустѣніе, отдаетъ тайно, потому что во время перегово-

¹⁾ Акты южн. и запад. Россіи. VIII № 12, стр. 47.

ровъ въ Москвѣ нашимъ посланцамъ не позволили сидѣть въ посольской избѣ и вольныхъ голосовъ имѣть, держать ихъ на Москвѣ какъ невольниковъ... А великій государь городъ Кіевъ и всѣ малороссійскіе города не саблею взялъ; поддались мы добровольно для единой православной вѣры. Если Кіевъ, малороссійскіе города, я и все войско запорожское великому государю не надобны, отдаетъ королю, то онъ бы воеводъ своихъ изъ этихъ городовъ велѣлъ вывести; мы същемъ себѣ другаго государя. И Брюховецкій, видя московскія неправды, много терпѣлъ да не утерпѣлъ, и хотя смерть принялъ, а на своемъ поставилъ; такъ и я, видя неправды великія, велѣлъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго городка отгородить, а что отъ этого сдѣлается, Богъ вѣдаетъ. Да и время намъ искать другаго государя, кромѣ короля, а подъ королевскою рукою не будемъ, хоть до сущаго младенца помремъ. Поляки хотятъ на московскія деньги идти на Дорошенка, усмирить его и потомъ взять Кіевъ и малороссійскіе города; но мы, войско обѣихъ сторонъ Днѣпра, соединясь съ турецкимъ войскомъ и съ татарами, пойдемъ противъ польскихъ силъ и хотя всѣ помремъ, а Кіева и малороссійскихъ городовъ не дадимъ. Да и дожидаться не станемъ: послѣ Свѣтлаго Воскресенья пойдемъ въ польское государство войною великимъ собраньемъ: Варшава и всѣ польскіе города не устоятъ, будутъ сдаваться, потому что во всѣхъ городахъ православія много; развѣ устоитъ Каменецъ Подольскій и то не надолго; ни одинъ полякъ не останется, развѣ православной вѣры, и посполитые люди подъ державой турецкаго султана будутъ; а какъ надъ польскимъ государствомъ что учинится, такъ и другому кому тоже достанется“ ¹⁾. Навѣрно, эта странная, исполненная робости и хвастовства, рѣчь произнесена

¹⁾ Соловьевъ, XII. 105—106.

была гетманомъ въ пьяномъ видѣ. Но что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ, и слишкомъ откровенное заявленіе Многогрѣшнаго должно было побудить Москву и ея украинскихъ сторонниковъ немедленно его устранить отъ гетманства. Что Многогрѣшный, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ гетмановъ, гораздо болѣе говорилъ, чѣмъ интриговалъ, пустословилъ, чѣмъ дѣйствовалъ, показывалъ тупые когти тамъ, гдѣ нужно было заматать лисьимъ хвостомъ, вообще, былъ простодушенъ до глупости, видно, между прочимъ, изъ письма Петра Дорошенка къ кіевскому воеводѣ Козловскому, гдѣ говорится о невинности сѣверскаго гетмана, говорится, что онъ Москвѣ не измѣнилъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, Многогрѣшный былъ арестованъ старшиной, обвиненъ передъ царемъ въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и въ готовности подчиниться туркамъ, посланъ въ Москву, здѣсь подвергнутъ допросу и пыткамъ и приговоренъ къ смертной казни, которая, по милости царя, замѣнена была ссылкой въ дальнюю Сибирь ²⁾. Семья Многогрѣшнаго, состоявшая изъ жены его, двухъ сыновей, дочери и племянника, также отправлена была въ Сибирь. Гетманское имущество, по царскому указу, пошло на церковное строеніе ³⁾.

Послѣ обвиненія Многогрѣшнаго въ измѣнѣ и ссылки въ Москву, Лазарь Барановичъ писалъ царю, что не зналъ о злыхъ умыслахъ сѣверскаго гетмана. Изъ Москвы посланъ былъ въ Малороссію стольникъ Самаринъ и подъячій Шестаковъ собрать свѣдѣнія объ обстоятельствахъ открытія измѣны Многогрѣшнаго. Барановичъ говорилъ Самарину: „А бывший де гетманъ Демко Игнатовъ писалъ къ нему, архіепископу, до

¹⁾ Акты южн. и зап. Россіи. IX. № 147.

²⁾ Ibid. IX. 167.; Соловьевъ, XII. 110—122.

³⁾ Акты южн. и зап. Россіи. IX. стр. 834.

измѣны своей за нѣсколько недѣль: „по указу великаго государя прислана его в. государя грамота къ нему, Демку, будто велѣно ему, Демку, быть въ Москвѣ и видѣть государскія очи; да и ему, архіепископу, съ нимъ, Демкомъ, в. государь указалъ быть въ Москвѣ. И онъ, архіепископъ, къ нему, Демку, писалъ, что онъ съ нимъ, Демкомъ, безъ указа в. государя къ Москвѣ не ѣдетъ за болѣзнью. Да онъ же, Демко, писалъ къ нему, архіепископу, передъ измѣною своею не задолгое время, что онъ, Демко, идетъ въ кіево-печерскій монастырь молиться, и онъ, архіепископъ, его благословилъ. А измѣны его и ссылокъ съ Дорошенкомъ не вѣдалъ, а какъ скоро свѣдалъ, что онъ, Демко, съ Дорошенкомъ ссылается и къ нему, Демку, писалъ, чтобы онъ съ Дорошенкомъ не ссылался и въ кіево-печерскій монастырь молиться не ходилъ. И онъ, Демко, у присланнаго его, архіепископова, листъ принялъ, велѣлъ вычестъ, а вычеть бросилъ по столу и говорилъ посланнику его, архіепископову, чтобы онъ, архіепископъ, зналъ свой клубукъ и грозилъ ему, архіепископу, всячески“ ¹⁾.

Люди впечатлительные, нервные работаютъ усердно, энергически, когда много работы. Они дѣло дѣлаютъ и въ то же время жаждутъ новаго дѣла. Они боятся, чтобы не наступилъ томительный перерывъ, не послѣдовало тягостной задержки въ быстро понесшейся жизненной дѣятельности. Въ случаѣ такого перерыва, обусловленнаго тѣми или другими неблагоприятными обстоятельствами, возникаетъ жгучее чувство душевной пустоты, нравственной неудовлетворенности; энергія быстро ослабѣваетъ, и мало по малу наступаетъ бездѣятельное, лѣнливое существованіе. Нужны новые сильные толчки, новыя животворныя побужденія, чтобы разбудить задремавшую энергію, оживить чувство, про-

¹⁾ Ibid. IX № 147. Стр. 750.

свѣтитъ мысль. Лазарь Барановичъ былъ человѣкъ впечатлительный, чуткій къ волненіямъ жизни. Шестидесятыя годы, особенно конецъ этого десятилѣтія, были цвѣтущимъ временемъ дѣятельности архіепископа Лазаря. Онъ работалъ страстно и поспѣшно на политическомъ поприщѣ. Онъ жаждалъ труда, и краткіе моменты бездѣятельности приводили его почти въ отчаяніе. Въ 1668 г. онъ нашелъ работу по себѣ; чуть не ежедневно писалъ онъ письма къ кіевскому митрополиту, къ разнымъ игуменамъ, къ выдающимся московскимъ боярамъ. Работа кипѣла; послы приходили и уходили отъ дѣятельнаго черниговскаго архіепископа. Но послѣ глуховской рады, съ избраніемъ гетмана, дѣла въ Малороссіи немногo успокоились. Въ 1669 г., вскорѣ послѣ глуховской рады, Барановичъ уже жаловался: „непрестанная скука гложетъ меня“¹⁾. Скука эта была вызвана главнымъ образомъ ослабленіемъ политической дѣятельности Барановича; но онъ зналъ противъ нея превосходное средство—трудъ литературный и научный. Барановичъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ горячими устами припалъ къ этому источнику мысли, и навѣянная сухой политикой скука была излѣчена магическими струями литературы и науки. Архіеп. Лазарь созналъ всю прелесть чистаго научнаго и литературнаго труда, его превосходство надъ внѣшнимъ и суетливымъ трудомъ политическаго дѣятеля, его прочность. „Единственное мое желаніе, писалъ архіеп. Лазарь Ин. Гизелю въ 1669 г., чтобы оставить по себѣ труды мои на пользу церкви Божіей и заслужить отъ людей добрую память“²⁾. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Барановичъ составилъ главныя свои сочиненія: „Лютню“ и „Новую Мѣру“, и издалъ ихъ въ семиде-

¹⁾ Письма Л. Баран. 84.

²⁾ Ibid. 80.

сятыхъ годахъ, сравнительно со временемъ составленія довольно поздно, по причинѣ трудности изданія въ матеріальномъ отношеніи.

Лазарь Барановичъ, отправляя игумена Іеремію Ширкевича въ Москву вмѣстѣ съ послами Многогрѣшнаго, поручилъ ему передать царю „Утѣшеніе“, книжку, составленную по случаю кончины царицы Марьи Ильичны. Сочиненіе, какъ и слѣдовало ожидать, принято было благосклонно. 9-го іюня 1669 г. царь послалъ Лазарю благодарственную грамоту и два сорока соболей на сто рублей.

Въ 1670 г. Барановичъ, въ типографіи кіево-печерской лавры, напечаталъ сочиненіе: „Żywoty świętych ten Apollo pieje, jak ci działali néch tak każdy dzieje“ in—4. Въ литературномъ родствѣ съ этой книгой, по видимому, находится рукопись въ бібліотекѣ московскаго Архива Мин. Ин. Д. ¹⁾ „Księga świętych oycow. Liber sanctorum patrum. Книга святыхъ отецъ“, содержащая выписки изъ отцовъ церкви на разные предметы на трехъ языкахъ, польскомъ, латинскомъ и русскомъ, на 335 листахъ бѣлой бумаги. Рукопись эта принадлежала боярину Матвѣеву ²⁾.

Въ 1669 г. Л. Барановичъ отослалъ въ кіево-печерскую лавру „Лютню“ при письмѣ къ Ин. Гизелю, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „посылаю Аполона моего отвѣдать въ печерской новой польской типографіи. Думаю, что пречестность ваша, по отеческой и братской любви вашей ко мнѣ, какъ не отказали мнѣ въ русской, такъ и теперь не изволите отказать въ польской типографіи, на что охотно, съ уступкой своего права, соглашается и его м. о. Галятовскій..... Тамъ (въ „Лютнѣ“) я коснулся разныхъ современныхъ предметовъ, впрочемъ, не рѣзко“. Одновременно съ

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. 307, стар. катал. 686.

²⁾ Акты ю. и з. Россіи. VIII № 88.

отправкой этого письма, послано было письмо къ киево-михайловскому игумену Θεодосію Софоновичу съ просьбой помолиться Богу о благопоспѣшеніи въ печатаніи „Лютни“, „подшпоривать“ ректора коллегіи Варлаама Ясинскаго, который слѣдилъ за типографскими работами, и просить Алексѣя Тура, Мелетія Дзика и Θεодосія Углицкаго, когда случится имъ быть въ типографіи, помочь Ясинскому въ чтеніи рукописи и въ исправленіи ея, гдѣ въ томъ окажется надобность.. „Если усмотрите въ самомъ Аполлонѣ непоэтическія ноги, то (просить Барановичъ) подкрѣпите его, какъ хвораго, своими посопками; или, если его милость о. архимандритъ печерскій и ваши пречестности на дорогѣ моего Пегаса встрѣтите что-нибудь, или корни, или косогоры, или рытвины, то можете свободно хватить его плетью критики, по вашему разсужденію.... Въ иныхъ мѣстахъ нападаю я на обычаи, слегка, впрочемъ, и не рѣзко (безъ зубка); но ежели и этотъ зубъ окажется съ червоточиною, то, чтобы не безобразить Аполлона, лучше вырвать у него этотъ зубъ“. Печатаніе „Лютни“ немного замедлилось, и архіепископъ Лазарь въ іюнѣ 1669 г. высказывалъ по этому поводу неудовольствіе въ письмѣ къ Галятовскому ¹⁾.

Наконецъ, „Лютня“ была напечатана. Печерскій архимандритъ съ братіей не выслали сочиненія автору, а черезъ намѣстника печерскаго Радивиловскаго предложили архіепископу Лазарю приплатить за печатаніе, — вмѣсто договоренныхъ 10 золотыхъ за листъ заплатить 15 золотыхъ. „Я надѣялся читать уже Аполлона, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Барановичъ, а за него еще торгуются, какъ будто бы за какого-нибудь коростоваго коня на базарѣ“. Барановичъ въ шутливой формѣ отклонилъ предложеніе Радивиловскаго: „Пречестность твоя требуетъ, чтобъ къ числу десяти прибавить пять,

¹⁾ Письма Л. Баран. 74—76, 91.

потому что кто имѣеть десять, тотъ имѣеть два раза пять, и говоришь, что такимъ образомъ будетъ исполненіе десяти заповѣдей и воспоминаніе пяти ранъ. Десять заповѣдей учать: не убій,—слѣдовательно, воспрещаютъ даже воспоминать о тѣхъ ранахъ, которыми убиваютъ, а ежели воспоминать пять ранъ, то въ десяти мы можемъ вдвое припомнить. Воспоминаніемъ ранъ раны растравляются.... Въ другихъ типографіяхъ платятъ отъ листа по шести золотыхъ и не охуждаютъ ихъ; а здѣсь цѣлая категорія; есть существенное, есть и служебное; у Аполлона девять музъ и самъ онъ десятый, вслѣдствіе чего онъ долженъ быть обязанъ десятичнымъ числомъ. Такъ какъ наша Россія издавна не любитъ прибавленія, на примѣръ, и отъ Сына, то и я, какъ старый русскій, не люблю этого прибавленія отъ твоей пречестности, какъ отъ сына. Я при всякомъ случаѣ стараюсь оказать услугу святому мѣсту, а потому не приходится налагать на моего Аполлона такое иго, потому что оно стерло бы ему шею. Я по любви моей летѣлъ бы всегда къ святому мѣсту, откуда мнѣ досталось перо,—почему я начерталъ хотя слабою рукою о пещерахъ, о св. Антоніѣ, патронѣ твоей пречестности.... Въ нашихъ мѣстахъ было кровавое тисненіе, которое на самомъ дѣлѣ болѣе нежели пять ранъ причинило, едва сами съ душою въ тѣлѣ остались, а нравственный духъ волею-неволею должны были уронить. Огонь и мечъ надѣлали у насъ то, что и земля не воздѣлана и пуста; слѣдовательно, подумать нужно и о чужой бѣдѣ, а лишняго не брать "... 1).

„Lutnia Apollinowa koźdey sprawie gotowa“ вышла въ 1671 году (in. 4, 542 стр.). Въ началѣ книги находится вирша на царскій гербъ, посвятительная вирша царевичу Ивану Алексѣевичу и 2 вирши къ читателю одинаковаго содержанія. Въ виршѣ къ царевичу вы-

1) Письма Л. Баран. 118—120.

сказано пожелание: „kwitni kwiateczku w carskim ogrodzku, zgodzisz się pewnie Mariey wianeczku“. Въ виршахъ къ читателю авторъ недостатки своего труда объясняетъ тѣмъ, что „piero nietak pisze snadnie, gdy od szable narod padnie“.

W takiej mieszkamy krainie,
 Gdzie ne jeden strzałą ginie,
 Koncepta się mieszac' muszą,
 Gdy się Marsa wiatry ruszą.
 Kiedy godzina wesoła,
 Koncept leci jako pszczoła;
 Gdy Mars zakurzy mu prochem,
 Zmienisz koncept byś był włochem;
 Pszczołka dymu marsowego
 Szuka miejsca spokojnego.
 Lub tu konceptow niewiele,
 Takie rośnie u nas ziele
 Koźmi starte, z tych się brało
 Jeżeli słodczy mało
 Uważ taki czas y kraje,
 Bierz to mile coć rad daje....

Въ „Лютнѣ“ болѣе тысячи стихотвореній. Не менѣе пятисотъ виршей посвящено прославленію Бога, пресв. Дѣвы, апостоловъ, пророковъ, ангеловъ и святыхъ. Вирши этого разряда болшею частью безцвѣтны и безсодержательны. Изрѣдка прорывается теплое религиозное чувство, напр., въ стихотвореніи „Do Pana wieka smętny usieka“: „Какъ скоро налетитъ горе, ищи покрова у Бога. Кто другой утѣшитъ, какъ не Богъ. Въ горѣ пусть каждый спѣшитъ къ Богу, и Богъ его утѣшитъ. Если и ангелы не имѣютъ другой радости, кромѣ Бога, то гдѣ людямъ ее искать.... Пусть бушуетъ вѣтеръ, люди безъ воли Бога не упадутъ; пусть море грозитъ залить своими волнами, ничего оно не можетъ сдѣлать, когда Богъ съ нами; пусть рыкаютъ

*

львы, воютъ волки, люди будутъ спокойно жить, возложивъ упованіе на Бога“... Въ стихотвореніи „Serce skruszone Bogiem lubione“: „Согрѣшилъ и сердечно раскаиваюсь, чтобы потомъ не страдать вѣчно. Боже, сокрушающій скалы, сокруши и мое сердце; пусть выльетъ оно тебѣ хвалу и проч.“ (стр. 26). Въ стихотвореніи „Rzecz to jest droga, gdy chwalisz Boga:

Tobie niech chwała będzie Jedynemu
Bogu, a nie mnie Ciebie chwalaćemu;
Ja tchnąć nie mogę jeśli nie przez Ciebie;
O bym posłyszał, jak Cię chwala w niebie.
Radbym Cię chwalił nie wydałam zgoła.
Każde stworzenie twoja chwałę wola.... (III).

Стихотвореніе „Do Boga prozba na czarta grozba“ представляетъ молитву:

Tobie należy zmiłować się, Boże,
Krom cie grzesznemu inny kto pomoże;
Ty morze łaski, day mi krople jaka,
A ja omyje ma zmaze wszelaka.
Tyś siła moja, posil mie w słabości;
Tyś mądrość moja, naucz mie w głupości;
Tyś me lekarstwo, ulecz mie w chorobie и т. д. (123).

Постоянно имѣя въ виду высокое восхваленіе божества, архіеп. Лазарь нуждался въ искусственныхъ пособіяхъ, прибѣгалъ часто къ натяжкамъ, напр.; сравнивалъ Іисуса Христа съ разными языческими богами (стр. 36), св. Троицу сравнивалъ съ тремя дарами риторики (знаніе, удовольствіе и возбужденіе къ труду) (стр. 164), сравнивалъ Іисуса Христа въ гробѣ съ медомъ въ погребу (стр. 181).

Попадаются стихотворенія сильныя и выразительныя, напр. „Dzis u swiata co za lata“?, „Bez Boga wnet twoga“, и нѣсколько другихъ. Барановичу преимушественно удастся начало стихотворенія. Видно,

что его внезапно поразила мысль, нахлынуло сильное чувство, и онъ послѣшно закрѣпилъ ихъ въ двухъ-трехъ строкахъ; далѣе слѣдуетъ обыкновенно безцвѣтное повтореніе или размазываніе того, что достаточно ясно выражено въ началѣ стихотворенія. Какъ на образцы удачнаго начала стихотворенія можно указать на слѣдующіе стихи:

Zwyczajna w świecie, że płacze dziecko;
Płaczu y stary, idąc na mary;
U ten co skacze, po chwili płacze.... (97).

Jam śnieg, Bog ogień,—jak puści promienie,
Wnet się z mych oczu łza strumieniem żenie.... (172).

Jeżeli słońce y miesiąc przed Tobą
Nie czyste, coż ja z ma grzesna osoba.... (177).

Ludzie zdrowia mi nie dadzą,
Nic nie radzą, chyba zdradzą;
Lubom grzeszny, Boże, Ciebie,
Proszę, y mnie postaw w Niebie.... (107).

Пять-шесть стихотвореній имѣютъ нравственно-назидательный характеръ, напр., въ стихотвореніи „Kto bratu jaki y Bog mu taki“ проводится мысль о необходимости дѣятельной любви къ ближнему, о милосердіи (стр. 94); въ стихотвореніи „Lubcie Boga ta rzec droga“ говорится, что „Ziemna moneta szkodzi nie jednemu“, что серебро и золото ослѣпляютъ людямъ глаза (стр. 129).

Церковно-бытоваго элемента въ стихотвореніяхъ Барановича почти нѣтъ. Въ стихотвореніи „Pokłony tez małe y te mają chwałę“ проводится схоластическое различіе

между большимъ и малымъ поклономъ, причеиъ малому поклону, совершенному съ усердіемъ, придается та же сила, что и поклону большому (стр. 87).

Въ стихотвореніяхъ о солнцѣ и мѣсяцѣ, изрѣдка въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ Иисусу Христу, обнаруживаются нѣкоторыя свѣдѣнія архіепископа Лазаря о міроустройствѣ. Барановичъ нѣсколько разъ говоритъ, что солнце своими лучами производитъ въ землѣ минералы и металлы (стр. 129, 275); мѣсяць сообщаетъ звѣздамъ ясность (275); солнце—лампада, зажженная рукой Бога для человѣка (276). „Ugrzana ziemia słońca promieniami buynemi ludziy nadarza kłosami; wilgotny mieśiac sucha ziemie chłodzi y to sprawuje, że nam ziemia rodzi“ (277). Въ одномъ стихотвореніи высказано мнѣніе, что червякъ зарождается отъ солнечныхъ лучей: „jako robak bez nasienia rodzi z samego od słońca promienia, tak się y Chrystus bez nasienia rodzi“ (106). Въ стихотвореніи на мѣсяцы январь, февраль, мартъ и друг. высказано нѣсколько астрологическихъ нелѣпостей, въ родѣ того, что мартъ располагаетъ людей къ смерти; въ январѣ роятся пьяницы.

Къ числу лучшихъ стихотвореній Барановича принадлежатъ стихотворенія о веснѣ, о жатвѣ, о тучѣ, о погодѣ и о зимѣ.

Wiosna nim miłym dżdżem ziemię poleje,
 Zwyczajna wiatrem tęgim naprzód wieje.
 Z ciepłych ptaszęta krajów przylatają,
 Wnet nam głosami swemi zaspiewają;
 Skowronek trzepiąc po wietrze skrzydłami
 Napelni one swojemi głosami;
 Iaskółka z zimney wyleciawszy wody,
 Sam tam latając zażyje swobody....
 Zazielenią się dzczem skropione role;
 Różne wnet kwiaty, jako jakie plemię
 Z swojej się Matki na świat puszcza ziemię.
 Skoro słoneczne ugrzeją promienie,

Mrowki y krowki ziemia z się wyżenie....
 Y żaby w bagnach wiosnę przywitają
 Głosami, jake z swej natury maja;
 Z ulow wylecą na powietrze pszczoły;
 Wiosna koźdmu czas zgoła wesoly (287—288).

Jak kopiynicy stoją kłosy w polu,
 A żency poczną żać onych bez bolu;
 Pot z żencow ciecze, bitwa tu nie krwawa;
 Pożęte kłosy w snopy składać sprawa:
 A z snopkow kopy pocieszne mogiły,
 Ktoremi nasze skrzepiają się siły;
 Po tym mogiły te wiozą do gumna:
 Gospódorzowi mysl się rodzi dumna,
 Młocić go każe; pomłoczone zboże
 Odwiozą po tym na młynarskie noże;
 Mąkę przywioza kiedy piekarczowi,
 Do dzieże wspanie piecowi gotowi;
 Z pieca wychodzi aż nasze zagrzanie,
 Z praca chleb idzie; z tąd ma swe kochanie (310).

Tęcza na niebie pięknie farbowana
 Od kraśnieyszego miedzy ludzmi Pana;
 Tysiąc farb rożnych nadanych od słońca,
 Z poczatku piękna tęcza aż do końca....
 Nie długo tęcza piękna trwa, wnet znika,
 Pod słońcem piękność tak koźda umyka....
 W Bogu jedynym jest piękność bezpieczna. (325).

.... Pohamuj Panię, pohamuj tve wody;
 Dosyć dźczu mają pola y ogrody;
 Co żywo by się na pole pusciło,

Robić by wszystkim przy pogodzie miło.
 Pochmurno wszystkim, gdy chmury na niebie;
 Kożdemu w swojej niésporo potrzebie:
 Dźczem niebo płacze,—gospodarze łzami,
 Że żniwa w polu, oni nie żeńcami.

..... (327).

Sanmi zima jedzie
 Po sniegu y ledzie.

Już zima swemi powiewa wiatrami,
 Dając znać, że chce tuż zimować z nami;
 Sypie się za nia w białey śnieżney szacie
 Czeladz, spyta nas a czy kożuch macie?

..... (330).

Въ стихотвореніяхъ о четырехъ временахъ года, о морозѣ, о вѣтрѣ и т. п. попадаются мѣстами бойкія реальныя черты; мѣстами обнаруживаются характерныя бытовыя особенности; напр., въ стихотвореніи о морозѣ „dachi trzeszczą od mrozu“ (стр. 333); авторъ отмѣтилъ этими словами ту любопытную бытовую черту, что въ домахъ съ деревянной крышей во время сильнаго мороза крыша мѣстами, гдѣ гвозди, съ шумомъ трескается, и гвозди при этомъ выдвигаются наружу; въ одномъ стихотвореніи говорится объ обычаѣ держать въ комнатѣ въ клѣткахъ соловьевъ (302); въ другомъ мѣстѣ:

Medyk lubo by był y znamienity;
 Wzglad na uryny ma y na womity;
 Chorego wilgosć z tych znakow poznawa,
 Według choroby y lekarstwa dawa (136).

Мимоходомъ Барановичъ отмѣтилъ въ „Лютнѣ“ два недостатка въ современномъ ему обществѣ; первый: „rochlebcow mają panowie u siebie“ (367). Второй недостатокъ состоялъ въ подкрашиваніи лица бѣлилами и румянами (373). Бытовой характеръ имѣютъ

также стихотворенія „O trwaniu na modlitwie“, „Jakiey muzyki trzeba na prazniki“, „Jeden bogaty na drugim łątu“. Въ первомъ стихотвореніи находится наставленіе слушать внимательно въ церкви пѣніе и чтеніе, не думать о суетныхъ мірскихъ дѣлахъ (355); во второмъ находится жалоба на то, что „jak przydzie praznik rzadki nie braźnik, postawi swice, zfarbuje lice; zwyczaj przeklęty, kiedy dzień święty, to pijatyka, to u muzyka; gdzie by chwaliли, Pana wielbili, to miasto Pana trzymają dzbana“ (365); въ третьемъ находится наставленіе, чтобы богатые помогали бѣднымъ, а то

U bogatego mole szaty jedzą,
 A żebracy zaś w rynku nago siedzą;
 W ziemie swe bogacz srebro słoto wnosi,
 Szelaga żebrak nędzny nieuprosi;
 Różne napoje zamknięte w piwnicy,
 Z pragnienia żebrak kona na ulicy;
 Szczury w spiżarniach ziarna pojadają,
 Nędzni żebracy z głodu umerają.... (344).

Въ стихотвореніи „Gadkę tę snadnie u kto nie zgadnie“ говорится объ уніи:

Iest jedna Pani, ni ptak ni to zwierze,
 U z wschodem trzyma u z zachodem w wierze....
 Na dwóch gałęziach trudno ptaku siedzieć,
 O jednym drzewie lepiej by mu wiedzieć:
 Albo się trzymać jednego wschodu,
 Albo się trzymać jednego zachodu.... (377).

Въ историческомъ отношеніи наибольшій интересъ представляютъ стихотворенія о войнахъ съ татарами. Несомнѣнно, это—лучшія произведенія Барановича. Стихотворенія о войнахъ проникнуты патриотизмомъ, искренней любовью къ родному краю. Обыкновенно сухой стихъ автора получаетъ сразу большую силу; повсюду пробивается свѣтлая мысль и теплое чувство.

Къ лучшимъ стихотвореніямъ этого разряда принадлежатъ: „Ten rozor Ukrainy, że w niey wszystko ruiny“.

Iak łódź na wodzie wałami się chwieje,
Toż z Ukrainą nasza biedna dzieje,
Y gorzey jeszcze,—łódź płynie na wodzie
A Ukraina we krwi, że w niezgodzie.
Panie, Ty wiatry, Ty władniesz wodami,
Spraw niechay cicho będzie miedzy nami (413).

Барановичъ сѣтуеъ на упадокъ воинственности въ народѣ и на усиленіе внутреннихъ междоусобій и раздоровъ.

Męszczyźnie wstyd jest równać się niewiescie.
A y niewiasty kiedyś się bijali,
Z łukiem na koniach jak męże siadali,
Poniewiesciało dzisiaj; bo co żywo,
To za gorzałke wzięło y za piwo.
Wskrześ, Panie, stare nam waleczny męże,
Ktorzy jak pioro nosili oręże.., (420).

Барановичъ молитъ Бога установить въ Малороссіи миръ и спокойствіе, такъ какъ страна истомилась отъ внутреннихъ волненій.

Ościec synu nie wierzy, y syn oycu równie... (419).

Авторъ поднимаетъ малороссовъ противъ ихъ давнихъ враговъ—татаръ и во внутреннемъ согласіи видитъ необходимое средство для удачной борьбы съ крымскими хищниками. По ненависти къ бусурманамъ, татарамъ и туркамъ, Барановичъ былъ истый сынъ украинскаго народа. Его любимой мечтой было уничтожить крымскихъ хищниковъ. „Татаринъ—песъ, татаринъ—волье“, иначе Барановичъ не говоритъ о татарахъ въ своихъ письмахъ. „О далъ бы Богъ и научилъ руки казацкія, писалъ онъ Симеону Полоцкому въ 1668 г., на сраженіе и персты ихъ на брань съ ордами, чтобы и нога ихъ въ Украинѣ не осталась“.

То же желаніе обнаруживается во многихъ мѣстахъ „Лютни“, преимущественно въ стихотвореніи „Aby koczacka łudka k turkam płyła pobudka“.

O sławna Ruś, swój kurek
 Niech obroci do Turek,
 A tam bracia wyzwoli,
 Że w niewoli ich boli;
 Zapomnieliście braci,
 Brat brata lekce traći;
 Czemuś o bratu niedbały;
 Brat twój w Turczach sypie waly,
 W okowach swe nogi nosi,
 Sztuki chleba żebrzak prosi;
 Surowe nastały lata,
 Że brat zapomina brata;
 Nie piękna. Brat jeden skacze
 Doma; w Turczach drugi płacze;
 Żona zamaż idzie w domie,
 A mąż w Turczach leży w słomie.
 Potyś miało czekać z łzami,
 Aż się pożegna z Turkami.
 Niemasz miłości na świecie,
 Pomarзли ludzie y lecie;
 Dobra miłość zapal Panie;
 Zły gniew w ludziach niech ustanie;
 Zasiey miłość, niech zarodzi,
 We krwi człowiek niech niebrodzi (427).

Любопытная особенность „Лютни“ состоитъ въ томъ, что здѣсь Барановичъ къ полякамъ относится довольно сочувственно. Только въ одномъ стихотвореніи говорится о догматическихъ и обрядовыхъ отличіяхъ православія отъ католицизма, говорится вполне спокойно, и о католикахъ-полякахъ помину нѣтъ. Въ стихотвореніяхъ о войнѣ Барановичъ часто соединяетъ интересы малороссовъ и поляковъ въ одно и высказы-

ваетъ сожалѣніе, что народы эти взаимной враждой ослабляютъ себя и открываютъ туркамъ и татарамъ путь въ свои страны. Желая подчиненія Малороссіи московскому царю въ интересахъ вѣры православной, Барановичъ, однако, былъ далекъ отъ того, чтобы желать вражды между тремя наиболѣе многочисленными и даровитыми славянскими народами. Напротивъ, его политическимъ идеаломъ былъ союзъ Москвы, Польши и Украины, и въ этомъ союзѣ онъ усматривалъ вѣрную гарантію отъ нападенія иноплеменныхъ народовъ, въ особенности турокъ и татаръ. Высказывая иногда пожеланіе, чтобы московскій и польскій орлы соединились противъ хищныхъ татаръ, Барановичъ въ особенности часто и охотно сближаетъ поляка и малоросса высказываетъ обоимъ одни и тѣ же пожеланія. Напр., въ стихотвореніи „Gospodarzu stary pomoż na tatory“, Барановичъ говоритъ.

Od Tatarzyna Lecha y Rusina
 Ochraniay Boże; na nich łuk napina,
 A oni z sobą że nie w sworze chodzą,
 Tatarzynowi barzo na się godzą,
 Day zgodę Panie między kozakami,—
 Gra nam nie bitwa będzie z Tatarami.... (418).

Благосклонное отношеніе черниговскаго архіепископа къ полякамъ, его прямое уваженіе къ даровитому польскому народу въ особенности ясно обнаруживается въ стихотвореніи на распространенную въ его время поговорку: „nie będzie jako swiat swiatem rusin polakowi bratem“.

Tego authora już nie masz na swiecie,
 Więc śmiało pisać, że ładaco piecie.
 Prawda, że jeden spobował drugiego,
 Obudwom przyznać, że serca dobrego.
 Boże, pomnażay miłość między niemi,

Niech lubiąc Boga, że są bliźni sobie,
 Y siebie lubią, nie kładą sie w grobie.
 Wszak wilcy często w ich ziemie wpadają,
 Niech siebie lubią, a ich wyganiają.
 Pożalsis Boże nieszczęsney godziny,
 Że się sarmackie z sobą łukli syny.
 Turczyn się cieszył, że z sobą wadzili;
 Cni chrześcianie silki nadwatlili;
 By obrocili siły na Turczyna,
 Dawno by zniesli tego poganina....
 Rusin go mężny y lech potężny wałecznie pobiję.
 Mężny rusinie nie wadzsie z polaki,
 Wzieliście zwyczaj zgoła ładajaki,—
 Iest z kim probować siły, turka z, tatarami
 Zbicie; tedy nadarzy Pan Bog was scarbami.
 Scarb to największy—Pańskim grobom władnie
 Ten pies; należy że wam; kto nie zgodnie;
 O jak u Turkow braci naszej wiele
 Czekają, byście wojowali smiele,—
 Chodzą w okowach, turkom sypią wały....
 Rusinie z lechem wyzwol bracia swoja.... (427—428).

Стихотворение это, полное национальной терпимости, проникнутое любовью къ малороссамъ, вполне доброжелательное относительно поляковъ, написано въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, вѣроятно, въ 1668 году, въ томъ самомъ году, когда литовскій гетманъ Паць говорилъ присланному къ нему московскимъ правительствомъ подъячму Полкову: „Надобно обоимъ великимъ государямъ, совокупя войска, высъчь и выжечь всѣхъ измѣнниковъ черкасъ, чтобъ мѣста ихъ были пусты“ ¹⁾. Не трудно признать, что вся справедливость была на сторонѣ идеалиста Барановича, другими словами, на сторонѣ того народа, изъ среды котораго онъ вы-

¹⁾ Соловьевъ, XII, 34.

шель, народа малорусскаго, въ тяжелыя минуты своего историческаго существованія заявившаго требованіе національной свободы и взаимнаго племеннаго единенія. Можетъ быть, мягкость, гуманность, чистота стремленій малорусскаго славянофильства, какъ оно заявлено Барановичемъ и Галятовскимъ въ XVII ст., (Н. И. Костомаровымъ и Шевченкомъ въ XIX столѣтіи) тѣмъ и вызваны, что малорусскій народъ былъ въ теченіи всего своего историческаго существованія народомъ страдательнымъ, придавленнымъ той или другой родственной народностью. Слово любви и состраданія, сколько извѣстно, большею частью исходило отъ приниженаго и угнетеннаго, а не отъ сильнаго и властнаго. Самыя историческія бѣдствія возбуждали въ народѣ страстное исканіе правды и любви. Въ то время какъ одни ожесточались, требовали мщенія и кровопролитія, другіе проникались христіанскими началами милосердія, любви, смиренія и клали свою душу за своихъ ближнихъ. Постоянное несчастіе, постоянныя бѣдствія нравственно очистили и облагородили малорусскій народъ. Барановичъ сильно ошибался, когда 1-го ноября 1668 года писалъ Симеону Полоцкому, что полякъ, потерявши, вразумляется ¹⁾. Въ польскомъ народѣ ходила такого рода пословица; но врядъ ли она была справедлива во время Барановича. Полякъ слишкомъ привыкъ къ внѣшнему политическому блеску, слишкомъ долго помыкалъ родственной малорусской народностью, искусился въ гоненіи на православіе, и несчастіе долгое время не могло очистить его совѣсти. Какъ бы то ни было, стихотворенія Барановича „Gospodarzu stary“ (417), „Nie będzie“ (427) и „Rusin do polaka“ (543) имѣютъ значительный историко-культурный интересъ, какъ документальное доказательство того, что южнорусскій народъ въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, въ минуту наиболь-

¹⁾ Письма Л. Баран. 53.

шаго гоненія латино-уніатовъ на православіе, первый протягивалъ польскому народу руку примиренія, въ интересахъ общихъ, болѣе того, въ интересахъ всего христіанскаго міра, и не его вина, если ослѣпленная іезуитскимъ духомъ религіозной нетерпимости, шляхетски гордая Польша надменно оттолкнула эту сильную руку, которая въ критическій моментъ предоохранила бы ее отъ гибели и, быть можетъ, значительно ускорила бы побѣду славянскаго міра надъ міромъ турецко-татарскимъ.

О ви́шнемъ строеніи стихотвореній Барановича можно сказать немного; есть стихотворенія длинныя, въ нѣсколько страницъ; есть стихотворенія краткія, въ двѣ строки. Размѣръ въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ одиннадцати слоговъ, т. е. въ каждой строкѣ 11 слоговъ, причѣмъ первые 5 отдѣляются отъ остальныхъ шести цезурой или интонаціей. Изрѣдка встрѣчается 4+3 слога въ каждой строкѣ. Встрѣчается также размѣръ 5+5. Въ послѣднемъ случаѣ стихотворенія напечатаны, съ цѣлью яснаго обозначенія цезуры, въ два столбца; на примѣръ:

Komu się zdarza

Niechay się trwoży

Lub nie widomie

Jśc do ołtarza

Bo tam Syn Boży,

Siedzi, jak w domie....

Рифмуются большею частью послѣдніе слоги первой и второй строки, третьей и четвертой и т. д. Довольно часто встрѣчается аллитерація или два созвучные слога въ одной и той же строкѣ, въ срединѣ ея и въ концѣ. Вирши о крестѣ являются схоластическими игрушками; напр. $a \overset{1}{+} v$, вирша на тему „крестъ наша

слава“; $o \overset{p}{+} n$, и вирша на тему „крестъ мость на небо“;

$p \overset{s}{+} e$, и вирша на тему „крестъ наша надежда“ и т. д.

Архіеп. Лазарь любилъ короткія и сильныя выраженія, особенно пословицы. Пословицы попадаются и въ „Лютнѣ“; но особенно часто онѣ встрѣчаются въ его письмахъ къ разнымъ лицамъ; напр., „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“, „нашла свадьба рубашку“, „не имѣла баба хлопотъ, та била порося“, „что есть въ печи, на столъ мечи“, „слово выростетъ воробцомъ, а уростетъ въ вола“, „съ чужого коня и въ грязи слѣзаютъ“.

Въ 1675 году скончался Нелюбовичъ-Тукальскій. Жизнь его была полна приключеній и горя. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ былъ могилевскимъ епископомъ; въ 1663 году назначенъ кievскимъ митрополитомъ. Твердо охраняя православіе, онъ навлекъ на себя гоненіе латино-уніатовъ. Въ 1664 году онъ былъ заключенъ въ Маріенбургъ, гдѣ высидѣлъ около двухъ лѣтъ. Освобожденный въ 1667 г. по просьбѣ Дорошенка, Тукальскій получилъ отъ констант. патриарха утвержденіе въ санѣ митрополита съ званіемъ экзарха въ 1668 г. 1) Не признанный московскимъ правительствомъ, Тукальскій не могъ поселиться въ Кіевѣ и пребывалъ то въ Каневѣ, то въ Чигиринѣ, при Дорошенкѣ. Онъ ненавидѣлъ католическую Польшу, недолго любилъ Москву и склонилъ Дорошенка подчиниться туркамъ, въ чемъ впоследствии сильно раскаивался и убѣждалъ Дорошенка подчиниться Москвѣ. Незадолго до смерти Тукальскаго Ромодановскій и Самойловичъ бомбардировали Чигиринъ. Домъ Тукальскаго былъ разбитъ гранатами; митрополитъ ушелъ въ верхній городъ и тамъ заболѣлъ отъ страха. Крымскій ханъ прислалъ своего доктора лѣчить его 2). Народъ любилъ Тукальскаго; малорусское духовенство его уважало. Ин. Гизель отзывался

1) Филаретъ, Обзоръ духовн. литер. I, 283.

2) Соловьевъ, XII, 140, 160, 170, 17, 251.

о немъ съ большимъ уваженіемъ. Барановичъ несомнѣнно уважалъ Тукальскаго, хотя и старался удержать въ своей власти духовенство въ лѣвобережной Украинѣ и въ Кіевѣ, тянувшее къ м. Іосифу, какъ лицу, признанному константинопольскимъ патріархомъ въ званіи митрополита и въ добавокъ еще его ексарху. Изъ писемъ Барановича къ Тукальскому въ 1669 г. видно, что черниговскій архіепископъ относился съ уваженіемъ къ невластному митрополиту. Послѣ смерти Тукальскаго Барановичъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не прибавить къ прежнимъ своимъ стихотвореніямъ на смерть П. Могилы, С. Коссова и Д. Балабана шесть стихотвореній на смерть Тукальскаго на польскомъ языкѣ. Это скучныя и малосодержательныя вирши. Въ нихъ говорится, что не одна бѣда угнетала Тукальскаго, и не такъ лѣта, какъ тревоги его съѣли; не имѣлъ онъ удачи въ столь жестокой вѣкѣ; онъ сильно желалъ поселиться въ Кіевѣ и умеръ, тоскуя, въ сторонѣ отъ Кіева¹⁾.

Въ 1668 г. вышла въ Вильнѣ „Stara wiaga“ Павла Боймы, направленная противъ православія. Это было сильное полемическое сочиненіе, биткомъ набитое разными схоластическими аргументами, ссылками на св. писаніе и отцовъ церкви. Главная сила доказательствъ обращена была на католическій догматъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Бойма рѣшительно утверждалъ, что православные потому упорствуютъ въ сохраненіи ученія объ исхожденіи св. Духа единственно отъ Отца, равно какъ и въ сохраненіи другихъ особенностей своего вѣроученія, что плохо понимаютъ св. писаніе, что между ними нѣтъ достаточно образованныхъ людей. Всѣми этими мнѣніями Боймы Барановичъ былъ возмущенъ. „Спорный вопросъ его не пустой; худо будетъ не отвѣчать“, писалъ онъ И. Гизелю и Ѳ. Софоновичу. „Хотя въ нынѣшнее тяжкое время у всякаго

¹⁾ Самуилъ Величко, Лѣтописъ II. 384—388.

свои недостатки и занятія, однако, настоящая потребность церкви, какъ кровь Авелева, взываетъ къ намъ, сынамъ ея, дабы мы защищали ее“, писалъ тогда же архіепископъ Лазарь В. Ясинскому. Барановичъ выступилъ противъ Боймы самостоятельно и къ тому же побудилъ своихъ друзей, Гизеля и Галятовскаго. Въ началѣ 1670 г. у него готова была первая часть „Новой Мѣры“ о главенствѣ папы; въ августѣ 1671 г. была готова и вторая часть, объ исхожденіи св. Духа. Барановичъ проработалъ надъ своимъ возраженіемъ Боймѣ полтора года. Въ это время его стѣсняли, вопервыхъ, болѣзни, вовторыхъ — недостатокъ книгъ. „Отъ моей „Мѣры“ чуть не были мнѣ мары, писалъ Барановичъ Гизелю въ 1671 году. Крѣпко памятно мнѣ, что я корпѣлъ надъ нею полтора года, не имѣя у себя авторовъ, а пользовался только тѣми, которые у меня были. Ревность же научила мудрости удовольствовать ее тѣми, что извлечено изъ писанія и послать это на судъ высшій, къ вашей пречестности, съ тѣми чтобы вы тросточку мою оправиди свидѣтельствами авторовъ и церковными исторіями, какъ золотомъ какимъ“. Нужно замѣтить, что Барановичъ просилъ также Софоновича и Ясинскаго исправить его трудъ. Такъ, онъ писалъ Θεодосію Софоновичу: „Прошу вашу пречестность принять трудъ о приведенныхъ имъ (т. е. Боймой) доказательствахъ справиться съ своими отцами; я видѣлъ нѣкоторыхъ позднѣйшаго изданія; онъ такъ цитируетъ, какъ тамъ есть; для насъ одинъ исходъ, — вывести наружу подлогъ новыхъ книгъ для того единственно, чтобы противуставить имъ свидѣтельство изъ старыхъ“. „Знаю, писалъ Барановичъ въ то же время Ин. Гизелю, что у васъ должны быть старинныя замѣтки, какъ у записнаго стараго подвижника. Покорно прошу у вашей пречестности этихъ пряностей для поправки моей протухлой дичины“. Что просьбы архіепископа Лазаря не были гласомъ вошію-

щаго въ пустынь, что Гизель прибавилъ пряностей къ его сочиненію, видно, между прочимъ, изъ одного письма Барановича къ Гизелю. „Вы свою ревность простерли далеко, говоритъ Барановичъ; ибо вмѣсто части, какъ я или паче церковь просили васъ, заблаго-разсудили исправить весь трудъ мой. Да будетъ благословенъ Господь, воспламенившій въ васъ такую ревность“¹⁾. Эти просьбы Барановича объ исправленіи его труда, несомнѣнное участіе Гизеля въ исправленіи „Новой Мѣры“, весьма возможное участіе въ этомъ дѣлѣ Софонова, Галятовскаго и Ясинскаго, обширная переписка русскихъ писателей во второй половинѣ XVII ст. по поводу изданія того или другаго сочиненія, все это въ совокупности заставляетъ смотрѣть на каждое сочиненіе того времени, въ особенности на каждое сочиненіе Барановича, какъ на выраженіе мнѣній не одного лица, а обширнаго круга духовныхъ лицъ.

Одно время былъ вопросъ, издать ли „Новую Мѣру“ анонимно или съ подписью. Барановичъ рѣшилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Не настаиваю о подписѣ, писалъ онъ Гизелю, если и утаено будетъ имя, какъ это обыкновенно дѣлается въ такомъ случаѣ; только никакъ не приходится намъ молчать; а Бойма сказалъ бы тогда, что мы его боимся; и такъ оставимъ весь страхъ ляхамъ“²⁾. „Nowa Miara starey wiary“ вышла изъ кіево-печерской типографіи въ 1676 г., за полной подписью автора.

„Nowa miara“ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части (стран. 1—124) говорится о главенствѣ папы; во второй, большей части (115—353)—объ исхожденіи

¹⁾ Письма Л. Баран. 103, 104, 106, 107, 108, 109, 143, 147.

²⁾ Ibid. 116.

св. Духа ¹⁾. Какъ въ изложеніи доводовъ, такъ и въ языкѣ, которымъ написанъ этотъ любопытный памятникъ, обнаруживается живая, подвижная натура Барановича, его склонность къ стихотворству и его значительное школьное образованіе. Опровергая доводы Боймы о главенствѣ папы, Барановичъ въ однихъ случаяхъ кратокъ, въ другихъ мѣстахъ слишкомъ словоохотливъ. Онъ иногда отклоняется въ сторону отъ предмета изложенія, вставляетъ вирши или излагаетъ религіозно-церковные предметы рифмованной прозой. Онъ не любитъ долго останавливаться на разборѣ мнѣній противника и спѣшитъ отдѣлаться отъ него бойкой фразой, стихотвореніемъ или приведеніемъ историческаго факта. Лучшій элементъ въ „Новой мѣрѣ“, — это искренность писателя, проглядывающая мѣстами въ сочиненіи задушевность и любовь къ родинѣ.

Вступленіемъ въ первой части „Новой Мѣры“ служить цѣлый рядъ виршей и нѣсколько прозаическихъ предисловій; одно предисловіе къ пресв. Богородицѣ, изъ котораго мы узнаемъ, что Барановичъ хотѣлъ посвятить „Новую Мѣру“ ц. Алексѣю Михайловичу, но царь скончался, и потому онъ посвятилъ свое произведеніе Богоматери; другое предисловіе обращено къ Боймѣ, третье — къ читателю. Въ разсужденіи о главенствѣ папы Барановичъ опровергаетъ приводимыя Боймой доказательства отступничества грековъ и русскихъ. На первыхъ страницахъ находится доказательство того положенія, что не ап. Петръ глава церкви, а Христосъ, — что константинопольскіе патріархи не были подсудны папамъ; что въ православной церкви нѣтъ

¹⁾ Мы пользовались экз. „Now Miaga“, находящимся въ библ. харьк. дух. семин. Экз. этотъ принадлежалъ нѣкогда митроп. Стеф. Яворскому и въ 1732 г. былъ переданъ въ библ. харьк. коллегіума бѣгородскимъ архіеп. Досифеемъ.

недостатка въ святыхъ. По словамъ Барановича, православные народы имѣютъ своихъ патроновъ, наприм., сербскій народъ св. Савву, Москва—св. Петра, св. Алексія и мн. другихъ. „И времени не стало бы, замѣчаетъ Барановичъ, если бы я сталъ пересчитывать русскихъ святыхъ, которые, что звѣзды, все болѣе и болѣе появляются и блестятъ на русскомъ небѣ“. Въ опредѣленіи выбора между ересью и уніей, затѣмъ между католицизмомъ и уніей, Барановичъ склоняется на сторону народнаго мнѣнія, что, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, лучше сдѣлаться еретиками или католиками, чѣмъ уніатами,—ужь сильно уніаты „*Za stara ruska skore zalali*“. Сдѣлавъ изъ бл. Августина нѣсколько выдержекъ въ доказательство, что глава церкви—Христось, Барановичъ подкрѣпляетъ свои доводы стихотвореніемъ „*Piotr Chrystusowych nożek podnożek*“, Въ концѣ первой части находится интересная глава: „*Czemu od Rzymu stárego stroni stary ruśin*“: „*Obiega cerkiew jek nievinna Susanna w starym Rzymia starcow mędrcom, obiega wymownych Ciceronow...., obiega Aristotelesewe argumenta: ma przestroga przez doktora narodow: patrzcie by kto was nieoszukał przez philosophią obiega Senecow, bo Seneca se necat, sam siebie krwa śmierć obrał. Pełny Rzym w Bogi i w Boginie: Iuno, Westa, Minerwa, Céres, Diana, Wenus. Mars, Mercurius: Jowis, Neptunus, Vulkanus, Apollo, a Chrystus Cerkwi. „Martho, Martho! trosczes“.... Bog, Bogarodźica,—precz Bogi, precz Boginie; kto się tych trzyma zbawia, a kto się onych ginie. Cerkwi za wszystkie rzymskie doktory jeden doctor Chrystus. Lecz wy ne takeście się Chrystusa nuczyl; jeśliście go jednak sluchali i w nim jesteście wyuczeni (jako jest prawda w Jezusie), abyście złożyli według dawniego obcowania starego człowieka, który się psuje według żadz błędu, a odnowcie się w nowego człowieka, który wedle Boga stworzony jest w sprawiedliwości y swiatobliwości prawdy.... Przyszly czasu*

jednego dwie niewiasty przed krola Salomona o jedno się dziecie przed nim prawując (слѣдуетъ извѣстный библейскій разсказъ изъ 3 кн. Царствъ гл. 3 о судѣ Соломона). Napiera sie Cerkiew Wschod rusina jako wschodniego syna; napiera y Zachod Kościół; gdy Zachod wszystkie mieć nie może, kontentuje się y połowica: niech będzie rusin rozdzielony, niech będzie servus, niech sluzы y wschodowi y patryarsze, zachodowi y papieżowi. Że Wschod, własna matka, wschodniego syna całkiem pożada, dzielić go wschodowi y zachodowi nie pozwala: bo dwom panom według prawdy służyć nie możemy“¹⁾. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что прекрасныя замѣчанія Барановича въ письмахъ, „Лютнѣ“ и „Новой Мѣрѣ“

¹⁾ *Переводъ:* „Церковь, какъ невинная Сусанна, сторонится отъ древнихъ мудрецовъ древняго Рима, сторонится отъ краснорѣчивыхъ Цицероновъ, избѣгаетъ аристотелевскихъ доказательствъ, потому что получила отъ Господа предостереженіе: берегитесь, чтобы кто-нибудь не обманулъ васъ посредствомъ философіи,—бѣжить (церковь) отъ Сенекъ, потому что Сенека самъ лишилъ себя жизни. Римъ полонъ боговъ и богинь: Юнона, Минерва, Юпитеръ, Аполлонъ, а Христосъ сказалъ: „Марео, Марео, о многомъ заботишься“.... Пусть будетъ только Богъ и Богородица, прочь боговъ, прочь богинь! Кто слѣдуетъ первымъ—спасется, кто признаетъ послѣднихъ—погибнетъ. У церкви одинъ цѣлитель—Христосъ. Однако, вы недостаточно научились у Христа; если бы вы Его слушались и получили христіанское просвѣщеніе, то вы сложили бы ветхаго челоуѣка, который преисполненъ страстей, и облеклись бы въ новаго челоуѣка, который выражается въ истинѣ и въ правдѣ.... Однажды къ царю Соломону пришли двѣ женщины и заспорили объ одномъ ребенкѣ (слѣдуетъ библейскій разсказъ о судѣ Соломонѣ).... Нажимаетъ восточная церковь малоросса, какъ своего сына; нажимаетъ его и церковь западная; такъ какъ она не можетъ всецѣло имъ овладѣть, то довольствуется его половиной: пусть де украинецъ будетъ раздѣленъ, пусть будетъ онъ рабомъ, пусть служитъ востоку и западу, патріарху и папѣ. Но восточная церковь, какъ мать, желаетъ, чтобы малороссъ принадлежалъ ей всецѣло и не позволяетъ раздѣлить его между востокомъ и западомъ, потому что нельзя хорошо служить двумъ господамъ.“

объ эгоистическомъ разрываніи малорусскаго народа на части вызваны искреннимъ патріотизмомъ, порождены теплою любовью къ родному краю. Эта любовь не только согрѣвала сердце писателя, но и просвѣтляла его умъ, давала ему возможность на основаніи школьнаго образованія выработать вѣрный взглядъ на языческую основу католичества, взглядъ, столь мѣтко выраженный въ приведенныхъ выше строкахъ. Какъ бы въ отвѣтъ на римское притязаніе сдѣлать южнорусса рабомъ и разорвать его духовную жизнь на части, какъ бы въ успокоеніе его, Барановичъ приводитъ утѣшительныя слова 22-го псалма: „Господь пасеть мя, и ничто же мя лишить.... Уготовилъ еси предо мною трапезу сопротивъ стужающимъ мнѣ“. Какъ гордый не можетъ сойтись съ смиреннымъ, пьяница съ человекомъ трезвымъ, такъ, по мнѣнію Барановича, не можетъ состояться соединеніе латинства съ православіемъ. Для укрѣпленія православія Барановичъ совѣтуетъ своимъ землякамъ не довѣрять католикамъ и дѣйствовать во взаимномъ согласіи, сообща.

Вторая часть „Новой Мѣры“ представляетъ строго богословскій трактатъ объ исхожденіи св. Духа, изложенный въ видѣ отвѣтовъ на высказанные Боймой аргументы касательно Filioque. По вопросу объ исхожденіи св. Духа такъ много было писано и говорено до Барановича, что ему не было возможности сказать что либо новое или оригинальное. Оригинальность ученаго изслѣдователя, бравшагося за рѣшеніе богословскаго вопроса столь общаго свойства, какъ вопросъ, разработанный въ „Новой Мѣрѣ“, состояла въ распредѣленіи готоваго матеріала, въ обиліи и мѣткости силлогизмовъ, въ строфъ и тонфъ выражений, въ ясности и простотѣ языка. Барановичъ въ „Новой Мѣрѣ“, Галатовскій въ „Старомъ Костелѣ“, униатъ Рутка въ „Голіафѣ“ говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, хотя послѣдній, разумѣется, съ особой латино-униатской

точки зрѣнія, пользуются одними и тѣми же источниками, одинаково стѣснены въ свободѣ изслѣдованія и выраженной строго очерченными границами избраннаго ими богословскаго предмета; для нихъ одинаково было ясно, что *philosophis liberum est quibus voluerint uti verbis, theologis ad certam regulam loqui fas est*, и однако между этими писателями обнаруживается довольно крупное различіе, происходящее отъ особенности дарований. И Барановичъ, и Галятовскій, и Рутка прошли почти одинаковую образовательную школу; всѣ они воспитались на схоластическихъ коллегіумскихъ началахъ; и Барановичъ, и Галятовскій, и Рутка обнаружили большую зависимость отъ усвоенныхъ еще на школьной скамьѣ методовъ научной работы и полемической диспутаціи, только каждый на свой манеръ. Какъ ни сильно нивелировала въ духовномъ отношеніи схоластическая коллегіумская наука, какъ ни обезличивала іезуитская педагогія питомцевъ коллегій, въ нихъ все таки сохранялось извѣстное своеобразіе, обусловленное отчасти ихъ національнымъ происхожденіемъ, преимущественно ихъ природными духовными особенностями. Барановичъ, какъ натура поэтическая, увлекающаяся, выражается коротко, образно, ищетъ перваго благопріятнаго случая привести какое-нибудь подобіе, сравненіе или разсказъ, обнаруживаетъ слабость къ стихотворству и нужно-нужно, большею частью некстати, сыплетъ рифмами и виршами, и въ то же время, какъ натура увлекающаяся, онъ не переработалъ школьнаго матеріала, не продумалъ достаточно прочитанныхъ имъ книгъ, не овладѣлъ вполне ихъ содержаніемъ, и потому обнаруживаетъ большую зависимость отъ нихъ, что выражается, вопервыхъ, въ частыхъ изъ нихъ заимствованіяхъ, вовторыхъ—въ недостаточной систематизаціи заимствованій и въ третьихъ—въ постоянномъ пересыпаніи польскаго текста латинскими фразами. Галятовскій, какъ человѣкъ ума болѣе

строгаго и систематическаго, какъ натура менѣе увлекающаяся, менѣе впечатлительная, чѣмъ натура Барановича, при всей своей весьма значительной зависимости отъ школы и прочитанныхъ книгъ, обнаруживаетъ значительную самостоятельность и систематичность въ группировкѣ своихъ возраженій противникамъ православія, и въ отношеніи упорядоченія сыраго матеріала, послѣдовательности въ распредѣленіи доводовъ и вытекающей отсюда ясности мысли стоитъ къ своему антагонисту и противнику Руткѣ гораздо ближе, чѣмъ къ своему наставнику и руководителю Барановичу.

Въ предисловіи Барановичъ предостерегаетъ читателя отъ рациональнаго толкованія догматовъ вѣры на томъ основаніи, что *de Deo etiam vero loqui periculosum est, creditur non scitur Deus*. Онъ опровергаетъ мнѣнія латино-уніатовъ, высказанныя Боймой, что восточные отцы церкви, напр., Аѳанасій Александрійскій, признавали ученіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, что православные будто бы неправильно понимаютъ св. Писаніе и т. п. Въ концѣ второй части находится около тридцати виршей на тему объ исхожденіи св. Духа. Особое мѣсто занимаетъ вирша „*Sam Duchu święty Ruś pogodz z Lechami*“, въ которой Барановичъ высказываетъ свое постоянное желаніе, многократно имъ заявленное въ печати, чтобы состоялся миръ между малороссами, москвитянами и поляками и чтобы народы эти обратили свои силы на искорененіе турокъ.

Sam Duchu święty Ruś pogodz z Lechami

Gore by predko wzięli nad Turkami.

Jak wiele Ruśi holduje Turkowi,

Wszyscy Polakom pomagać gotowi.

Tylo czekają, aby była zgoda,

Z onemi będącie na Turka pogoda.

Барановичъ высказываетъ мысль, что ляхи, соединившись съ южноруссами и москвитянами, могли бы освободить румынъ и сербовъ отъ турецкаго ига, завоевать Палестину и создать здѣсь христіанское королевство. Вслѣдъ за пространнѣмъ стихотвореніемъ „Sam Duchu“, слѣдуетъ короткая вирша, въ которой высказывается радость автора по случаю установленія мира между Москвой и Польшей и высказывается его желаніе, чтобы „moskiewski orzeł z polskim gdy na Turka leci pazurmi mu gdy oczy wyderze, wnet oszpeci“ (т. е. московскій и польскій орлы, налетѣвъ на турка, выдерутъ ему когтями глаза и сразу его изуродуютъ).

Тонъ полемики въ „Новой Мѣрѣ“ мягкій. Барановичъ вообще отвергалъ полемическую рѣзкость и грубость: „Мое всегда было и теперь такое убѣжденіе, писалъ онъ въ іюнѣ 1671 г., чтобы отражать ихъ (т. е. латино-уніатовъ) миролюбно, и чтобы они приняли это съ уваженіемъ; самый предметъ важень, который если займетъ ихъ, то и побѣда наша“¹⁾.

Въ августѣ 1671 г. Барановичъ писалъ Ин. Гизелю: „Не одно для меня утѣшеніе отъ того, что моя Мѣра такъ плодovitа, что уже третьяго цыпленка вывела; все тройственное совершенно“....²⁾ Рѣчь идетъ о томъ, что, по инициативѣ Барановича, Гизель и Галятовскій въ это время готовили возраженія Боймѣ, первый—„Объ истинной вѣрѣ“, второй—„Stary kościół“.

Стебельскій говоритъ, что Барановичъ и Галятовскій въ своихъ разсужденіяхъ о происхожденіи св. Духа многое почерпнули изъ сочиненія грека Корція Хіуса „Rozmowa o pochodzeniu Ducha św od samego Ousa“³⁾. Насколько вѣрно это замѣчаніе Стебельскаго,

1) Письма Л. Барановича. 147.

2) Ibid. 154.

3) Wiszniewski, Hist. liter. VIII. 390. Хіусъ въ 1644 г. переѣхалъ изъ Константинополя въ Могилевъ.

трудно судить, по неимѣнію подъ руками сочиненія Хіуса, столь рѣдкаго, что его, кажется, нѣтъ ни въ одномъ русскомъ книгохранилищѣ, изъ описанныхъ или отмѣченныхъ въ печати. Можно думать, что Барановичъ и Галатовскій не знали Хіуса. Эти писатели, въ особенности Галатовскій, охотно дѣлають ссылки на прочитанныя ими сочиненія; имя Корція Хіуса не встрѣчается ни у Барановича, ни у Галатовскаго.

30-го января 1676 г. скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Барановичъ питаль къ Алексѣю Михайловичу чувство глубокаго уваженія, лично убѣдившись въ Москвѣ въ его добротѣ и религіозности, и чувство благодарности за оказанныя ему, архіепископу, благодѣянія. 24-го февраля онъ отправилъ Θεодору Алексѣевичу два небольшихъ своихъ сочиненія: „Вечерній плачь“ и „Заутреннюю радость“, при письмѣ слѣдующаго содержания: „Ваше царское пресвѣтлое величество въ сѣтованіи своемъ представленія ради блаженныя памяти отца своего имаши соболѣзную всю Россію, съ нею же и азъ, всегдашній вашего царскаго пресвѣтлаго величества богомолецъ, соболѣзнуя, въ знаменіе соболѣзнованія моего, аще и немощенъ, потрудился написать: „Вечерній плачь“ о преставленіи царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, благоутробно отца вашего, и „Заутреннюю радость“, яко горькій тотъ плачь ваше ц. п. величество усладилъ своимъ на престолъ отеческимъ сидѣніемъ и на радости претворилъ, который плачь и радость, сирѣчь книжицу, яже плачь и радость въ себѣ заключаетъ, вашему ц. п. величеству приношу“¹⁾. „Плачь и радость“ изложены виршами и изданы въ Кіевѣ. Это произведеніе Барановича сохранилось въ одномъ сборникѣ, находящемся въ

¹⁾ Дополненія къ актамъ историч. IX. № 1.

²⁾ Строевъ, Библиологическій словарь, стр. 185.

библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, въ концѣ сборника, на 125—152 лист. ²⁾). Галатовскій въ „Stary Kosciol“ упоминаетъ о двухъ сочиненіяхъ Барановича: „Księgi smierci“ и „Księgi rodzaju“. Вѣроятно, Галатовскій подѣ этими названіями разумѣлъ „Плачь“ и „Радость“, которые вышли въ свѣтъ раннѣе выхода „Стараго костела“. 14-го марта дана была Барановичу царская похвальная грамота по поводу присылки „Плача и радости“. Книга доставлена была царю архидіакономъ Лукой Григорьевымъ и уставщикомъ Іоилемъ. Съ этими же людьми царь послалъ Барановичу жалованье: 2 лисьихъ мѣха, 2 портища чернаго сукна, ладану, вина и проч. При этомъ выслана подтвердительная грамота на маестности ¹⁾).

Въ 1678 г. Барановичъ издалъ въ Черниговѣ на польскомъ языкѣ „O przygodach życia ludzkiego“ ²⁾).

Въ томъ же году Барановичъ составилъ предисловіе къ „Анеологіону сирѣчь Цвѣтослову или Трифологу“. Изложивъ здѣсь на основаніи св. Писанія сущность и значеніе церковныхъ службъ, архіепископъ Лазарь отъ лица всѣхъ святыхъ молитъ Бога о ниспосланіи ц. Θεодору Алексѣевичу долгоденствія и побѣды надъ врагами христовыми,—турками. „Да дхнеть духъ (мудрости) и протекутъ воды крови агарянскія, пролитыя мечомъ царскаго воинства“ ³⁾).

Въ 1680 году Барановичъ составилъ и издалъ нѣсколько небольшихъ сочиненій: „Слово благодарственное Иисусу Христу“, „Notiy pięć, ran Chrystusowych pięć“, „Wieniec Bożey Matki“ (142 стран.) ⁴⁾);—все это было издано въ черниговской типографіи. Въ декабрѣ

¹⁾ Акты ю. и з. Россіи. XII. № 171.

²⁾ Wisznewski, VIII, 389.

³⁾ Страдомскій, 68.

⁴⁾ Wisznewski, VIII, 389.

1680 г. изъ черниговской типографіи вышла „Благодать и истина Иисусъ Христосъ бысть, егда отъ него Іоаннъ Алексѣевичъ, знаменующій благодать, и Петръ Алексѣевичъ, знаменующій истину, поставлени суть царѣ надъ горою святою, его высокаго достоинства великія державы православнаго царствія російскаго. На немъ же яко благодать и истина царствуютъ“ in fol., 38 стран. 1). „Благодать и истина“ состоитъ въ восхваленіи царей Ивана и Петра; въ концѣ книги находится похвала ц. Софѣѣ и п. Іоакиму. Восхваленія крайне широки; мѣстами личности царей почти сливаются съ лицами св. Троицы; вставлено множество отрывковъ изъ св. Писанія, часто безъ связи и безъ надобности. Цѣль составленія „Благодати“ обнаруживается въ концѣ книги. Здѣсь говорится, что ц. Алексѣй Михайловичъ оказывалъ автору благодѣянія, что въ Черниговѣ строится Троицкая церковь и что Іоаннъ и Петръ будутъ къ автору такъ же милосердны, какъ отецъ ихъ былъ милосерденъ. 28 января 1684 г. Лазарь Барановичъ прислалъ въ Москву архидіакона Антонія Прокоповича съ благодарственнымъ письмомъ за присылку жалованья и съ книгой „Благодать и Истина“. Письма были адресованы царямъ, царевнѣ Софѣѣ и боярину Голицыну. Письмо къ Софѣѣ было пространное, съ большими восхваленіями правительницы 2).

Послѣднимъ сочиненіемъ Л. Барановича, если не считать статьи о флорентинскомъ соборѣ, составленной въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, было „Najasniesza nieba y ziemie Carica Panna Matka Panna Marija od

1) Одинъ экз. „Благодати“ находится въ Моск. Румянц. музеѣ; одинъ экз. находится въ моск. арх. М. Ин. Д. Послѣдній экз. нѣкогда принадлежалъ С. Величкѣ, какъ значится въ собственноручной его припискѣ на поляхъ первыхъ листовъ.

2) Моск. Архивъ М. Ин. Д. Малорос. дѣла, св. 61.

Lazarza Baranowicza slawiona“, изданное 22 дек. 1683 г. въ Черниговѣ, въ л. (24 листа). Листъ второй занятъ посвященіемъ ц. Софѣ на славянскомъ языкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ самое пѣснопѣніе польскими стихами съ славянскими текстами и кое-гдѣ со стихами латинскими ¹⁾.

Съ паденіемъ Многогрѣшнаго политическое значеніе Лазаря Барановича сильно упало. На сцену исторіи выступили новые люди, независимо отъ черниговскаго архіепископа, ничѣмъ ему лично не обязанные. Барановичъ попробовалъ удержать вліяніе въ гетманскихъ выборахъ въ своихъ рукахъ. 31 марта 1672 г. онъ просилъ царя прислать въ Малороссію для устройства дѣлъ „особу честну и премудру“ ²⁾. Этой особой оказался старый знакомый Барановича, кн. Г. Г. Ромодановскій, бывший главнымъ лицомъ и на глуховской радѣ. Князю Ромодановскому и думному дворянину Ив. Ржевскому велѣно было отправиться въ Конотопъ на раду для гетманскаго обираія. Лазарю Барановичу 15-го мая 1672 г. было предписано отправиться въ Конотопъ ³⁾. По просьбѣ старшины, Ромодановскій назначилъ раду въ Казачьей Дубровѣ. Старшина просила Ромодановскаго не медлить радю. „По указу великаго государя надобно подождать архіеп. Лазаря Барановича“, отвѣтилъ Ромодановскій: „Нельзя ли безъ архіепископа“ просила старшина. Бояринъ согласился и велѣлъ сходитья для разсужденія о статьяхъ ⁴⁾. Барановичъ на другой день рады, 17-го іюня, часу въ третьемъ дня, прибылъ въ Дуброву.

¹⁾ Максимовичъ. Собр. соч. III. 707.

²⁾ Акты ю. и з. Россіи. IX № 154, стр. 831.

³⁾ Ibid. IX. № 167.

⁴⁾ Соловьевъ, XII, 123; Акты ю. и з. Россіи. IX. № 178, стр. 934, 942.

Архієпископъ потребоваль, чтобы ему прочитаны были составленныя на канунѣ статьи; бояринъ велѣлъ читать; въ статьяхъ не было ничего особеннаго; о воеводахъ не было и помину. Барановичъ не сдѣлалъ замѣчаній на новыя статьи. Затѣмъ послѣдовало избраніе генеральнаго судьи Ивана Самойловича въ гетманы. Архієпископъ Лазарь отслужилъ молебень и привелъ новаго гетмана къ присягѣ ¹⁾. Въ первое время гетманства Самойловича Барановичъ принималъ еще участіе въ политическихъ судьбахъ Малороссіи. Такъ, въ январѣ 1675 г. онъ писалъ царю, чтобы Кіева не возвращали Польшѣ, что малороссіяне не хотятъ быть подъ польской властью и просилъ о допущеніи малорусскихъ пословъ въ комиссію при переговорахъ съ поляками о мирѣ. Черезъ мѣсяць Барановичъ получилъ отъ царя грамоту о томъ, что Кіевъ не будетъ уступленъ полякамъ и что постановленія посольскихъ съѣздовъ будутъ сообщены гетману. ²⁾; Такимъ образомъ, просьба Барановича о допущеніи въ комиссію малорусскихъ пословъ не была удовлетворена. Въ 1675 году Самойловичъ имѣлъ свиданіе и разговоръ съ Барановичемъ о политическихъ дѣлахъ ³⁾. Вскорѣ возникаетъ нерасположеніе гетмана къ черниговскому архієпископу и почти полное устраненіе Лазаря отъ вліянія на политическія дѣла.

Въ половинѣ и въ концѣ семидесятихъ годовъ дѣятельность Барановича въ значительной степени была поглощена заботами объ обогащеніи, заботами, приведшими его къ цѣлому ряду споровъ съ свѣтскими и духовными лицами о маетностяхъ. Архієпископъ Лазарь не былъ свободенъ отъ сребролюбія. Онъ часто

¹⁾ Ibid. XII 126: Акты IX. № 176.

²⁾ Акты ю. и з. Россіи. XII. № 11 и № 26.

³⁾ Ibid. № 20.

жаловался на бѣдность; но бѣдность—понятіе слишкомъ растяжимое, и есть основаніе думать, что въ устахъ архіепископа Лазаря словомъ бѣдность выражается недовольство данными, быть можетъ, весьма значительными матеріальными средствами. Мы знаемъ, что Лазарь получалъ доходы отъ монастырей и церквей, имѣлъ свои маенности, какъ то: села, сѣнокосы, лѣса, озера, мельницы и проч. т. п., что у него были буды, которыя доставляли ежегодно болѣе двухсотъ бочекъ поташу ¹⁾, что московскій царь часто дѣлалъ ему цѣнные подарки. И все-таки Барановичъ жалуется на бѣдность, оттягиваетъ отъ монастырей, казаковъ и мѣщанъ маенности. Въ 1669 г. нѣжинскіе горожане жаловались царю на Лазаря Барановича за то, что онъ неправильно завладѣлъ двумя селами и лѣсомъ, принадлежащими Нѣжину, не смотря на то, что маенности эти были укрѣплены за городомъ королевскою и потомъ царскою грамотами ²⁾. Въ октябрѣ 1670 г. нѣжинскій магистратъ просилъ стольника Арт. Матвѣева довести до свѣдѣнія царя, что „святой отецъ, архіепископъ черниговскій и новгородскій начальнѣйшимъ нашимъ досадителенъ естъ: на войтово сельцо Плоское наступаетъ, а у писаря нашего бѣднаго сельцо Шатрицо какъ отнял и посіе время отдать не изволить“. ³⁾ 13-го мая 1672 г. „заоккіе помѣщики всѣхъ городовъ, стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти баярскія, и всѣхъ чиновъ тѣхъ городовъ помѣщики и вотчинники“ подали царю жалобу на малорусское духовное и свѣтское начальство и на казаковъ въ укрывательствѣ бѣглыхъ крестьянъ: „Люди, государь, наши и крестьяне,

¹⁾ Акты ю. и з. Россіи. VIII. 58.

²⁾ Ibid. VIII. 43.

³⁾ Ibid. IX. № 74.

заворовавъ многія, побивъ помѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгають отъ насъ за рубежь въ малороссійскіе города и живутъ, бѣгая отъ насъ, въ малороссійскихъ городѣхъ за епископы и за казаками въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ селахъ и въ деревняхъ. И мы, холопы твои, съ твоимъ великаго государя указомъ, съ грамоты и съ отписки отъ воеводъ къ нимъ въ малороссійскіе города для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ѣздимъ, и они, епископы, старшина и казаки, намъ тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ не выдаютъ и насъ бьютъ и грабятъ и многихъ побиваютъ до смерти, а иныхъ въ воду сажаютъ. И тѣ воры, бѣглые люди наши и крестьяне, надѣясь на нихъ, что они намъ ихъ не выдаютъ, приходятъ къ намъ въ села наши и въ деревни въ—явь, насъ, холопей твоихъ, до конца разоряють, послѣднихъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ и лошади, и всякую животину крадутъ и у многихъ, государь, дворы и гумна съ хлѣбомъ жгутъ и насъ многихъ побиваютъ до смерти, а иныхъ, заперши въ хоромѣхъ, пожигаютъ съ женами и съ дѣтьми, надѣючись на то, что намъ ихъ не выдаютъ. И съ твоихъ вел. государя дворцовыхъ селъ и съ посопныхъ слободъ бѣгають крестьяне въ тѣ же малороссійскіе города.... А Новогородка, государь, Сѣверскаго и въ черниговскомъ уѣздахъ, за черниговскимъ и новгородскимъ епископомъ, за Лазаремъ, поселилось твоихъ в. государя камарицкихъ бѣглыхъ драгуновъ и нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, и иныхъ прихожихъ людей больше пяти тысячъ, а выдачи, государь, никому нѣтъ, хотя кто съ висѣлицы придетъ”¹⁾ Великорусскіе помѣщики просили царя повелѣть малорусской старшинѣ и духовенству выдать бѣглыхъ людей, о чемъ со стороны

¹⁾ Акты ю. и з. Россіи. IX. № 166.

царя и послѣдовало повелѣніе, которое, однако, не привело къ положительнымъ результатамъ, по невозможности полного практическаго примѣненія. Въ томъ же 1672 г. новгородскіе казаки, Лящинскій и Потапенко подали жалобу гетману Самойловичу на Барановича въ томъ, что онъ отнялъ у нихъ мельницы ¹⁾. Не всегда жалобы эти были вполнѣ основательны; довольно того, что онѣ были отчасти основательны. Такъ, въ дѣлѣ Лящинскаго и Потапенка оказалось, что ихъ млины стояли на монастырской землѣ, и что архіепископъ Лазарь не отнялъ млины вполнѣ, а обратилъ въ свою пользу часть приносимаго ими дохода. Жалобы на Барановича, повидимому, не приносили челобитчикамъ пользы. Архіеп. Лазарь былъ человѣкъ сильный, вліятельный, былъ человѣкъ вполнѣ „письменный“, какъ говорятъ малоруссы, умѣлъ составить бойкій отвѣтъ на гетманскій запросъ, имѣлъ, наконецъ, сильную руку въ Москвѣ, гдѣ къ нему благоволилъ самъ царь; все это въ совокупности приводило къ тому, что жалобы на Барановича оставались гласомъ вопіющихъ въ пустынь. По этимъ жалобамъ или совсѣмъ не производили слѣдствія, или ограничивались однимъ формальнымъ запросомъ и отпиской.

Что Барановичъ бралъ деньги съ тѣхъ лицъ, которыхъ посвящалъ въ священнослужители, онъ самъ сознается въ письмѣ къ Ин. Гизелю: „Ясно правилами запрещено, чтобы мы за производство въ священныя должности не брали ничего, а мы это дѣлаемъ, потому что неоткуда болѣе взять. Пусть же эта мамона неправды, гдѣ болѣе грѣха тамъ болѣе и милосердія, пусть вся безъ остатка идетъ на церковь, на братію и прислужниковъ“ ²⁾. Любопытное примѣненіе

¹⁾ Письма Л. Баран. 187.

²⁾ Письма Л. Баран. 98.

іезуитской морали, что цѣль оправдываетъ средства. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что архіеп. Лазарь дѣйствительно много тратилъ на устройство монастырей и церквей.

Усердный собиратель маетностей, Барановичъ не былъ человѣкомъ жестокимъ. „Овецъ такъ должно стричь, говорилъ онъ, чтобы не затронуть за живое и чтобы шерсть опять росла“. Къ простому народу Барановичъ относился съ любовью и защищалъ его отъ угнетенія налогами. Игуменъ максаковскаго монастыря Іеремія Ширкевичъ обложилъ монастырскихъ крестьянъ села Высоцкаго тяжелой податью. Крестьяне жаловались гетману; гетманъ Барановичу. Барановичъ послалъ Іеремію строгое письмо; „Свои они крестьяне, не на одинъ разъ они и нужны; вы владѣлецъ, а не воинъ; правда, и воинъ, но Христовъ, долженствующій слѣдовать примѣру Христову, и брать не полтинами, а лептами.... Къ сраму вашему говорю вамъ по апостолу: неужели нѣтъ между вами ни одного умнаго, который бы могъ разсудить?... Что слѣдуетъ (какъ говорить и панъ гетманъ), то надобно и взять, а больше неизвольте, потому что несносно. Но гораздо было бы лучше, когда бы вы сами безъ наставленій его милости пана гетмана такъ разсудили“¹⁾. Въ послѣднихъ словахъ слышится уже скрытое недовольство архіепископа Лазаря на гетманское вмѣшательство. Лазарь Барановичъ неоднократно печаловался передъ царемъ и гетманомъ за неправильно осужденныхъ или угнетенныхъ²⁾.

Неумѣренной заботой объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ черниговской архіепископіи вызваны были два крупныхъ столбовенія Барановича; одно—съ игу-

¹⁾ Письма Л. Баран. 17.

²⁾ Письма Л. Баран. 20, 210.

меномъ новгородъ-сѣверскаго монастыря Михайломъ Лежайскимъ; другое—съ нѣжинскимъ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ; первое столкновѣніе окончилось мирно; второе привело къ громкому судебному процессу и завершилось ссылкой Адамовича въ отдаленную Сибирь. Въ томъ и другомъ дѣлѣ въ выигрышѣ осталась энергическій и изворотливый Барановичъ.

Въ 1671 г. Барановичъ еще благоволилъ къ Лежайскому. Такъ, въ началѣ января 1671 г. онъ просилъ Арт. Матвѣева о покровительствѣ архимандриту Михаилу Лежайскому ¹⁾. Переселившись въ 1672 г. въ Черниговъ, архіеп. Лазарь средства черниговскаго архіерейскаго дома нашель недостаточными для содержанія его самого и его клира и отобралъ у новгородъ-сѣверскаго монастыря часть его владѣній, съ согласія гетмана Самойловича и по разсмотрѣнію вопроса о раздѣленіи маестностей между черниговскимъ архіерейскимъ домомъ и новгородскимъ монастыремъ особой комиссіей изъ трехъ лицъ, Іоанникія Галятовскаго, Василя Борковскаго (черниг. полковника) и Василя Балдаковскаго (судья черниг. полка). Послѣ того, какъ вопросъ этотъ достаточно былъ обсужденъ, Барановичъ грамотой отъ 6-го авг. 1673 г. раздѣлилъ маестности между черниговской архіерейской каѳедрой и новгородъ-сѣверской архимандріей ²⁾, а Самойловичъ универсаломъ 21 авг. 1673 г. подтвердилъ этотъ раздѣлъ. Барановичъ рассчитывалъ сначала, что Лежайскій безпрекословно прійметъ раздѣлъ, и потому писалъ ему: „Нисколько не сомнѣваюсь, что ты достанешь меча и урѣжешь плаща для отца Лазаря, а не покрыть наготы отцовской было бы дѣломъ хамовымъ, и Богу, и людямъ противнымъ“. Архіеп. Лазарь указывалъ Ле-

¹⁾ Акты ю. и з. Россіи IX. № 84.

²⁾ Лилеевъ, Опис. рукоп. черн. дух. сем. 92.

жайскому на усиленіе расходовъ въ черниговской епархіи: „Всѣ желаютъ, чтобы я жилъ въ каѳедрѣ, чтобы священники говорили въ ней проповѣди. Богъ съ вами, а десятины мнѣ не даете ¹⁾. Все покончено Новгородкомъ; мы, говорятъ, надали его, какъ пастырю... Черниговъ—та же Варшава; лишь до ременька, то до кошелька; всякій разъ экономя докучаетъ; только чешетъ голову черниговскій владыка, а въ Филипповъ постъ пришлось такъ, что влѣзъ и въ лыка“. Лежайскій, однако, не обнаружилъ ни малѣйшей охоты урѣзать свой плащъ для отца Лазаря. Онъ сталъ противудѣйствовать Барановичу. „Домашній врагъ мой меня беспокоитъ и мучитъ“ жаловался Барановичъ Ин. Гизелю въ 1674 г. „Всѣ дивятся моему терпѣнію, писалъ Барановичъ Лежайскому, что я такъ много переношу отъ тебя, сына самонавнаго, и что ты все еще не доволенъ; а находятся такіе, которые довольны были бы гораздо меньшимъ и еще для меня приберегли бы. Его милость г. гетманъ прислалъ и судью, который рассказалъ мнѣ о письмахъ твоихъ къ гетману; ты писалъ, чтобы служила мнѣ Троещина ²⁾; дивятся и смѣются тому. Страсть къ деньгамъ растетъ на столько же, насколько умножаются деньги. Ни Бога, ни меня, отца своего, ни людей не хочешь ты слушать. Не въ короткое время построено тамъ (т. е. въ новгород. мон.) все; достраивать легко. А мнѣ пришлось еще строиться на другомъ мѣстѣ и съизнова основывать все, при моей слабости и недостаткѣ въ людяхъ, а не устроить стыдно и не за что поминать“.... „Когда

¹⁾ Намекъ на проповѣдь одного польскаго ксендза, въ которой онъ укорялъ своихъ парохіянъ за неудовлетвореніе его десятиною.

²⁾ Троещина—имѣніе софійской каѳедры на лѣвомъ берегу Днѣпра.

бы у меня была своя бумажная фабрика, говоритъ Барановичъ въ другомъ своемъ письмѣ къ Лежайскому, то изъ нея не достало бы бумаги писать къ тебѣ. Пишу, какъ отецъ, снисходительно убѣждая тебя поступать съ отцомъ, какъ слѣдуетъ сыну. Ты все дѣлаешь на зло мнѣ, прогнѣвляя Бога, и на смѣхъ людямъ. Если ты и далѣе такъ же поступать будешь, то я властью, данною мнѣ отъ св. Духа, которою даровалъ тебѣ высокій санъ этотъ съ архимандріею новгородскою, отнимаю его мечомъ духовнымъ и отлучаю тебя отъ церковнаго служенія. Отцы имѣютъ отъ дѣтей въ старости podporу, и я въ той надеждѣ, что ты будешь служить мнѣ podporою, далъ тебѣ жезлъ архимандріи новгородской: но ты имъ во гробъ меня вгонишь. Поданнымъ моимъ, которые почтили тебя поклономъ лучшимъ нежели меня, угрожалъ обухами, сѣна не даешь и къ отдѣльнымъ мужичкамъ моимъ вдираешься. Скорѣе я, если бы только захотѣлъ, то какъ возвысилъ тебя въ гору, такъ бы повергъ и на землю. Сколько разъ я обливался слезами, прося тебя, чтобы ты опомнился.... Не буди бѣды, когда она спитъ. Будь благодаренъ и за то, что есть у тебя; будь только достоинъ того. Духовенство гласно говоритъ: мы и больше потрудились въ церкви Божіей; но такого содержанія не имѣемъ. Пусть тебѣ и во снѣ не снится, что уступлю я что нибудь изъ конченнаго раздѣла“. Лежайскій смирился, и Барановичъ послалъ ему милостивое письмо, въ которомъ какъ бы извинялся передъ нимъ за отлученіе его отъ церковнаго служенія: „ты упрямствомъ своимъ довелъ меня до крайняго изнеможенія, а сохрани Богъ скорой кончины моей до окончанія раздѣла по твоей архимандріи, тогда съ преемникомъ моимъ вышли бы у тебя великія запутанности.... И такъ, слава Богу, въ Новгородѣ, при хорошемъ устройствѣ, гораздо лучше, чѣмъ въ Черниговѣ; тамъ есть и земли, и мельницы, и меньше нужно свиты для архи-

мандріи; а архієпископія вся почти съизнова устраивается; нѣтъ въ ней ни трапезы, ни келій, ни конюшни; и церковь требуетъ великихъ расходовъ, а все это изъ моей шкатулки... Это Варшава у меня, а не Черниговъ; вздыхаю только да плачу; и тамъ (т. е. въ Новгородкѣ) не слишкомъ любилъ я развѣзжать и расхаживать; развѣ иногда проходилъ въ пасѣку, а здѣсь и той нѣтъ зелени. Думалъ было прогнать меланхолію учрежденіемъ типографіи; но и тутъ долгая проволочка завлекла меня только въ печаль“¹⁾....

Только въ смутныя эпохи, въ періоды разложенія и паденія народной цивилизаціи, а такимъ періодомъ для Малороссіи былъ конецъ XVII и XVIII ст., могутъ появляться и всплывать на поверхность общественной жизни люди, подобные иченскому протопопу Симеону Адамовичу. Это былъ питомецъ еп. Меводія и его креатура, человекъ падкій къ доносамъ, къ интригамъ, ко лжи и коварству. Адамовичъ получаетъ извѣстность въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.. Въ 1669 г. онъ сдѣлалъ въ Москву доносъ на гетмана Многогрѣшнаго и архієп. Лазаря, что поднятый ими вопросъ о выводѣ воеводъ есть ихъ „затѣйка“, что Многогрѣшный врагъ Бога и государя, а Лазарь его сторонникъ. Страстный охотникъ ловить рыбу въ мутной водѣ, Адамовичъ съѣздили въ Москву и здѣсь успѣлъ кое-кого расположить въ свою пользу. По возвращеніи въ Малороссію, Адамовичъ принятъ былъ Многогрѣшнымъ ласково; но вскорѣ, подѣ влияніемъ Барановича, гетманъ сталъ очень подозрительно смотрѣть на пронырливаго протопопа, отобралъ отъ него переписку съ московскими воеводами и запретилъ ему выѣздъ изъ Батурина²⁾. Немилость гетмана и архієпископа, однако, продолжа-

¹⁾ Письма Л. Баран. 184, 185—186, 195, 197, 199, 201.

²⁾ Акты южн. и запад. Россіи. VIII. № 5, стр. 15.

лась недолго. Въ іюнѣ 1670 г. архіепископъ Лазарь отправилъ Адамовича въ Москву хлопотать объ изданіи „Трубъ“ на счетъ царя ¹⁾. Что Барановичъ остался доволенъ Адамовичемъ, видно изъ того, что 19-го августа 1670 года онъ далъ ему благословенную грамоту на нѣжинскую протопоію ²⁾. Адамовичъ сразу сдѣлался сильнымъ человѣкомъ въ Малороссіи, какъ агентъ московскаго правительства, какъ человѣкъ, находившійся въ перепискѣ съ царемъ. 7-го сент. 1670 г. Адамовичъ въ письмѣ къ царю говорить о вѣрности Многогрѣшнаго и просить выслать изъ Москвы гетману шатеръ, а черниговскому архіепископу митру. Кромѣ того Адамовичъ просилъ исполнить желаніе Барановича относительно изданія „Трубъ“ на царскій счетъ. „Обрадуйте архіерея божія, вѣрнаго царскаго величества работника и богомольца, зѣло о тѣхъ трудѣхъ и Трубахъ своихъ скорбяща“ ³⁾, такъ писалъ Адамовичъ о Барановичѣ, годъ спустя послѣ обвиненія его въ ненависти къ московскому правительству. Видно, нѣжинская протопоія была лакомымъ кускомъ. Въ 1672 г. Адамовичъ просилъ въ письмѣ боярина Матвѣева ходатайствовать передъ царемъ о присылкѣ ратныхъ людей для защиты Малороссіи отъ турокъ и предлагалъ смѣнить нѣжинскаго воеводу ⁴⁾. Самойловичъ одно время подчинился вліянію Адамовича и принялъ его коварный совѣтъ отправить своихъ дѣтей въ Москву въ заложники въ доказательство своей вѣрности. „Богъ да видитъ, писалъ въ концѣ 1672 г. Адамовичъ въ Москву, убогую службу и радѣніе мое

¹⁾ Ibid. IX. № 56.

²⁾ Ibid. IX № 62.

³⁾ Ibid. IX. № 66.

⁴⁾ Соловьевъ, XII. 133.

къ ц. п. величеству; многіе гетманы, архіереи и полковники, много поглотавъ государскоѣ казны, поизмѣняли и кровопролитіе чинили; а я, убогій червь, а не человекъ, какъ началъ, такъ и работаю Богу и великому государю. Нынѣшній гетманъ Иванъ Самойловичъ совершенно на мой совѣтъ положился; уже я его къ тому привелъ, если страна наша освободится отъ непріятельскаго нашествія, то по первому пути хочеть дѣтей своихъ къ великому государю посылать со мною“. Въ мартѣ 1673 г. протопопъ пріѣхалъ въ Москву и съ нимъ два сына гетманскихъ, „для вѣрности подданства и службы гетманскоѣ“. Въ Москвѣ хорошо приняли услужливаго протопопа и обѣщали гетману милость. „Дѣткамъ твоимъ всякое добро при царскомъ величествѣ будетъ, писалъ гетману Адамовичъ. Не могу перечислить царскаго величества милости и Артемона Сергѣевича пріятства и любви“. Прошло два года, и Самойловичъ все еще находился въ зависимости отъ нѣжинскаго протопопа. „Гетманъ Иванъ Самойловичъ, писалъ Адамовичъ А. Матвѣеву въ 1674 г., во всякихъ дѣлахъ совершенно на волю Божию и царскую и на твое благодѣтеля моего заступленіе положился, и ничего мимо указа царскаго и твоего не дѣлаеть. Теперь, по указу государеву, собрался съ полками въ походъ и дорогою узналъ, что князь Трубецкой обѣщаетъ Дорошенку гетманство на обѣихъ сторонахъ, обѣщаетъ собрать раду чернецкую для казаковъ обѣихъ сторонъ. Самъ гетманъ своею рукою писалъ объ этомъ мнѣ; какъ онъ выходилъ въ походъ, то у насъ съ нимъ такой приговоръ учинился; если ему отъ чего-нибудь будетъ скорбь, то пишетъ ко мнѣ, а я отписываю объ этомъ къ тебѣ, благодѣтелю моему милостивому... Не отрини насъ отъ своей милости, какъ началъ благодѣтелемъ намъ быть такъ и соверши“. Въ Кіевъ поскакалъ гонецъ съ указомъ Трубецкому не пересылаться съ Дорошенкомъ на счетъ гет-

манства, а если Дорошенко пришлетъ, то отвѣчать, что это дѣло положено на Ромодановскаго и Самойловича; пусть съ ними и сносятся“¹⁾. Барановичъ хорошо видѣлъ, что Адамовичъ сталъ играть въ Малороссіи ту роль посредника между Москвой и гетманомъ Самойловичемъ, которую онъ, черниговскій архіепископъ, игралъ при гетманѣ Многогрѣшномъ, и это должно было задѣвать его личное самолюбіе; видѣлъ онъ также, что Адамовичъ, выслуживаясь передъ Москвой, готовъ въ своекорыстныхъ цѣляхъ продать Москвѣ малорусскія вольности,—и это задѣвало патриотическое чувство черниговскаго архіепископа. И Барановичъ готовъ былъ услужить Москвѣ, но только не въ важномъ для малороссовъ вопросѣ сохраненія старинныхъ правъ и вольностей. Барановичъ очень уважалъ царя; но онъ не уважалъ и боялся воеводъ, боялся патриарха московскаго, вообще, боялся московскаго административнаго строя, гражданскаго и церковнаго, усматривалъ въ немъ тяжелый гнетъ, и, настаивая на подчиненіи Малороссіи царю, вовсе не желалъ, чтобы Малороссія въ то же время подчинилась воеводамъ и патриарху. Въ рѣзкомъ раздѣленіи Москвы на царскую и воеводскую состояла крупная политическая ошибка Барановича. Какъ опытный дипломатъ, Барановичъ извлекъ изъ Адамовича нѣкоторую для себя пользу и затѣмъ безжалостно уничтожилъ его въ тотъ моментъ, когда Адамовичъ сдѣлался для него опаснымъ. Въ 1674 г. Барановичъ послалъ Адамовича въ Москву ходатайствовать о принятіи „Трубъ“ въ царскую казну, и въ томъ же году онъ донесъ московскому правительству, что отъ нѣжинскаго протопопа Симеона Адамова приходятъ многія лукавства; ссылается онъ тайно съ турецкимъ султаномъ и съ Дорошенкою, въ грамотахъ своихъ хвалитъ султана, что войсками своими изъ дальнихъ странъ обо-

¹⁾ Соловьевъ, XII. 135, 136, 137, 157.

роняетъ Дорошенка, а царское величество, будучи въ пяти стахъ верстахъ, жителей обѣихъ сторонъ Днѣпра не обороняетъ. Этимъ протопопъ приводитъ малоросійскихъ жителей ко всякому злу; письма его у меня въ рукахъ“..... Посылкой Адамовича въ Москву Барановичъ, между прочимъ, рассчитывалъ привести протопопа къ какому нибудь неосторожному поступку или выраженію, которое послужило бы поводомъ къ разрыву между гетманомъ и протопопомъ. Трудно было низвергнуть протопопа, когда на его сторонѣ были московское правительство и гетманъ; нужно было отвлечь отъ него, по крайней мѣрѣ, гетмана; нужно было поколебать довѣріе къ нему московскаго правительства, и архіеп. Лазарь все это исполнилъ удачно. Повидимому, Адамовичъ не такъ держался въ Москвѣ, какъ было желательно гетману, и все сказанное или сдѣланное имъ не въ интересахъ гетмана было послѣднему сообщено, вѣроятно, не безъ прикраски. „Объясняю вашей милости, писалъ Самойловичъ Ромодановскому, печаль мою и жалость, которыя причинилъ мнѣ пріятель мой Симеонъ, протопопъ нѣжинскій; какъ ѣхалъ онъ въ Москву съ книгами архіепископскими, то я ему никакихъ дѣлъ не поручалъ, потому что, по милости в. государя, всякіе вѣсти и указы и безъ него къ намъ доходятъ, а онъ тамъ оглашаетъ насъ недостаточными дѣлами передъ высокими людьми, самъ не имѣя по себѣ постоянства, а ужъ пора бы ему перестать отъ того“...¹⁾ Барановичъ воспользоваться временнымъ неудовольствіемъ Самойловича на Адамовича, чтобы вырыть цѣлую пропасть между ними. По просьбѣ Барановича, гетманъ отобралъ у Адамовича часть его маетностей и передалъ черниговской архіепископіи. Этого Адамовичъ не могъ переварить. Онъ послалъ въ Москву жалобу на чернигов-

¹⁾ Соловьевъ, XII. 175, 178.

скаго архієпископа и гетмана. Барановичъ прекрасно понималъ, что онъ вмѣстѣ съ гетманомъ на чашкѣ московскихъ вѣсовъ навѣрно перетянетъ нѣжинскаго протопопа, и потому немедленно приступилъ къ его низверженію. Онъ назначилъ слѣдственную комиссію; но Адамовичъ, не довѣряя этой комиссіи, бѣжалъ безъ вѣдома Барановича и Самойловича въ Москву ¹⁾. „Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска в. ц. в. запорожскаго, ... писалъ Барановичъ царю, усмотрѣлъ непорядокъ, яко Симеонъ Адамовичъ, протопопъ нѣжинскій, паче достоинства своего, многими владѣетъ маетностями, а архієпископія черниговская въ маетности зѣло оскудѣна, которой на украшеніе церквей божіихъ, на монастыри и на иншіи монастырскія потребности больше имѣти достоинствъ, нежели протопопѣ на домовое токо строеніе: бо я недавними часы по милости в. ц. в. двѣ архимандріи, черниговскую и новгородскую, воскресилемъ изъ тихъ же маетностей архієпископскихъ на ихъ потребности и строеніе удѣлилемъ. Вышереченныя гетманъ уважилъ самую слушность и съ совѣтомъ всѣхъ начальниковъ украинскихъ людей село Волковицу и дер. Степановку, маетности его, съ млинами дубровскими, прилучилъ до добръ архієпископскихъ. Нынѣ же во 185 (1676) г. во время пятьдесятницы Лука Григорьевичъ архидіаконъ мой, исполненъ превеликой милости в. ц. в., возвратишия въ Черниговъ, извѣстилъ меня, яко сущу ему въ царств. градѣ Москвѣ учинилося вѣстно, что онъ С. Ад. прот. нѣж., не имѣя предъ очами страха божія, челобитною своею граматою, дерзнулъ меня пастыря своего ложно описати къ ближнему в. в. боярину А. С. Матвѣеву, будто я насиліемъ нѣкоимъ тѣ его пожитки завладилъ съ млинами. О томъ я увѣдомившия повелѣлъ архим. черниговскому І. Галатовскому и нѣкоторымъ ближнимъ протопопамъ, дабы

¹⁾ Дополн. къ Акт. Историч., XII, № 2.

его о томъ спросили и по правиламъ св. отецъ чего есть достоинъ уважили... Но онъ презрѣвши указъ мой пастырскій и всего собраннаго духовенства, до кафедры моей архіепископской не сталъ, а приложивши беззаконіе къ беззаконію, безъ вѣдома моего, такъ и гетмана скочилъ до в. в., идѣ же предъ свѣтлымъ вашимъ маестатомъ еще бы сталъ каковыя ложныя разсѣивати клеветы, смиренно молю в. ц. в., чтобы ложнымъ его клеветамъ вѣра не была дана; но паче да заградятся уста глаголющаго неправду и тая его дерзость слушную понесла награду“¹⁾. Въ іюлѣ 1676 г. Самойловичъ въ граматѣ къ царю подтвердилъ справедливость, того, что изложено въ посланіи черниговскаго архіепископа, именно, что маестности отобранны отъ Адамовича, имъ, гетманомъ, по просьбѣ Лазаря, съ согласія казачкой старшины. Адамовича выслали изъ Москвы къ Барановичу на послушаніе, причемъ царь въ граматѣ къ черниговскому архіепископу просилъ его простить протопопа и позволить ему жить въ своей паствѣ²⁾. Въ характерѣ Барановича милосердіе не занимало виднаго мѣста; нѣжинскій протопопъ при томъ былъ человѣкъ опасный. Барановичъ ждалъ перваго благоприятнаго случая, чтобы его раздавить окончательно. Случай представился очень скоро. Озлобленный интриганъ Адамовичъ не могъ долго сохранять спокойствіе. Онъ склонилъ стародубскаго полковника Петра Рославца отложиться отъ гетманскаго регимента; стародубцы не согласились на предложенія своего полковника и просили гетмана смѣнить Рославца. Въ октябрѣ 1676 года царь и бояре, по просьбѣ гетмана, постановили предать Рославца и Адамовича войсковому суду. Въ январѣ 1677 года въ Батуринѣ, въ присутствіи пословъ Барановича, І. Голятовскаго, М.

1) Письма Л. Баран., 209; Дополн. къ Акт. Истор., т. IX.

2) Акты ю. и з. Рос., № 185.

Дзика и трехъ протопоповъ, по рѣшенію казацкой старшины, Рославецъ и Адамовичъ приговорены были къ смертной казни. На другой день суда духовныя особы и генеральная старшина узнали о желаніи царя, чтобы Рославецъ и Адамовичъ были помилованы. Рѣшено было постричь протопопа, а Рославца нѣсколько лѣтъ держать подъ карауломъ. Самъ Адамовичъ билъ челомъ, чтобы его постригли. Онъ былъ отправленъ съ бунчужнымъ Леонтиемъ Полуботкомъ въ Черниговъ къ архіеп. Лазарю; но тутъ, протопопъ объявилъ, что не хочетъ постригаться: „Не хочу иночества, говорилъ онъ, да не будетъ послѣдняя горше первыхъ“. Тогда Барановичъ лишилъ его священства и отдалъ Полуботку уже какъ мірскаго человѣка подъ мірской судъ. Полуботокъ велѣлъ посадить его въ „тѣсное узилище“. Не вытерпѣвъ тѣсноты, Адамовичъ сдѣлалъ письменное показаніе, что онъ, Адамовичъ, Дмитрашка Райча (перееясл. полк.), Мокріевичъ (генер. писарь) и Рославецъ хотѣли убить гетмана и поддаться хану ¹⁾. Послѣ суда Адамовичъ пробылъ очень недолго въ Малороссіи. Въ 1678 г. 11 августа прибылъ въ Москву войсковый товарищъ Романъ Кнышъ съ гетманскимъ прошеніемъ о ссылке въ Сибирь Рославца и Адамовича, которыхъ Кнышъ привезъ съ собою въ Москву ²⁾. Рославецъ и Адамовичъ были сосланы, согласно съ прошеніемъ гетмана, въ Сибирь, и по московскому вниманію къ гетману, въ Сибирь отдаленную. Адамовичъ попалъ въ Иркутскъ и здѣсь вскорѣ скончался. 7 марта 1688 г. данъ былъ въ сибирскій приказъ указъ о запечатаніи и перепискѣ пожитковъ Симеона Адамовича ³⁾.

Въ 1676 г., во время сближенія Адамовича съ Рославецемъ, случился любопытный эпизодъ: черниговскій архіе-

¹⁾ Соловьевъ, XIII; 261—272; Акты юж. и з. Рос., XII, № 185, стр. 781, 860.

²⁾ Моск. Архивъ М. Ин. Д., Малорос. дѣла, св. 74.

³⁾ Моск. Архивъ М. Ин. Д., Малорос. дѣла, связка 74.

пископъ предалъ анаѳемѣ городъ Стародубъ. Поводомъ къ этому послужило не столько дурное обращеніе стародубскаго полковника съ однимъ священникомъ, какъ утверждалъ Барановичъ, сколько скрытое его желаніе подорвать значеніе Рославца, возстановить противъ него стародубскихъ жителей. Въ Стародубъ явился черниговскій протоіерей Шуба. Онъ прочиталъ въ соборной Николаевской церкви проклятiе архіепископское и, держа въ рукахъ горящiя свѣчи, предалъ стародубцевъ анаѳемѣ за ихъ распутную жизнь ¹⁾. При значительной независимости священниковъ отъ высшей духовной власти, при большомъ вліянiи на нихъ мірянъ въ XVII ст., этотъ интердиктъ не могъ бы имѣть особенно сильнаго значенiя, если бы не случился большой пожаръ. Казаки причиной пожара сочли гнѣвъ божiй, вызванный проклятiемъ архіепископа, и чуть не убили своего злополучнаго полковника.

Официальныя сношенiя Барановича съ Москвой шли своимъ чередомъ. По случаю важныхъ придворныхъ событiй, напр., рожденiя царевича или бракосочетанiя, въ Черниговъ шель указъ молебствовать, и черниговскій архіепископъ „пѣлъ молебны со звономъ“. Такъ, онъ молебствовалъ по случаю бракосочетанiя царя Алексѣя Михайловича съ Наталіей Кирилловной въ 1671 г., рожденiя Петра въ 1672 г., бракосочетанiя Ѳедора Алексѣевича съ Марѳою Матвѣвною въ 1682 г., бракосочетанiя Петра Великаго съ Евдокіей Лопухиной въ 1689 г. ²⁾. Кромѣ того архіеп. Лазарь посылалъ въ Москву, царю и патріарху, каждое вновь вышедшее свое сочиненіе и получалъ за то благодарственныя грамоты, иногда съ прибавленіемъ денежной награды;

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. 155.

²⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Малорос. дѣла; св. 58 и 79; Письма Лазаря Барановича 173; Акты южной и западной Россiи IX. № 85.

такъ, онъ послалъ „Благодать“, послалъ русскій переводъ „О пяти ранахъ“¹⁾). Довольно часто архіеп. Лазарь просилъ желѣза или какого-нибудь цѣннаго матеріала на постройку церквей или для совершенія богослуженія. Любопытна его просьба о присылкѣ колокольнаго мастера и колоколовъ. Малороссія не была богата колоколами, и здѣсь даже не умѣли ихъ выливать. Между тѣмъ, въ Великороссіи, особенно въ Москвѣ, колоколовъ было множество, и въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Ростовѣ, былъ въ обыкновеніи музыкальный колокольный звонъ. Въ сознаніи великорусскаго народа колоколь имѣлъ особенное значеніе. По словамъ иностранцевъ, напр. Олеарія, русскіе съ такимъ благоговѣніемъ относились къ колоколамъ и считали колокольный звонъ такою необходимою принадлежностью христіанскаго богослуженія, что безъ звона оно казалось неполнымъ. Москва славилась не только обиліемъ колоколовъ, но и ихъ величиной. Въ 1683 году изъ Москвы присланъ былъ въ Черниговъ колоколь въ 206 пудовъ вѣсомъ съ языкомъ; но колоколь этотъ „вскорѣ распался Богу свѣдущу какими случаи“. Барановичъ въ январѣ 1684 г. просилъ царей и кн. Голицына прислать въ Черниговъ колокольнаго мастера для переливки колокола. Немного позднѣе, въ мартѣ 1688 г. съ такою же просьбой въ Москву обратился кіевскій митроп. Гедeonъ Четвертинскій²⁾). Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, по избраніи на кіевскую митрополию Гедeона Четвертинскаго, архіеп. Лазарь почти прекратилъ сношенія съ Москвою, потому что былъ недоволенъ Москвою и имъ въ Москвѣ были недовольны; но въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ возникла горячая переписка между черниговскимъ архіепископомъ и мо-

¹⁾ Архивъ юго-запад. Россіи. Часть I, томъ V. 208.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣль, Малорос. дѣла, св. 62—64 и 74.

сковскимъ патриархомъ по вопросу о времени пресущественія св. Даровъ, переписка, не Барановичемъ начатая, и для него весьма неприятная.

Съ сентября 1683 г. патр. Иоакимъ началъ настойчиво совѣтовать гетману позаботиться объ избраніи митрополита въ Кіевѣ. Самойловичъ охотно принялъ патриаршее предложеніе, такъ какъ имѣлъ въ виду посадить митрополитомъ близкаго къ себѣ человѣка, у котораго притомъ заискивалъ, именно лудкаго еп. Гедедона Четвертинскаго, переселившагося вслѣдствіи гоненій латино-уніатовъ въ Кіевъ. Были люди болѣе видные, болѣе достойные высокаго сана митрополита: Лазарь Барановичъ, Ин. Гизель, его преемникъ Варлаамъ Ясинскій; но Лазарь былъ старъ, и патриархъ тѣмъ охотнѣе указывалъ гетману на его старость, что не могъ рассчитывать, чтобы ревнивый къ сохраненію малорусскихъ вольностей Лазарь согласился на полное ему подчиненіе. „Сынъ же и сослужитель мѣрности нашея арх. черн. Лаз. Баран., писалъ патриархъ, яко и твоя любовь вѣсть, лѣты многи житія сего течеть и къ старости уже подобно и немощію обьяся“...¹⁾. Что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Лазарь былъ старъ, это, судя по его собственнымъ письмамъ, не подлежитъ сомнѣнію; но эти же самыя письма, и въ особенности переписка Барановича по вопросу о времени пресущественія св. Даровъ доказываютъ, что онъ сохранилъ бодрость духа и энергію, и, какъ единственный архіерей въ Малороссіи, какъ духовный глава обширной черниговской паствы, какъ блюститель митрополичьей кафедры въ теченіи многихъ лѣтъ, какъ выдающійся писатель и проповѣдникъ, Барановичъ, по всей справедливости, долженъ былъ занять кіевскую митрополию. Но его устранилъ патриархъ; еще болѣе

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи. I. V. 39.

его устранялъ гетманъ. Барановичъ все это хорошо видѣлъ и оказывалъ своимъ противникамъ единственно для него возможное пассивное сопротивление. Всѣми уважаемый архимандритъ печерскій Гизель скончался въ концѣ 1683 г., въ моментъ возникновенія переговоровъ объ избраніи новаго митрополита въ Кіевъ и о признаніи кіевскими митрополитами главой московскаго патріарха. При жизни Гизель твердо стоялъ за церковную автономію Малороссіи, и московское правительство имѣло полное основаніе недоувѣрять ему, и, навѣрно, не поднимало бы вопроса о назначеніи митрополита, если бы заранѣе не было увѣрено, что на этотъ высокій постъ не попадутъ ни Барановичъ, ни Гизель. Но Гизель, какъ сказано, скончался, а его преемникъ, талантливый и энергическій Варлаамъ Ясинскій былъ слишкомъ молодъ и не успѣлъ еще приобрести въ Москвѣ сильныхъ покровителей. Гедеонъ былъ человѣкъ скромный, слабый по характеру и уму, безъ выдающагося образованія. Ничѣмъ онъ не заявилъ о себѣ, ни добромъ, ни зломъ. Повидимому, это была та золотая середина, отъ которой никому нѣтъ ни тепла, ни холода, которая не свѣтитъ и не грѣетъ. Самойловичъ заискивалъ въ фамиліи кн. Четвертинскихъ, желая выдать свою дочь за племянника еп. Гедеона. Патріарху московскому нуженъ былъ архіерей такой безцвѣтный, безъ характера и безъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Его можно было привести въ подчиненіе, не встрѣчая ни протеста, ни сопротивления.

20 іюня 1685 г. въ Кіевѣ былъ созванъ соборъ для избранія митрополита и обсужденія вопроса о подчиненіи малорусской церкви московскому патріарху. Архіеп. Лазарь не явился на этотъ соборъ лично, не прислалъ ни посла, ни грамоты. На соборѣ не было ни черниговскаго архимандрита, ни архимандрита новгородъ-сѣверскаго, вообще, не было ни одного духовнаго лица

изъ черниговской епархіи. Лазарь, очевидно, протестовалъ своимъ молчаніемъ. Подъ давленіемъ гетмана, пославшаго на соборъ много войсковою старшины, черниг. полк. Борковского, войск. эсаула Мазепу, переясл. полк. Полуботка, кiev. полк. Карпова, нѣжин. полк. Журавковскаго, собравшееся на соборѣ духовенство избрало митрополитомъ Гедеона; но оно не могло рѣшить вопроса о подчиненіи митрополиі кievской московскому патріарху; мало того, оно не пожелало его рѣшить и даже обнаружило противодѣйствіе. Соборъ отказался разсмотрѣть этотъ вопросъ во 1) потому, что на соборѣ не было многихъ малорусскихъ духовныхъ лицъ, притомъ не было такихъ почетныхъ іерарховъ, какъ Барановичъ и Галатовскій, во 2) п. ч. не было царской и патріаршей грамоты, требовавшей рѣшенія этого вопроса; въ 3) п. ч. духовенству было неизвѣстно, отказался ли константинопольскій патріархъ отъ малорусской церкви въ пользу московскаго патріарха; въ 4) п. ч. возникло опасеніе, что православные въ польской Украинѣ могутъ быть принуждены польскимъ правительствомъ къ подчиненію уніатскимъ владыкамъ, и въ 5) п. ч. кievскій митрополитъ, подчиняясь московскому патріарху, тѣмъ самымъ приравнивался къ митрополитамъ великорусскимъ, значеніе и власть которыхъ были совсѣмъ отличны отъ значенія и власти кievскаго митрополита; кievскій митрополитъ долженъ былъ лишиться нѣкоторыхъ почестей, напр. креста на митрѣ, преднесенія креста во время митрополитскаго выхода, титула „всѣя Россіи“, долженъ былъ признать право апелляціи духовныхъ лицъ въ судебныхъ дѣлахъ къ патріарху, являться ежегодно въ Москву на недѣлю для обсужденія духовныхъ дѣлъ, потерять право имѣть типографію, и самое свободное избраніе митрополита духовными лицами должно было прекратиться, такъ какъ московскіе митрополиты поставлялись патріархомъ безъ челобитной отъ духовенства. Кievское ду-

*

ховенство тѣмъ недовѣрчивѣ отнеслось къ исходившему въ данномъ случаѣ отъ гетмана предложенію подчиниться патріарху московскому, что имѣло передъ глазами печальныя слѣдствія такого подчиненія бѣлгородской епархіи. На соборѣ до свѣдѣнія духовныхъ лицъ было доведено, трудно сказать, тайно или явно, что въ бѣлгородской епархіи вольности духовенства уничтожены, усилены церковныя налоги, священниковъ за недоставку дани митрополиту „на правезѣ палицею по литкамъ затинаятъ“; вообще, „священника за вину волно шелепами, рубаху снявши, бити, и вышняго чину духовнаго людемъ также чинятъ“. Дьячки, пономари и ктиторы отбываютъ подводную повинность и ежегодно даютъ архіерею дань. Безмѣстнымъ священникамъ и дьячкамъ запрещено служить безъ дозволенія архіерея. Слуги архіерейскіе притѣсняютъ священниковъ. Книги кievской печати отобраны и присланы новыя книги московской печати. Церковное пѣніе и служеніе отмѣнено, а все по московски поставлено... ¹⁾.

Гетманъ выхлопоталъ въ Москвѣ у царей и патріарха кievскому митрополиту право сохранить все прежніе его знаки почести, право безапелляціоннаго суда и право свободно печатать книги и заводить духовныя школы въ предѣлахъ митрополіи. О личныхъ и имущественныхъ правахъ низшаго духовенства не было помину. Духовенство это было забыто въ интересахъ патріарха и митрополита. Московское правительство, при дѣятельномъ содѣйствіи гетмана, выхлопотало у константинопольскаго патріарха согласіе на подчиненіе кievской митрополіи Москвѣ. „Присылаете деньги и изъ ума людей выводите, писалъ іерусалимскій п. Досиѳей московскому п. Іоакиму; берете грамоты супротивны церкви и Богу“ ¹⁾. Въ октябрѣ 1685 г. прибылъ въ Москву еп.

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи. I. V. 56—61.

Гедеонъ для посвященія. Долго московскіе патріархи ждали такого гостя. Гедеона и его спутниковъ, протопоповъ и іеромонаховъ, приняли ласково и радушно; кормили ихъ зернистой икрой, свѣжей осетриной, калачами; поили медами красными, романеѣй; давали митрополиту по три воза дровъ на недѣлю, по нѣскольکو сальныхъ свѣчей въ сутки „для вечерняго сидѣнья“. Посвятили Гедеона, все какъ слѣдуетъ по церковному ритуалу. При отъѣздѣ изъ Москвы м. Гедеонъ получилъ въ подарокъ карету, съ подержанными бархатными подушками ²⁾. 15 декабря 1685 г. Гедеону дана была царская грамота, въ силу которой кіевскому митрополиту подчинялись черниговскій архіепископъ и архимандритъ печерской лавры, доселѣ находившіеся въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха.

М. Гедеонъ, такъ легко пожавшій лавры въ Москвѣ, на первыхъ порахъ своего высокаго пастырскаго служенія съ непростительнымъ высокомеріемъ отнесся къ архіеп. Лазарю, много лѣтъ потрудившемуся на пользу церкви, просвѣщенія и литературы. „Когда преосв. о. Гедеонъ Святополкъ, писалъ въ мартѣ 1688 г. Лазарь царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, принялъ престолъ кіевскій, то я, презрѣвъ мою старость, встрѣтилъ святыню его въ Батурино, преклонилъ предъ нимъ ослабѣвшія колѣна мои, надѣясь, что призритъ меня своею милостію за тридцатилѣтніе мои труды въ архіерейскомъ санѣ подъятые. Я просилъ его подкрѣпить данную мнѣ м. Діонисіемъ Балабаномъ грамоту на семь протопопій; желалъ я также видѣть данную ему вашимъ ц. в. грамоту на митрополию кіевскую. Но преосв. м. обиду великую старости моей нанесъ: прежде

¹⁾ Ibid. I. V. 144.; Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малор. д. св. 68.

²⁾ М. Евгений, Опис. К.-Соф. соб. 83—85.

всего отнялъ у меня архіепископское имя, велѣлъ называть меня только епископомъ, тогда какъ это названіе далъ мнѣ отецъ вашъ, блаж. памяти ц. Алексѣй Мих., по благословенію троихъ вселенскихъ патріарховъ. Потомъ отнялъ три протопопіи; въ укорительномъ письмѣ къ воронежскому священнику глуховской протопопіи назвалъ меня пастушкомъ и похитителемъ нѣкоторыхъ приходоу, ему будто бы принадлежащихъ "...¹⁾).

М. Гедеону тяжело было сидѣть на подаренныхъ ему въ Москвѣ бархатныхъ подушкахъ. Въ 1687 г. посланъ былъ въ Сибирь его другъ и покровитель гетманъ Самойловичъ, и на его мѣсто сѣлъ хитрый Мазепа. Въ январѣ 1688 г. ему запрещено было писаться митрополитомъ „всехъ Россіи“ ²⁾. Въ іюлѣ того же 1688 г. черниговская архіепископія, по просьбѣ Барановича, и печерская лавра, по просьбѣ Ясинскаго, были изъяты изъ его вѣдѣнія патріархомъ и признаны, первая—подсудной непосредственно патріарху первой въ Россіи архіепископіей; вторая—патріаршей ставропигіей. Въ 1690 г. апрѣля 6-го скончался м. Гедеонъ. Его хоронилъ Лазарь Барановичъ “ зъ великою публикою и ассистенціей духовнаго и мирскаго чина людей “ ³⁾.

Незадолго до смерти м. Гедеона, архіеп. Лазарь и архим. печерскій Варлаамъ имѣли неприятную переписку съ патріархомъ о времени пресуществленія св. Даровъ.

Религіозный бытъ малороссіянъ; какъ-то: вѣроученіе, богослуженіе и нравственная практическая дѣятель-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича. 229.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малорос. д. св. 73.

³⁾ С. Величко, Лѣтопись, III. 86.

ность, истекающая изъ евангельскаго ученія о любви къ ближнему, въ XVI и въ особенности въ XVII ст. представлялъ значительныя отличія отъ религіознаго быта великороссовъ. Въ то время, какъ московское государство китайской стѣнной недоувѣрія и подозрительности отгородилось отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, и самый народъ пребывалъ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ религіозно-нравственнаго и гражданскаго быта, если не считать временныхъ и частныхъ его выдѣленій въ рационалистическія секты, въ то время какъ общая многоувѣковая косность великорусской жизни выразилась въ грубо-обрядовомъ расколѣ, Малороссія была открыта всевозможнымъ западнымъ вліяніямъ, и малорусскій народъ жилъ почти вполне свободно въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Мало того, конецъ XVI и начало XVII ст. были временемъ могучаго народнаго духовнаго творчества, выразившагося не только въ созданіи нѣсколькихъ цикловъ превосходныхъ пѣсенъ, въ созданіи довольно оригинальной школы, но и въ созданіи новыхъ формъ религіозно-нравственнаго быта; на церковномъ пѣніи, церковныхъ обрядахъ, даже на самомъ вѣроученіи отразилась сила народнаго творчества. Духовенство вовлечено было въ сферу народныхъ интересовъ, и церковь поставлена была въ положеніе охранительницы этихъ интересовъ. Въ силу этой творческой дѣятельности народа, въ силу пробужденія въ немъ энергіи, міряне приобрѣли самое широкое и благотворное вліяніе въ дѣлахъ церкви. Благодаря этому, церковь стала живымъ національнымъ организмомъ. Въ религіозно-нравственную жизнь народа вошло довольно много новыхъ элементовъ, частью зашедшихъ въ Украину изъ католической Польши и даже изъ лютеранской Германіи, частью выработанныхъ самостоятельно изъ стараго бытоваго матеріала.

Во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. южно-русскіе священники иногда исповѣдывали взрос-

лыхъ не порознь каждаго, а по четыре челоѣка и болѣе, во время чтенія евангелія на литургіи покрывали голову эпитрахилью, при крещеніи обливали младенца и одну и ту же воду употребляли надъ многими младенцами, участвовали въ нѣкоторыхъ своеобразныхъ, непризнанныхъ церковью свадебныхъ обрядахъ. Въ малорусскихъ требникахъ были чины на освященіе церковныхъ сосудовъ и одеждъ, иконъ, колоколовъ. Обручившіеся по нѣсколько лѣтъ жили въ разныхъ домахъ (такъ было и въ половинѣ XVIII ст.) Во многихъ мѣстахъ народъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ священнымъ криницамъ, или колодцамъ, ставилъ надъ ними кресты или каплички (часовни), гдѣ священники совершали молебны, акаѣисты, водоосвященія. Малороссіяне охотно ходили къ ближайшему священному колодцу „на прощу“ „на отпустъ“, т. е. ходили молиться о прощеніи грѣховъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, напр., въ Черниговщинѣ, крестьяне не охотно говѣли въ великій постъ, говѣли по одному отъ дома, о чемъ вскользь упоминаетъ Барановичъ въ „Трубахъ“, на что впоследствии, въ 1719 г., жаловался черниговскій архіеп. Антоній. Были особенности въ формѣ храмовъ, въ церковномъ пѣніи, въ богослужебныхъ книгахъ, въ иконописи. Въ характерѣ малорусской иконописи XVII и XVIII ст. обнаруживается вліяніе западно-европейской, въ частности италіанской религіозной живописи. Вообще, малорусская иконопись стояла довольно высоко въ художественномъ отношеніи. По замѣчанію Павла адепскаго, въ южной Россіи была болѣе изящная живопись, чѣмъ въ Россіи сѣверной. Въ Васильковѣ Павелъ видѣлъ икону Божіей Матери такого художественнаго рисунка, что ничего подобнаго ей не встрѣчалъ ни въ Греціи, ни въ Москвѣ. Но были въ малорусской иконописи и своеобразныя странности. Была, напр., распространена икона, изображающая младенца Спасителя, спящаго на крестѣ, съ изо-

браженіемъ вокругъ креста символовъ будущихъ страданій, икона Коронаціи Богоматери и друг. т. п. ¹⁾.

Особенности церковнаго ритуала и религіозно-нравственнаго быта малоруссовъ въ огромномъ своемъ большинствѣ не представляли ничего рѣзкаго, грубаго, ничего такого, что характеризовало бы малоросса дурно въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Были и у грековъ свои церковныя особенности; и въ Греціи до настоящаго вѣка не было авторитетнаго для всѣхъ областей изданія богослужебныхъ книгъ; не было строгаго единства въ церковныхъ обрядахъ. Были и у великоруссовъ исключительно только имъ свойственные церковныя обряды и особенности религіозно-нравственнаго быта. Такъ, у великороссовъ въ богослужебныхъ книгахъ было много ошибокъ; въ церковномъ пѣніи преобладалъ низкій тонъ; иконамъ придавали слишкомъ матеріальный характеръ; въ XVI и XVII ст. каждый домохозяинъ имѣлъ въ церкви свою собственную икону и почти исключительно ей молился во время богослуженія. Даже во второй половинѣ XVIII ст. здѣсь попадались иконы страннаго содержанія, въ родѣ поднесенной въ 1767 г. имп. Екатеринѣ однимъ казанскимъ купцомъ иконы св. Троицы, на которой изображенъ былъ человѣкъ объ одной головѣ съ тремя лицами и четырьмя глазами. Въ XVII ст. усилилось двуперстіе. Были и въ Великороссіи священные колодцы и, кромѣ того, священные деревья. Поклонамъ, крестному знаменію и колоколамъ, вообще, всей внѣшней, церковно-обрядовой сторонѣ придавалось огромное значеніе ²⁾.

Въ малорусскій церковный ритуаль и даже въ вѣроученіе проникли нѣкоторыя черты католиче-

¹⁾ Руцинскій 82; Крыжановскій II. 497, 251, 263; Лилеевъ 101—103, 109.

²⁾ Руцинскій 54, 54, 95, 48; Крыжановскій II. 497.; Макарій XII, 113—118, 135—143.

ства, и это обстоятельство, между прочимъ, возстановило противъ малорусской церкви нѣкоторыхъ греческихъ и великорусскихъ духовныхъ лицъ. Иерусалимскій п. Досифей въ грамотѣ, которою въ 1686 г. утверждалъ соединеніе малорусской церкви съ великорусской, между прочимъ, замѣтилъ: „Въ той странѣ, глаголемая казацкая земля, суть нѣдци, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени и бяху архимандриты, игумены и прочитають неподобныя мудрованія въ монастыряхъ и носятъ іезуитскія ожерелья. Да попечется преосв. митрополитъ во еже бы отложить ожерелья. Да будетъ повелѣно, дабы по смерти предреченныхъ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ, уже отъ сихъ, иже ходять учиться въ папешскія мѣста, архимандритовъ, игуменовъ и епископовъ не поставлять; довольна бо есть православная вѣра ко спасенію и не подобаетъ вѣрнымъ прельщаться чрезъ философію и суетную прелесть“. Досифей желалъ, чтобы въ Малороссіи епископами и игуменами были великороссіяне; „понеже исповѣдуемъ, писалъ онъ, быти казаковъ православныхъ; обаче многіе растлѣнные имѣють нравы, ихъ же не подобаетъ учиться тамошнимъ православнымъ“¹⁾. Крупной особенностью малорусской церкви въ вѣроученіи было ученіе о времени пресуществленія св. Даровъ. Въ древнее время западная и восточная церкви сходились въ томъ вѣрованіи, что пресуществленіе Даровъ совершается при произнесеніи священникомъ молитвы: „ниспосли Духа твоего св.“ и проч. Но церковь западная не соблюла этой вѣры въ цѣлости. Съ теченіемъ времени въ ней стали учить и вѣрить, что хлѣбъ и вино предлагаются на литургіи въ тѣло и кровь Спасителя не молитвою священнослужащаго, но словами Господа; „пріймите, ядите..., пите отъ нея“ и проч. Молитва священнослужителя при освященіи

¹⁾ Страдомскій, 86.

Даровъ въ XIV ст. окончательно была исключена изъ латинской литургіи. Въ XV ст. на Флорентинскомъ соборѣ ученіе это католиками было выдано за всегдашнее ученіе церкви вселенской ¹⁾. Южно-русская церковь въ слѣдствіе близкаго сосѣдства и тѣснаго соприкосновенія съ католической польской церковью приняла отъ послѣдней толкованіе о времени пресуществленія св. Даровъ. Латинское толкованіе прошло черезъ сочиненія всѣхъ южно-русскихъ писателей и укрѣплено было авторитетомъ такихъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, какъ Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій, Иннокентій Гизель, Симеонъ Полоцкій, Θεодосій Софоновичъ. Въ Москвѣ долгое время или не знали объ этой южно-русской особенности вѣроученія, или не находили возможнымъ, при подчиненности кievской митрополии константинопольскому патріарху, поднимать рѣчь и настаивать на устраненіи этого вѣрованія, гораздо вѣроятнѣе, что не знали, по недостаточности сношеній съ южной Русью, главнымъ образомъ по невѣжеству, что выразилось между прочимъ въ одобреніи царемъ и патріархомъ московскимъ соч. Гизеля „Миръ съ Богомъ“, гдѣ находится католическое рѣшеніе вопроса о времени пресуществленія святыхъ Даровъ. Со времени присоединенія Малороссіи къ московскому государству, съ усиленіемъ сношеній съ южной и западной Россіей, съ вызовомъ въ Москву южно-русскихъ ученыхъ, въ особенности Симеона Полоцкаго и Елифанія Славинецкаго въ строго церковно-обрядовой Москвѣ обратили серьезное вниманіе на особенности южнорусскаго религіознаго быта и, понятно, по важности дѣла, прежде всего обратили вниманіе на южнорусское толкованіе о таинствѣ евхаристіи. Подчиненіе Малороссіи въ духовномъ отношеніи московскому патріарху дало послѣдне-

¹⁾ Остенъ 5.

му возможность прямо и рѣшительно вмѣшаться въ малорусскія духовныя дѣла. Притомъ случилось такъ, что во время этого подчиненія патріаршій престолъ въ Москвѣ занималъ Іоакимъ, человекъ энергическій и съ школьнымъ образованіемъ. Іоакимъ Савеловъ происходилъ изъ дворянскаго рода. Нѣкоторое время онъ жилъ въ кіево-межигорскомъ монаст., откуда въ сент. 1657 г. былъ переведенъ Никономъ въ Иверскій Богородичный мон. Савеловъ въ молодости ознакомился съ южно-русской богословской наукой и вынесъ прямое къ ней нерасположеніе.

Въ мартѣ 1688 года п. Іоакимъ отправилъ Гедеоу Четвертинскому, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому граматы, въ которыхъ требовалъ отъ нихъ подробныхъ свѣдѣній о флорентинскомъ соборѣ. Патріархъ писалъ, что въ Москвѣ появились „новые нѣкіи Елимы и Ѳевды (въ Дѣян. апост. Елима=волхвъ, а Ѳевда—лжепророкъ), глаголющіе развращонная и составляющіе крадежно словопренія, приемлющіе и похваляющіе соборъ флорентскій; другіе же воспротивляющесе имъ онаго Флорентскаго не приемлютъ, весьма отрицаютъ, и распри въ томъ творятъ не малы, а извѣстныхъ писаній обѣ стороны показать не могутъ, зане въ книгахъ нашихъ рѣдко о семъ гдѣ обрѣтается писаніе..... Хотемъ отъ вашихъ извѣститься книгъ, зане у васъ вящше обрѣтается ихъ о семъ рукописанныя и печатныя книги, да явится истина и правда“¹⁾. Архіеписк. Лазарь отвѣтилъ скоро. 26 мая 1688 г. онъ отправилъ патріарху письмо, въ которомъ говоритъ: „Мало есть мнѣ вѣдомо о немъ (т. е. Флор. соб.); въ таковыя бо книги и писмена сказующія о томъ соборѣ флорентскомъ оскуденъ есмь; но и немнози нашего благочестія учителя о немъ писаша; развѣ яко прежде видѣхъ въ единой книзѣ съ языка греческаго на славянскій ис-

¹⁾ Страдомскій, 85.

толкованной и напечатанной во градѣ земли волынскія, Острожѣ нарицаемомъ ¹⁾). Въ другой же въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ напечатанной подъ титуломъ рекомѣ: житіе св. Сергія игумена и чудотворца радонежскаго. Да въ тѣхъ же книгахъ совершенно дается знати о флоренскомъ соборѣ, о статьяхъ и предложеньяхъ и какъ совершенъ. И въ тѣхъ книгахъ называютъ благочестивіи той соборъ флоренскій соборище разбойническое... Но обаче еще ми и не суть таковы книги о флоренскомъ соборѣ извѣстно творящія, что же бѣ мощно вкратцѣ собратися, начертахъ“. Далѣе слѣдуетъ краткая исторія флорентинскаго собора ²⁾). Варлаамъ Ясинскій послалъ патриарху отвѣтъ 26 іюля 1688 г. По болѣзни Варлаама, отвѣтъ былъ написанъ рукою Димитрія Саввича Туптало ³⁾). Гедeonъ, прежде чѣмъ отправить въ Москву отвѣтъ, совѣтовался съ кievскими игуменами и хотѣлъ войти въ соглашеніе по этому поводу съ архіеп. Лазаремъ ⁴⁾). Узнавъ, что Барановичъ уже отправилъ въ Москву свой отвѣтъ, Гедeonъ въ концѣ августа 1688 г. препроводилъ туда и свой отвѣтъ, въ которомъ говорилъ, что онъ и вся его паства не признаютъ флорентинскаго собора ⁵⁾).

Въ сентябрѣ 1688 г. п. Іоакимъ предложилъ Гедeonу, Лазарю и Варлааму высказаться о времени пресуществленія св. Даровъ, причемъ послалъ имъ обличеніе „Выклада о церкви“, Феодосія Софоновича, гдѣ изложено латинское ученіе о времени пресуществленія

¹⁾ Рѣчь идетъ о южно-русс. перев. соч. Сироулова „О соборѣ флоренскомъ листрійскомъ“; напечат. въ перев. на соврем. яз. въ акад. изд. „Апокрисиса“.

²⁾ Письма Лазаря Барановича 230—235.

³⁾ Моск. Архивъ М. Ин. Дѣль. Малор. д. св. 77.

⁴⁾ Архивъ юго-зад. Россіи. I. V. 269.

⁵⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Дѣль. Малор. д. св. 78.

евхаристіи. Выказавъ въ началѣ обличенія удивленіе, что автору Выклада „не стыдно не токмо иныхъ чедовѣкъ, но и своєю совѣсти сице нагло жесловити“, составитель обличенія опровергаетъ доводы автора по пунктамъ. Въ обличеніи наговорено много колкостей на счетъ кievскихъ „младомудрецовъ“, „мудраговъ“, „мудраковъ“, „дерзостниковъ“¹⁾. Малорусскія духовныя лица медлили отвѣтомъ, и п. Іоакимъ даже упрекалъ за это м. Гедеона. Когда же отвѣты были получены въ Москвѣ, то п. Іоакимъ не нашелъ въ нихъ полного согласія съ принятымъ въ Москвѣ ученіемъ о времени пресуществленія евхаристіи. „Аще же ли не хочете, писалъ патріархъ, пребыти въ предѣлахъ и догматахъ св. отецъ нашихъ, рцйте намъ, съ кѣмъ прочее согласіе и общеніе имѣть будете; кого же пастьеры и главу имате“. П. Іоакимъ писалъ въ Малороссію, что онъ, патріархъ, не желаетъ, чтобы восточныя патріархи знали о погрѣшности малорусскихъ духовныхъ лицъ, „да не тяжко тѣи что о семь на вы изрекутъ“, и въ то же время жаловался на малорусское духовенство константинопольскому патріарху Діонисію и просилъ его списаться съ другими патріархами и обличить малоруссовъ „и запретить и тяжко осудить, да не имуть волю и власть... ниже книги какія печатати, ниже ино что творити безъ нашего соборнаго разсмотрѣнія“²⁾. Патріархъ предложилъ митроп. Гедеону прислать въ Москву для переговоровъ „мужа смиренномудра, пріискринно восточныя церкви сына, вѣдуща извѣстно писанія св. отецъ древнихъ учителей св. христовы восточной церкви, а не силлогизмами и аргументами токмо упражняющагося; да черезъ того вы познаете вся наша, а мы ваша“. Въ Москву ѣздилъ Димитрій Туптало, не столько для переговоровъ, сколько

¹⁾ Остенъ 21—69.

²⁾ Опис. рукоп. моск. синод. библ. № 317, стр. 517.

ко для выслушанія патріаршаго правоученія и наставленія. М. Гедеоиъ и архим. Варлаамъ заявили о своемъ полномъ согласіи съ патріархомъ и о своей готовности во всемъ слѣдовать ученію православной церкви. Архіеп. Лазарь не далъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ попытался оправдать ученіе малорусской церкви о времени пресуществленія евхаристіи. Въ февралѣ 1689 г. архіеп. Лазарь послалъ съ Θεодосіемъ Углицкимъ къ патріарху обширное объясненіе, замѣчательное по силѣ изложенія. „Прилежно же поискавъ, писалъ Лазарь, и обрѣтохъ въ самомъ себѣ и во всецѣлой церкви здѣшней, яко отъ днѣй, въ ниже водою и духомъ родихомся, доселѣ, ни едина прѣ о семъ, ни едино сумнительное испытаніе во всей малороссійстѣй церкви на средѣ привнесся; но отъ мягкихъ ногтей нашихъ и научихомся и научихомъ, вѣровахомъ же несумнѣнно и исповѣдахомъ, яко словеса Христа Господа реченными: пріймите, ядите и проч., и пійте отъ нея все и проч., бываетъ пресуществленіе хлѣба во пречистое и животворящее тѣло, а такожде и вина во пречистую и животворищую кровь Господню. Сіе же не отъ коихъ новосѣченій (?) и растлѣнныхъ латинскихъ книгъ пріяхомъ, но въ различныхъ учителей греческихъ, соблюдишихъ догматы православныя восточныя католическія церкви неврежденны, святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ богодухновенномъ ученіи во весь день житія нашего упражняющеса, тако обрѣтохомъ, и сами доселѣ тожде мудрествовахомъ и вѣровахомъ. Не бо едина тетрадь донесенная мнѣ со грамотою всесвятѣйшества вашего, нареченная „Выкладъ о церкви святой, о церковныхъ вещахъ и о литургіи божественной“, мужемъ въ житіи святѣ свидѣльствованномъ и премудромъ, почившемъ уже о Господѣ Θεодосіемъ Софоновичемъ, игуменомъ златоглаваго Михаила кіевскимъ, отъ божественныхъ учителей собранная и тисненіемъ печатнымъ во св. кіево-печерской обители въ мѣръ произве-

денная (яже весьма нѣсть схизматическій подвергъ) являетъ сіе, яко христовыми словеса совершается тайна евхаристіи святой; но и въ многоразличныхъ, не съ латинскаго, но отъ истиннаго греческаго языка богомудрыхъ и православныхъ церкви св. восточныя праведныхъ сыновъ россійскихъ трудолюбне на славянскій языкъ переведенныхъ и не отъ единая киевопечерскія типографіи, но и отъ иныхъ благочестномудреннѣ печатію изданныхъ книгахъ тожде единомысліе содержащееся обрящемъ. А тетрадь тая (т. е. Выкладъ) нѣсть подвергъ униатскій или іезуитскій, тако и ученіе въ ней о тайнѣ евхаристіи св. написанное не есть противно православиѣ восточной церкви: согласуетъ бо ся со всѣми иными книгами въ типографіи печерской киевской міру явленными, яже суть бесѣды св. Златоустаго при архим. Елисеѣ Плетенецкомъ изданные, Требникъ великій, служебникъ, катехизисъ, Лиоосъ.... и иными трудами то самого преосв. митроп. Петра Могилы, то преосв. м. Сильвестра Коссова составленныя книги, наконецъ, книга „Миръ съ Богомъ“ трудомъ блаж. памяти о. Ин. Гизеля архимандрита печерскаго сложенная и въ царствующемъ градѣ Москвѣ отъ блаж. памяти вел. госуд. царя и велик. кн. Алексѣя Мих. и отъ святѣйш. п. моск. и всея Россіи Іоасафа милостивыми грамотами похваленная. Въ нихъ же всѣхъ яко не обрѣтается о пресуществленіи тѣла и крови христовы кое—либо несогласіе, христовымъ бо словесемъ вездѣ совершеніе сіе восписуютъ, тако и чтущіе я и употребляющіе ихъ здѣ едино и тожде мудрствованіе и согласіе въ семъ имуть искони“¹⁾. Патриархъ послалъ Лазарю грамоту въ опроверженіе его доводовъ и такъ какъ Лазарь не отвѣтилъ на эту грамоту, то ему „послася еще“, „Аще же и нынѣ насъ пренебрежиши, писалъ Іоакимъ, и не вскорѣ намъ о всемъ семъ

¹⁾ Письма Лазаря Барановича 237.

совершенное извѣстіе даси, буди вѣдая: аще и самъ азъ по благодати всесв. Духа власть имамъ съ сыны моими пресвященными и боголюбивыми архіереи судъ о тебѣ изнести; но ради вящшаго извѣщенія воспишу вся яже о тебѣ братіи начало пастырства нашего четьремъ святѣйшимъ патріархамъ и вси о тебѣ купно судъ достойный, къ мѣрности нашея преслушанія и презорства твоего, ко св. же церквѣ противленія изнесемъ. А донелѣ же о себѣ намъ не извѣстиши до совершеннаго тебѣ суда буде ничтоже священныхъ дѣйствуя; да знаеши главу и отца твоего и да научишися не быти презорливъ и не послушливъ къ архинастырю своему и къ восточныя церкви святой“¹⁾. Архіеп. Лазарь, какъ и слѣдовало ожидать, поспѣшилъ покориться вполнѣ патріарху, о чемъ и заявилъ ему въ граматѣ отъ 19 ноября 1689 г.: „Воспримъ азъ отъ святительства вашего седмъ хартій о пресуществленіи хлѣба и вина.....; яко отцу сынъ и пастырю овца на гласъ желанія святыни твоей послушливъ на тебе иду“.²⁾

На соборѣ 1690 года п. Іоакимъ заявилъ: „Нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, во послѣдняя времена сія, въ няже концы вѣковъ достигоша, освоevoliшася нѣции чловѣци, пастырей своихъ не слушающе и закона божественнаго не храняще и страхъ Божій отринувши, не суще священіи, не внемлюще кійждо своему чину, въ немъ же отъ Бога и отъ царя вчинишася, начаша дерзати о таинствѣ таинствъ, святѣйшей евхаристіи, разглагольствовати и испытовати и о томъ вездѣ бесѣдовати и вѣщати и другъ со другомъ любопрѣтися, овъ глаголя сиче, овъ же сиче.... И не токмо мужіе, но и жены и дѣтици испытнословять.“ Столь ненавистный съ обыденной московской точки зрѣнія духъ

¹⁾ Опис. рукоп. моск. синод. библиот. II. 3. № 310.

²⁾ Письма Лазаря Барановича 247.

пытливости, выразившійся въ неправославномъ толкованіи таинства евхаристіи, по словамъ п. Іоакима, возникъ прежде всего отъ того, что „юноши нѣдци отъ царствующаго града Москвы отошли въ польское королевство ради ученія латинскаго.... и, бывши тамъ нѣкое время, понавыкли латинскимъ писаніямъ и тамошнимъ правамъ“, потомъ отъ того, что, съ подчиненіемъ Малороссіи Москвѣ, въ Москву пришли многіе малороссіяне, усвоившіе на родинѣ латинскія мудрованія. Патріархъ строго осудилъ сочиненія покойнаго Полоцкаго и его ученика Сильвестра Медвѣдева. Затѣмъ онъ обвинилъ въ ереси „новотворныя кіевскія книги“, какъ-то: „Требникъ“, изд. въ кіево-печерск. лаврѣ, всѣ сочиненія Кирилла Транквилліона, „Лиѳосъ“ П. Могилы „Миръ съ Богомъ“ И. Гизеля, „Мечъ“ и „Трубы“ Л. Барановича, „Ключъ“ и „Мессію“ І. Галятовскаго, „О семи тайнахъ“ С. Коссова. Патріархъ замѣтилъ далѣе, что онъ писалъ по случаю возникшаго разногласія о времени пресуществленія св. Даровъ м. Гедеону и архіеп. Лазарю, „и ти первѣе въ обычаехъ своихъ, прибывшихъ имъ отъ латинскаго ученія, мало нѣкако припрошася, паки же отъ насъ обличеніи писаньи св. отецъ и древне-печатными книгами, все совершенно покорисася намъ со всею своею паствою и во всемъ согласисася съ восточною св. церковію ¹⁾).

Такъ закончился этотъ любопытный въ историко-бытовомъ отношеніи эпизодъ. Малорусская церковь доведена была энергическими усиліями п. Іоакима до признанія принятаго въ Москвѣ ученія о времени пресуществленія св. Даровъ. П. Іоакимъ обнаружилъ большую настойчивость. Въ данномъ случаѣ московскимъ духовенствомъ, въ частности патріархомъ, руководили разныя побужденія: религіозность, нетерпимость, само

¹⁾ Остенъ 111—149.

миѣніе. „Все, что не говорятъ, писалъ датскій посланникъ Ульфелъдъ о москвитянахъ въ 1575 г., почитаютъ за справедливое и неоспоримое и не любятъ ежели стать противорѣчить имъ въ дѣлахъ, никакого порядку не наблюдаютъ, но во всемъ безрасудно поступаютъ, во всѣ стороны разбиваются, когда только на мысль имъ взойдетъ, никакихъ представленій не хотятъ слушать и прерываютъ рѣчи, по своему вкусу разсуждая и считая то только за важное, что сами предложатъ; ежели противъ нихъ сказано было бы что-нибудь, за непристойное и ни къ чему годное вмѣняютъ и о себѣ только однихъ хорошаго миѣнія будучи, себя предпочитаютъ, другихъ за ничто содержать“¹⁾. Въ восьмидесятыхъ годахъ семнадцатаго вѣка Зерникавъ писалъ: „Москвитяне не уважаютъ иностранцевъ и ученыхъ, а думаютъ, что они сами сдѣлать могутъ, что сдѣлали бы тѣ“. „Они презираютъ тѣхъ, говоритъ Зерникавъ въ другомъ мѣстѣ своей автобіографіи, кои не происходятъ отъ знатныхъ семей, ученыхъ не любятъ, составляютъ партіи“²⁾. Что религіозная нетерпимость въ самой Великороссіи уменьшалась по мѣрѣ удаленія отъ златоглавой Москвы, видно, между прочимъ, изъ того, что наиболѣе дѣятельный защитникъ малорусскаго ученія о времени пресуществленія св. Даровъ, Гавріиль Домецкій, встрѣтивъ въ Москвѣ гоненіе, нашель покровителя въ Новгородѣ въ лицѣ просвѣщеннаго архіепа. Іова. Нельзя сказать, чтобы малорусскія духовныя лица упорствовали въ сохраненіи латинскаго ученія о времени пресуществленія св. Даровъ. Галятовскій отъ южно-русскаго толкованія добровольно перешель къ толкованію

¹⁾ „Чтенія въ Общ. Ист. и древ. рос.“ 1883. II. Мат. иностр. 32.

²⁾ Труды кiev. дух. акад. 1860. III. 194. (Зерникавъ былъ въ Москвѣ въ 1683 г.).

великорусскому ¹⁾. Неизвѣстный южно-русскій авторъ рукописнаго сочиненія о времени пресущевленія св. Даровъ, какъ полагають, св. Димитрій Ростовскій, человѣкъ истинно смиренный и благочестивый, старается найти посредствующее звено для примиренія и соглашенія различныхъ мнѣнй о времени пресущевленія св. Даровъ ²⁾.

При избраніи новаго кievскаго митрополита, по смерти м. Гедеона, о кандидатурѣ архіеп. Лазаря не могло быть уже и рѣчи. Лазарь былъ глубокой старикъ, отягощенный недугами. Въ добавокъ, патріархъ московскій не благоволилъ къ нему послѣ переписки по вопросу о времени пресущевленія св. Даровъ. Митрополитомъ избранъ былъ Варлаамъ Ясинскій, Онъ получилъ посвященіе въ Москвѣ 28 марта 1691 г. Новый митрополитъ ходатайствовалъ въ Москвѣ черезъ посла своего Стефана Яворскаго о сохраненіи за кievской митрополіей глуховской, конотопской и борзенской протопопій. Еще ранѣе онъ хлопоталъ о подчиненіи черниговской архіепископій кievскому митрополиту ³⁾. Протопопій были укрѣплены за кievской митрополіей. Арх. Лазарь былъ сильно оскорбленъ этимъ поступкомъ м. Варлаама. Много лѣтъ Ясинскій оказывалъ ему знаки уваженія и дружескаго расположенія; много лѣтъ благоволилъ къ нему Барановичъ. 7 января 1668 г. Барановичъ писалъ намѣстнику братскаго монастыря, по случаю избранія Ясинскаго ректоромъ коллегіи и игуменомъ братскаго монастыря, „упредили вы меня голосами въ избраніи и десницами въ благословеніи о ректора, но не упредили въ желаніи; присоединяю къ голосамъ вашимъ мой голосъ и къ благословенію вашему мое благословеніе“. Въ концѣ 1683 г. Ин. Гизель скон-

¹⁾ Сумцовъ, І. Галятовскій, 28.

²⁾ Петровъ, Жур. Мин. Нар. Просв. 1884 г. Апр. 356.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Малорос. д. св. 83 и 86.

чался и архимандритомъ печерскимъ избранъ былъ Варлаамъ Ясинскій, при содѣйствіи архіеп. Лазаря. „Постановляю первымъ кандидатомъ васъ, писалъ ему Лазарь при избраніи архимандрита, какъ дознаннаго мною съ давняго времени по отличному поведенію и кротости“. И вотъ благонравный Варлаамъ отнимаетъ у престарѣлаго Лазаря издавна ему принадлежавшія протопопіи. Лазарь не могъ равнодушно это вынести. „Ваше высокопреосвященство, писалъ ему Барановичъ 17 авг. 1691 г., при непрестанныхъ недугахъ моихъ изволили къ болѣзни моей приложить новую скорбь... Сноснѣе было бы моему растерзанному сердцу перенести этотъ ударъ отъ руки недруга, аще бы врагъ поносилъ ми претерпѣлъ быхъ убо; но терпѣть его отъ вашего высокопр., когда я твердо надѣялся имѣть отъ васъ утѣшеніе въ горѣ,—о, какъ тяжко! И подлинно лучше отдаться врагу стороннему, чѣмъ терпѣть отъ своего домашняго..... Вижу теперь, что в. в. подъ видомъ только братской расположенности скрывали тайную ко мнѣ непріязнь, которую въ настоящее время торжественно предъ лицомъ всей Россіи и обнаружили“... 1). 30 сент. 1691 г. Барановичъ жаловался п. Адріану на м. Варлаама и просилъ возвратить ему протопопіи 2). П. Адріанъ, весьма дружелюбно относившійся къ м. Варлааму, споръ о протопопіяхъ конотопской, глуговской и борзенской рѣшилъ въ пользу кievской митрополіи, о чемъ любезно увѣдомилъ м. Варлаама и обѣщаль оградить его отъ укориженныхъ писемъ Лазаря. „И аще ли кое досажденіе в письмѣ его бысть тебѣ, писалъ п. Адріанъ въ 1692 г., и ты бы о томъ нашей мѣрности писалъ имянно, и мы къ нему смотрѣливнѣ властію нашею сказанія пошлемъ“ 3).

1) Письма Л. Баран., 37, 225, 249.

2) Моск. Арх. М. Ин. Д. Малор. дѣла, 1 св. 87.

3) Архивъ юго-зап. Рос., I, V, 337.

Лазарю въ это время было уже не до споровъ. Онъ схилился подъ гнетомъ лѣтъ и недуговъ. Изъ писемъ Барановича видно, что онъ часто былъ нездоровъ. Такъ, онъ страдалъ почти постоянной бессонницей, гнойными глазными болѣзнями и, кромѣ того, колтуномъ, болѣзнью, свойственной нѣкоторымъ западно-русскимъ мѣстностямъ. Болѣзнь эта, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что волосы на головѣ скатываются въ безобразную шапку и причиняютъ иногда сильную головную боль. Барановичъ неоднократно жаловался своимъ пріятелямъ на колтунъ, что онъ „ворчить, какъ дождь венеціанскій“¹⁾. „Старость сама по себѣ есть болѣзнь“, писалъ Барановичъ однажды Софоновичу, и вотъ эта болѣзнь—старость заставила его просить патриарха о назначеніи ему помощника въ лицѣ черниговскаго архимандрита Θεодосія Углицкаго. Черниговско-елецкая архимандрія была переходной ступенью къ сану черниговскаго архіепископа; такъ, Θ. Углицкій, потомъ І. Максимовичъ передъ посвященіемъ въ архіепископа были архимандритами Елецкаго монаст. Можно думать, что Барановичъ готовилъ себѣ преемника въ лицѣ образованнаго и умнаго І. Галятовскаго; но Галятовскій въ званіи елецкаго архимандрита скончался въ 1688 г., и его преемникомъ былъ Θ. Углицкій. Въ іюль 1692 г. Θ. Углицкій явился въ Москву для поставленія въ черниговскаго архіепископа, съ одобрительной грамотой гетмана Мазепы и просительнымъ посланіемъ отъ духовенства черниговской епархіи. Въ 1693 г. марта 12 Барановичъ послалъ письмо п. Адріану съ благодарностью за посвященіе въ Москвѣ Θ. Углицкаго въ черниговскаго архіепископа. П. Адріанъ увѣдомилъ Барановича и Мазепу, что онъ не дастъ до смерти архіеп. Лазаря Θ. Углицкому утвердительной грамоты на званіе черниговскаго архіепис-

¹⁾ Письма Л. Баран., 92, 106, 180, 203, 218.

скопа ¹⁾. Углицкому не долго пришлось ждать этой грамоты. 3 сентября 1693 г. архіеп. Лазарь, „великій столпъ церкви“, по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, скончался. Прахъ его покоится въ черниговскомъ храмѣ св. Бориса и Глѣба, по лѣвую сторону, за клиросомъ. Въ январѣ 1694 г. Феодосій Углицкій получилъ отъ п. Адріана утвердительную грамоту на званіе черниговскаго архіепископа.

¹⁾ Архивъ юго-зап. Рос., I, V, 350—358, 381—384.

ПОПРАВКИ:

Стран	Стр.	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
3	22	1860	1869
5	28	нозначеніи	назначеніи
6	11	Канашевича	Конашевича
6	13	почти на два	на два почти
13	5	вѣскими	вѣскими
13	20	митрополитомъ Исаія. Копинскій	митрополитомъ. Исаія Копин- скій
14	21	сорокъ	по сороку
23	15	легко могли	могли
37	20	стѣсненія	стѣсненія
58	17	затѣтилъ	замѣтилъ
59	16	отличительная	отличительную
79	12	малоруссовъ	малоруссовъ
89	25	ратные	и ратные
89	30	замѣчалось	замѣчалась
90	2	Это	Эта
97	22	обусловливалось	обусловливались
101	13	митропольчьею	митрополичей
126	14	сторическій	историческій

TABLE

Page	Page	Page	Page
1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	16
17	18	19	20
21	22	23	24
25	26	27	28
29	30	31	32
33	34	35	36
37	38	39	40
41	42	43	44
45	46	47	48
49	50	51	52
53	54	55	56
57	58	59	60
61	62	63	64
65	66	67	68
69	70	71	72
73	74	75	76
77	78	79	80
81	82	83	84
85	86	87	88
89	90	91	92
93	94	95	96
97	98	99	100

Дополнительныя поправки

къ 1-му выпуску.

Напечатано:		Должно быть:	
Стран.	Стр.		
1	3	вторую половину	второй половинѣ
1	10	преимущественно	а преимущественно
1	28	дѣятелю	дѣятелю науки,
2	3	плеснѣвъѣла	плѣсневѣла
6	9	возникновеніе и развитіе	развитіе
7	3	каллегии	коллегіи
7	20	не	ни
8	11	затѣмъ уже	затѣмъ
9	24	въ теченіи	въ теченіе
12	25	высокое	и высокое
33	6	хотя разумѣтся	разумѣтся
51	25	и Черниговѣ	и, м. б., въ Новгородѣ сѣв.
56	21	и въ	и
61	14—19	Къ чести и проч.	(выбросить).
90	10	мемурахъ	мемуарахъ
93	9	покарялъ	покаралъ
106	17	характера	твердаго характера
114	31	542	552
118	9	мѣсяць сообщаетъ	сообщаетъ мѣсяцу и
115—124		во многихъ словахъ пропущенъ знакъ носоваго произношенія въ польскомъ языкѣ а и е.	знакъ носоваго произношенія въ польскомъ языкѣ а и е.

Дополнительныя поправки

ко 2-му выпуску.

Напечатано:		Должно быть:	
Стран.	Стр.		
4	11	Брожка	Брожекъ
6	33	религіозному ханжеству	полемикѣ и
10	4	767	въ концѣ VIII столѣтія
19	5	еще сдѣлало одну	сдѣлало
24	6	542	552
25	15	казанье	казаньѣ
30	13	перенумъ	перуномъ
32	22	цѣнь	цѣрь (сѣра)
32	26	карбунсулъ	карбункуль
35	34	макарнизмовъ	макаронизмовъ
38	1	мемуаристы	и мемуаристы
43	11	изданіи	изданіяхъ

СОДЕРЖАНІЕ:

Предисловіе. Историческое значеніе Л. Барановича (1—2). Исслѣдованія о Барановичѣ (2—3). Фамилія Барановичъ; родители Л. Барановича и время его рожденія (3—6). Школа, пройденная Б. (6—8). Б.—профессоръ, потомъ ректоръ кievской коллегіи (8—9). Б.—игуменъ кушатицкаго монастыря; перенесеніе кушатицкой иконы Богоматери въ Кіевъ (9—12). Посвященіе Б. въ епископы черниговскіе (12—13). Еп. Зосима Прокоповичъ (13—15). Б.—управляеть кievской митрополіей; избраніе митрополитомъ Д. Балабана и гетманомъ И. Выговскаго; полученіе утвердительныхъ грамотъ на маестности черниговской архіепископіи (15—18). Состояніе черниговской епархіи до Барановича (18—20). Устроительная дѣятельность Б. Учрежденіе протопопій и намѣстничествъ (20). Постройка и исправленіе церквей и монастырей (20—22). Забота о матеріальномъ благосостояніи духовенства (22). Консерватизмъ Барановича (22—23). Заботливость Б. о школахъ (24). Учрежденіе типографіи. Историческій очеркъ дѣятельности черниговской типографіи Барановича (24—39). Развитіе въ Малороссіи церковнаго пѣнія и дѣятельность Б. въ этомъ направленіи. Соудѣйствіе Б. въ улучшеніи церковнаго пѣнія въ Москвѣ. Малоруссы — пѣвчіе въ московскомъ государствѣ (39—49). Состояніе церковной проповѣди въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ. „Ключъ“ Гаялювскаго. Димитрій Туптало. „Мечъ“ и „Трубы“ Барановича. Изданіе. Содержаніе. Языкъ. Отзывы современника и потомства (49—63). Удаленіе м. Д. Балабана и мѣстоблюстительство Барановича. Еп. Меводій Филимоновичъ (63—68). Жалоба Сафонова на Б. (68—70). Участіе Б. въ московскомъ соборѣ 1666 г. Отзывъ Б. о п. Никонѣ и дѣяніяхъ собора. Возведеніе Б. въ санъ архіепископа (70—74). Отзывъ Б. о „Жезлѣ“ С. Полоцкаго и возникновеніе раскола въ Стародубѣхъ (74—76). Личныя отношенія Б. къ гетм. Брюховецкому (76—78). Политическій идеалъ Б. Склоненіе Многогрѣшнаго къ подданству царю. Историческій очеркъ воеводскаго управленія въ Малороссіи при гетманахъ Выговскомъ и Брюховецкомъ. Стремленіе Б. удалить воеводу изъ Малороссіи. Глуховская рада (78—102). Политическая дѣятельность Б. при гетманѣ Многогрѣшномъ (102—110). Литературная дѣятельность Б. „Утѣшеніе“. „Житія святыхъ“ (110—112). „Лютня“ (112—128). Вирши о м. І. Тукальскомъ (128—129). „Новая Мѣра“ (129—138). „Вечерній плачь“ и „Заутренняя радость“.

Предисловіе къ „Анеѳологіону“. „Благодать и истина“ (138—142).
Б. на радѣ въ Казачьей Дубровѣ и его политическая дѣятельность
при гетм. Самойловичѣ (142—143). Заботы Б. объ увеличеніи ма-
етностей черниговской архіепископіи (143—147). Отзывъ Б. о кре-
стьянахъ, какъ податномъ сословіи (147). Столкновение Б. съ Ле-
жайскимъ (147—151). Столкновение Б. съ Адамовичемъ (151—159).
Сношенія Б. съ московскимъ государствомъ при гетманѣ Самойло-
вичѣ (159—161). Съѣздъ духовныхъ лицъ въ Кіевѣ 20 іюня 1685 г.,
избраніе митрополитомъ Гедеона Четвертинскаго и отклоненіе гет-
манскаго предложенія о подчиненіи кіевской митрополіи моск. па-
тріарху. Подчиненіе Гедеона моск. патріарху. Отношеніе м. Геде-
она къ Б. Огорченія м. Гедеона и его кончина (161—166). Осо-
бенности малорусскаго религіознаго быта. Ученіе о времени пресу-
щевленія св. Даровъ. Переписка по этому поводу между п. Іоаки-
момъ и Б. Подчиненіе архіеп. Лазаря. Соборъ 1690 г. и осужденіе
сочиненій Барановича, Галатовскаго и Гизеля. Историко-бытовое
значеніе спора о времени пресущ. св. Даровъ (166—180). Избраніе
Варлаама Ясинскаго митрополитомъ кіевскимъ и отобраніе трехъ
протопоій отъ Б. Огорченія и болѣзни Б. Назначеніе помощника
и преемника по епархіи. Кончина Барановича (180—183).

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

6653